

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

Сестра
жемчуга

INSPIRIA

Люсинда Райли
Семь сестер. Сестра жемчуга
Серия «Семь сестер. Мировые
хиты Люсинды Райли», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64395946

*Семь сестер. Сестра жемчуга:
ISBN 978-5-04-117795-9, 978-5-04-120488-4*

Аннотация

Путешествие, предпринятое Сиси, одной из шести приемных сестер Деплеси, в попытке найти свои истинные корни, – новое непредсказуемое приключение, очередная деталь в загадке о Семи сестрах.

Сиси – замкнутая девушка, которая, ко всему прочему, внешне заметно отличается от остальных сестер. Кто она? Что у нее за необычные черты лица? Какая кровь течет в ее жилах? И что за подсознательная тяга у нее к искусству?

Проучившись несколько месяцев в Лондонской академии искусств, Сиси бросает учебу, понимая, что ей не стать своей в мире европейской богемы. А значит, пора отправляться на поиски нового мира. Того, которому она принадлежит по праву рождения.

Сиси, как и ее сестры, последует за подсказками любимого приемного отца Па Солта. Но так далеко загадки Па Солта еще никого не заводили.

Содержание

Часть I	6
Сиси	8
1	9
2	31
3	49
4	71
5	97
Китти	136
6	136
7	173
8	202
9	223
Конец ознакомительного фрагмента.	255

Люсинда Райли

Семь сестер.

Сестра жемчуга

*Посвящается отцу и дочери – Ричарду
и Фелисити Теммет*

© Красневская З., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть I

Все путешествия начинаются *одинаково* – с первого шага

Действующие лица романа

АТЛАНТИС

Па Солт (Папа-Соль) – *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка*

Георг Гофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер, капитан катера*

СЕСТРЫ ДЕПЛЕСИ

Плеяды

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие Плеяды)

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

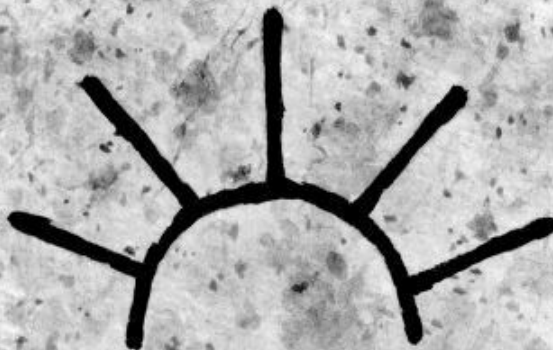
Тигги (Тайгета)

Электра

Меропа (отсутствует)

Сиси

Декабрь 2007 года

Древний знак аборигенов, обозначающий путь человека

«Я точно помню, где находилась и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца», – неожиданно для себя подумала я, глянув в окно иллюминатора, за которым чернела крошечная ночь. Время от времени внизу проносились небольшие скопления мерцающих огней, указывающих на то, что где-то там, далеко подо мною, теплится человеческая жизнь. Каждый такой отдельный огонек – это ведь чей-то дом, семья, круг друзей...

Ничего этого у меня больше нет.

Такое впечатление, будто я смотрю на мир, перевернутый вверх тормашками. А огни, мелькающие под крылом самолета, словно факсимиле тех звезд, что светят сейчас высоко в небе. Почему-то мне вдруг вспомнилось, как один из моих преподавателей в академии живописи сказал однажды, что я рисую так, будто не могу разглядеть, что находится передо мной. И он был прав. Я действительно не могла разглядеть. И действительно ничего не видела. Ведь я всегда рисовала то, что *видела своим внутренним зрением*, а не то, что было передо мной наяву. Иногда все эти образы, возникающие в моем сознании, были совершенно бесформенные, не напоминающие собой ни людей, ни животных, ни минералы. И тем не менее они были столь притягательными и яркими, что я всегда подчинялась своему спонтанному порыву запечат-

леть их на полотне. Или сотворить какую-то композицию.

Типа инсталляции. Вон сколько всякого хлама насобира-
ла я на лондонских свалках и притащила все это в студию,
оборудованную в новой квартире. А сколько месяцев я по-
тратила на то, чтобы мысленно прикинуть, как все эти мои
находки будут сочетаться друг с другом в очередной компо-
зиции! Ведь любая инсталляция чем-то похожа на гигант-
ский кубик Рубика, только составленный бог знает из чего.
Тут тебе и старая консервная банка, пропахшая прогорклым
маслом, и полуистлевшее соломенное чучело Гая Фокса, из-
вестного героя Порохового заговора. А рядом – пришедшая
в полную негодность автомобильная крышка и покрытая
ржавчиной железная мотыга. Однако я продолжала упорно
тасовать эти предметы, примеряя и прилаживая их друг к
другу, и была вполне счастлива, занимаясь этим. Но, как это
часто у меня бывает, появляется последний, и самый жиз-
ненно важный компонент будущей композиции, и инсталля-
ция летит ко всем чертям. Начиная сначала.

Я прижалась разгоряченным лбом к прохладному плек-
сигласу, которым были застеклены иллюминаторы в сало-
не авиалайнера. Подумать только. Какая-то тонюсенькая
пластинка из органического стекла защищает меня и всех
остальных пассажиров на борту от удушья и неминуемой
смерти в случае разгерметизации.

«Мы все так уязвимы, так беззащитны...»

«Нет, Сиси! – тут же строго приказала я себе, чувствуя,

как внутри нарастает паника. — *Ты справишься и без нее. Ты сумеешь».*

Мысли мои снова переключались на Па Солта. Впрочем, если вспомнить, что я панически боюсь летать самолетами, думать сейчас о смерти, неважно о чьей, — в этом есть даже что-то успокаивающее, как ни странно. Предположим, случится худшее: наш самолет внезапно рухнет с небес на землю и все мы погибнем. Но разве не утешает то, что есть по крайней мере хоть один человек, который ждет меня по ту сторону бытия. Ведь он уже совершил свое паломничество в страну смерти, причем совершил его в полном одиночестве. Хотя, с другой стороны, все мы умираем в одиночестве, разве не так?

Помню, я как раз натягивала на себя джинсы, когда мне позвонила моя младшая сестра Тигги и сообщила, что Па Солт умер. Кажется, в первый момент я даже не врубилась, не поняла, что она такое говорит. Все, о чем я могла думать в ту минуту, так это — как рассказать Стар. Она ведь просто обожала отца. Я уже заранее знала, что новость убьет ее.

«Но ты ведь тоже обожала Па Солта, Сиси...»

Обожала. Но у меня в жизни есть вполне конкретная роль — защищать и оберегать свою столь эмоционально ранимую сестру. Хотя она на целых три месяца старше меня. У Стар всегда были проблемы с речью, а потому я с раннего детства привыкла говорить за нас обоих. Пришлось взять себя в руки и не давать воли чувствам. Я застегнула джинсы и потащи-

лась в гостиную, чтобы сообщить сестре страшную новость.

Она, по своему обыкновению, ничего не сказала, лишь разрыдалась, упав мне на руки. А я отчаянно боролась со своими слезами, понимая, что в такой момент не имею права плакать. Все ради нее, ради Стар. Я должна быть сильной. Ведь я же нужна ей.

«По крайней мере, была нужна тогда...»

– Мадам, что вам угодно?

На меня пахнуло духами с большим содержанием мускуса, словно обдало сладковатой волной. Я подняла глаза: надо мной услужливо склонилась стюардесса.

– Нет, ничего не надо. Спасибо.

– Вы нажали на кнопку вызова, – промолвила она вызывающе громким шепотом, выразительно кивнув в сторону остальных пассажиров, которые крепко спали. Да и чему удивляться? В Лондоне сейчас только четыре часа утра.

– Простите. Должно быть, случайно, – прошептала я в ответ виноватым тоном и тут же отдернула свой локоть от кнопки вызова. Наверное, незаметно для себя нажала и зря потревожила стюардессу. Как это похоже на меня. Девушка приняла мои объяснения молча, лишь слегка кивнув. А я вдруг вспомнила, что точно так же когда-то мне кивнула учительница в школе, увидев, что я творю утреннюю молитву с открытыми глазами. Шурша шелками, стюардесса удалилась к себе в служебный отсек. Я слегка пошевелилась в кресле, пытаясь удобнее устроиться, и снова закрыла глаза.

Хочу быть похожей на остальных пассажиров. Почти четыреста душ, сумевших побороть свой страх. Наплевать им на то, что они несутся сейчас высоко над землей в какой-то алюминиевой трубе. И не паникуют же, а мирно спят. Ну а я, как обычно, выпадаю из их сообщества. Я ведь не такая, как они, и мне никогда не стать частью толпы. Никакой.

Конечно, можно было бы купить билет и в бизнес-класс. Кое-какие деньги у меня еще остались. Впрочем, денег не так уж и много, чтобы тратить их на какие-то лишние сантиметры свободного места в салоне самолета. Почти все мои денежки уплыли на приобретение шикарной квартиры в Лондоне на берегу Темзы для нас со Стар. Я думала, что приобретаю для нее тот самый настоящий дом, о котором она всегда мечтала. Считала, что делаю ее счастливой. «*Не получилось...*»

И вот я снова, как и год назад, лечу в Таиланд, на другой конец света. Правда, тогда рядом со мной была сестра, и мы тоже летели экономклассом. Зато сейчас я лечу без Стар, одна. И можно сказать, что я не стремлюсь к чему-то и куда-то, а, напротив, бегу прочь...

– Угодно ли вам завтрак, мадам?

Я открыла глаза. Состояние как после пьянки. В первую минуту даже не поняла, где я и что я. Подняла глаза. Та же самая стюардесса, что навевалась ко мне ночью. Боковым зрением увидела, что в салоне уже светло, горит свет. Жалюзи на большинстве иллюминаторов раздвинуты, и сквозь них видны розовые всполохи наступающего дня.

– Нет, благодарю вас. Только кофе. Пожалуйста, черный, без сахара.

Она снова молча кивнула в ответ и удалилась. А я уже в который раз принялась корить себя. Почему я чувствую себя виноватой, когда прошу о какой-то мелкой услуге эту стюардессу? В конце концов, за все ведь заплачено.

– Куда направляетесь?

Я развернулась к своему соседу, которого до сих пор лицезрела только в профиль и видела только его нос, рот и прядь белокурых волос, выбившихся из-под черного капюшона. Но сейчас он тоже повернулся ко мне, явив свое лицо. На вид не больше восемнадцати. Одно слово, юнец! Вон на лбу и на подбородке еще видны следы подростковых прыщей. Рядом с этим мальчишкой я почувствовала себя полноценной пенсионеркой.

– В Бангкок, а дальше – в Австралию.

– Здорово! – восхитился он и тут же сосредоточился на своем порционном подносе с завтраком: какой-то несъедобного вида омлет, пережаренный кусок бекона и что-то длин-

ное и розовое, позиционирующее себя как сосиску. – Туда я тоже намереваюсь попасть когда-нибудь. Но сейчас у меня на повестке дня Таиланд. Мне рассказывали, что тамошние вечеринки Полной луны – это что-то! Полнейший отпад!

– Так оно и есть. Они действительно великолепны.

– Вы на них бывали?

– Несколько раз, – ответила я. Вопрос молодого человека сразу же вызвал в моей памяти лавину воспоминаний.

– А что вы можете порекомендовать? Слышал, что самые лучшие вечеринки на острове Ко Фанган.

– О, я там не была уже целую вечность, но тоже наслышана, что у них это действо проходит сейчас просто грандиозно: народу собирается по несколько тысяч. Но лично я предпочитаю Рейли-Бич на острове Краби. Там, правда, прохладнее, чем в других местах, но это уж кому как нравится.

– Мне тоже рассказывали про Краби, – отозвался мой сосед, энергично двигая челюстями и пережевывая сосиску. – В Бангкоке встречаюсь со своими друзьями. В любом случае у нас еще есть в запасе пара недель до наступления полнолуния, чтобы решить, куда поехать потом. Вы тоже летите в Австралию к друзьям?

– Да, – солгала я.

– И решили сделать короткую остановку в Бангкоке?

– Да, на одну ночь.

Я уловила напряжение юноши, когда наш самолет пошел на посадку в аэропорту Суварнабхуми. Как всегда, все мы,

пассажиры, получили от команды авиалайнера кучу всяческих строжайших указаний на случай непредвиденных обстоятельств. «*Но это же все понарошку, не всерьез*», – подумала я и закрыла глаза, пытаясь унять учащенное сердцебиение. Если самолет сейчас рухнет на землю, то все мы мгновенно погибнем. И тогда какая разница, в каком именно положении находится в данную минуту мой откидной столик? Прямо он стоит или наклонно... Лучше бы проинструктировали свой персонал, как успокаивать нервы боязливым пассажирам, чтобы снять излишний стресс у особо чувствительных.

Но вот самолет плавно коснулся взлетной полосы, и я тут же, еще до объявления об этом во всеуслышание по громкоговорителю, почувствовала, что да! – мы уже на земле. Открыла глаза, испытывая самый настоящий триумф. Я смогла! Совершила дальний перелет одна и выжила. Осталась в живых для того, чтобы поведать миру свою историю. Стар наверняка бы гордилась мной... Если ее еще занимает моя персона.

Быстро прошла таможенный досмотр, подхватила свой багаж с ленты транспортера и зашагала к выходу.

– Желаю хорошо провести время в стране Оз под названием Австралия, – бросил на ходу мой сосед, обгоняя меня. – Приятель рассказывал, что в тамошних местах дикая природа словно *сошла с ума*. Говорит, пауки ползают размером с блюдце. Всего доброго. Надеюсь, до встречи!

Прощальный взмах рукой, и молодой человек растворяется в толпе. Я более медленным шагом тоже пробираюсь к выходу. На улице меня уже поджидает привычная стена из удушливо-влажного зноя. Сажусь на рейсовый автобус, курсирующий между аэропортом и городом, чтобы добраться до отеля, в котором зарезервировала себе номер на одну ночь. Обычная процедура оформления на ресепшн, и вот я уже в своей крохотной, стерильно чистой комнатке. Едва переступив порог, сбрасываю с плеч рюкзак и усаживаюсь на постель, прямо на белые простыни. Пожалуй, будь у меня собственный отель, я бы использовала в качестве постельных принадлежностей для своих постояльцев исключительно темное белье. Цветные простыни не выдают пятна, оставшиеся на них от других человеческих тел. А на белых простынях, как ты их ни застирываешь и ни кипятишь, эти следы все же заметны.

Впрочем, в этом мире столько всего, что откровенно озадачивает меня. Все эти правила и регламентации, придуманные кем-то когда-то давным-давно, совсем в другом месте и по другому поводу. Снимаю с ног походные ботинки и откидываюсь на подушки. А ведь я могу сейчас быть где угодно, размышляю я уныло, и сама эта мысль не придает мне хорошего настроения. Под потолком негромко жужжит вентилятор, разгоняя духоту. Я закрываю глаза, пытаюсь заснуть. Но в голову лезут всякие противные мысли. Предположим, умри я прямо сейчас, и ни одна живая душа на всем белом

свете не узнает, что меня больше нет.

Наконец-то до меня доходит, что такое настоящее одиночество. Грызет тебя изнутри, а в душе словно огромная пустая воронка. Отчаянно моргаю глазами, стряхивая с ресниц подступившие слезы. Я никогда не отличалась излишней слезливостью. Но на сей раз слезы упорно наворачиваются на глаза. С усилием расплющиваю отяжелевшие веки. Кажется, сейчас плотину прорвет.

«Ну и поплачь, Сиси. Поплачь, тебе сразу же полегчает...» – слышу я ласковый голос Ма, звучащий в моей голове. Так она успокаивала меня когда-то в Атлантиде, когда я еще ребенком свалилась с дерева и растянула связки на ноге. Но тогда я не заплакала. Вот еще! Будто я рева-корова какая-то... Зато в кровь искусала губы, стараясь не разреветься от боли.

– Да, Ма – вот она расстроится, если со мной что случится, – пробормотала я несчастным голосом и протянула руку за мобильником. Сейчас отобью ей эсэмэску, сообщу, где я и что со мной. Да, но если я сейчас включу мобильник и увижу там эсэмэску от Стар? Или, что еще хуже, никакой эсэмэски от нее не будет? Сама мысль об этом была нестерпима. Я понимала, что *не выдержу этого*. С силой отшвырнула от себя телефон и снова закрыла глаза. Нужно все же постараться уснуть. Но на сей раз перед моим мысленным взором вдруг возник Па Солт. Возник и явно не спешил никуда уходить.

«Сиси, очень важно, чтобы у вас со Стар, у каждой из вас, были свои друзья... Чтобы вы не довольствовались только обществом друг друга...»

Такое пожелание отец высказал мне незадолго до того, как мы с сестрой отправились на учебу в университет в Сассексе. Помнится, я тогда даже обиделась на Па Солта. Зачем мне какие-то друзья? Мне никто *не нужен*, кроме Стар. И ей тоже никто не нужен. Во всяком случае, так мне казалось тогда. Зато сейчас...

В последнее время Стар со всей очевидностью дала мне понять, что ей надоело постоянно быть рядом со мной. Странно, но именно в эти последние недели я поймала себя на том, что очень часто мысленно беседую с Па Солтом. Его смерть до сих пор не могу воспринять как данность. У меня все время такое чувство, будто он где-то рядом, совсем близко от меня. Такое ни на что не похожее чувство. Хотя по своему характеру я полная противоположность своей младшей сестре Тигги со всеми ее чудаковатыми верованиями и бредовыми идеями о загробной жизни, тем не менее какая-то непонятная часть моей души вдруг тоже стала откликаться на подобные вещи... Я буквально нутром почувствовала, что там, за этой чертой, что-то есть. *И сны мои* в последнее время лишь подтверждали эту странную догадку. Они стали такими яркими, такими живыми и насыщенными. Просыпаясь по утрам, я размышляла о том, что мои сны стали похожи на красочный телевизионный сериал. И при этом я чувствовала

себя вполне удовлетворенной. Потому что случались и другие ночи, когда меня по-прежнему преследовали кошмары. Особенно часто в этих кошмарах снились огромные пауки...

Я невольно содрогнулась, вспомнив слова своего юного соседа по самолету, которые он обронил, прощаясь со мной... Неужели правда? И в Австралии действительно водятся пауки размером с блюдце? Ужас!

— Ужас! — воскликнула я, вскочила с кровати, чтобы переключить мысли на что-то другое, и побежала в ванную ополоснуть лицо. Взглянула на собственное отражение в зеркале: покрасневшие от слез глаза, распухшее лицо, всклокоченные после долгого перелета жирные волосы, торчащие в разные стороны. Ни дать ни взять детеныш какого-нибудь дикого вепря.

Для меня никогда не имело значения, что Ма много раз твердила, какие у меня красивые глаза. И такой необычной формы... И цвет тоже необычный... Ну и что из того? Стар тоже часто повторяла, как ей нравится гладить меня по лицу. Дескать, у меня такая нежная и гладкая кожа, которая напоминает ей масло какао. Но я-то отлично понимала: просто хотят казаться добренькими. Я же не слепая, в конце концов. И не уродина какая... И вообще, терпеть не могу, когда начинают обсуждать мою внешность. Хватит с меня и того, что все пять моих сестер красавицы. Могу позволить себе роскошь выпасть из их комплекта. И даже Электра, наша супер-модель мирового уровня, даже она постоянно твердит, что я

мало уделяю времени себе, ведь могла бы сотворить из себя что-то такое... А зачем? С какой стати я буду понапрасну тратить свои силы и время? Я ведь никогда не собиралась *быть красавицей*.

Зато я *могу творить* красоту. И даже сейчас, когда я, можно сказать, нахожусь на самом дне, тем не менее хорошо помню слова, которые как-то раз сказал мне Па Солт, когда я была младше.

«Моя дорогая Сиси, что бы с тобой ни случилось в этой жизни, помни, никто и никогда не сумеет отнять у тебя твой талант».

Тогда я восприняла слова отца как очередное *банальное утешение*. Наверное, именно так описала бы мою реакцию Стар. Просто отец решил таким образом компенсировать у меня нехватку других достоинств. Я некрасива, плохо учусь, не умею общаться с людьми. Однако в одном Па Солт ошибся. Да, люди не смогут отнять у меня талант, зато им под силу разрушить мою веру в себя своими уничижительными комментариями. Они могут учинить такой хаос в твоих мозгах, что ты сама не будешь знать, кто ты есть на самом деле и как именно тебе угодить всех своих гонителей, не говоря уже о себе самой. Собственно, именно это и случилось со мной в академии искусства. Потому-то я ее и бросила.

«Зато сейчас точно знаю, в чем мое слабое место», – попыталась я утешить себя. Впрочем, по отзывам своих наставников, ни одна из тех композиций, которые я представляла

на их суд в течение последних трех месяцев, не выдерживала никакой критики.

Все мои живописные работы разносились в пух и прах. Несмотря на уничижительную критику, одно *я знала* совершенно определенно: если я потеряю сейчас веру в свой талант, то зачем мне жить? Ведь это единственное, что у меня осталось.

Я снова вернулась в комнату и улеглась на кровать, желая лишь одного. Поскорее бы закончились эти бесконечно долгие часы одиночества. О, как я сейчас понимаю всех этих стариков, днями напролет просиживавших на скамейках в парке Баттерси, которых я встречала, что ни день, по пути в академию и из нее. Они торчали в парке, даже если на улице стоял мороз. Потому что им важно было убедиться в том, что они не одни на этом свете, что на планете Земля пока еще обитают и другие люди.

В конце концов я все же заснула. Ночью мне приснился кошмар с пауками. Я проснулась от собственного крика и тут же зажала рот рукой. Какой-нибудь случайный жилец, оказавшись в коридоре, еще подумает, что меня тут убивают. Решив, что больше не смогу оставаться в этой безжизненной комнате одна, я быстро натянула на ноги ботинки, схватила фотокамеру и заторопилась к лифту, на первый этаж.

На улице постояльцев гостиницы терпеливо поджидала вереница такси. Я уселась на заднее сиденье одной из машин и попросила водителя отвезти меня к Большому коро-

левскому дворцу. Что меня всегда забавляло в Бангкоке, да, пожалуй, и во всем Таиланде, так это повсеместное обилие обслуживающего персонала. В любом, даже самом крохотном магазинчике, куда ты заглянул, чтобы купить себе упаковку обычного арахиса, тебя тут же бросается обслуживать толпа народа: один сопровождает по залу, второй выбивает чек, третий укладывает твою покупку в пакет. Впрочем, труд здесь баснословно дешевый. Вот и старается каждый, как может. А со стороны похоже на какую-то шутку. Почему-то при этой мысли настроение у меня снова испортилось. Я вдруг подумала, уж не поэтому ли я так люблю путешествовать? Странствия по миру помогают увидеть порядок вещей в его, так сказать, перспективе.

Водитель высадил меня возле Большого дворца, и я тут же влилась в нескончаемый поток туристов. У многих вызывающе красные, обгоревшие на солнце плечи. Наверняка приехали сюда совсем недавно и из северных широт. Перед входом в храм Изумрудного Будды я сбросила с ног свои ботсы, оставив их на ступеньках крыльца вместе со шлепанцами, кроссовками и другой обувкой остальных туристов. Потом вошла в храм. По оценкам специалистов, Изумрудному Будде уже более пятисот лет. Это самая знаменитая статуя в Таиланде. Впрочем, по своим габаритам Изумрудный Будда гораздо меньше других статуй Будд, которые мне довелось повидать, странствуя по свету. Почему-то яркая зелень нефрита, да и сами формы тела Изумрудного Будды вдруг

напомнили мне такую ярко-зеленую ящерицу. Линии тела лились плавно, хотя, если приглядеться внимательнее, были не вполне безупречными. Впрочем, это не столь уж и важно. Все равно Изумрудный Будда очень красив.

Я уселась на коврик, скрестив ноги, наслаждаясь прохладой, царившей под сводами огромного храма, наполненного покоем и тишиной. Вокруг меня было полно молящихся. Наверное, подумала я, все эти люди, погружившись в созерцание своих пупков, тоже предаются сейчас размышлениям о собственной жизни. Вообще-то я по натуре не религиозна, но если бы мне пришлось выбирать религию, то я, скорее всего, выбрала бы буддизм. Мне представляется, что буддизм всецело сосредоточен на силе природы. А лично для меня природа – это такое вечное чудо, которое творится, можно сказать, ежеминутно на твоих глазах.

Стар, помнится, часто повторяла, слушая мои разглагольствования на эту тему, особенно после просмотра какой-нибудь очередной телевизионной программы, посвященной защите окружающей среды, что мне со своими взглядами самое место в Партии зеленых. Да какая разница, в какой партии состоять? Будто мой голос что-то значит. Уж слишком я глупа, чтобы принимать меня всерьез. Но одно я знаю точно. Мы, люди, так небрежно относимся к нашей экосистеме, ко всему тому, что помогает нам жить, – к животным, растениям, морям и океанам.

– А если я что и обожествляю, так именно все это, при-

роду вокруг себя, – прошептала я едва слышно, обращаясь к Будде. В конце концов, он ведь тоже сделан из земли, вытесан из минерала, пролежавшего в земле не одну тысячу лет. Наверняка ему понятен ход моих рассуждений.

Однако коль скоро я в храме, то надо сказать словечко и Па Солту. Ведь все церкви и храмы, по моему представлению, похожи на такие телефонные коммутаторы или современные интернет-кафе: обеспечивают нам линию доступа к небесам...

– Привет, папа. Мне так жаль, что ты ушел от нас. Горюю по тебе гораздо сильнее, чем предполагала. А еще очень жалею, что не прислушивалась в свое время ко всем твоим мудрым советам и наставлениям. А надо было бы, да еще как! И вот, в итоге, чем я кончила? Надеюсь, тебе там, где ты сейчас есть, хорошо, – добавила я поспешно. – Но все равно мне грустно от того, что тебя нет рядом.

Я поднялась с коврика, почувствовав комок в горле. Слезы снова на подходе. Чтобы – не дай бог! – не расплакаться, заторопилась к выходу. Вышла на улицу и оглянулась назад.

– Помоги мне, папа, пожалуйста, – прошептала я, обращаясь к отцу.

Потом купила бутылку воды у уличного лоточника и направилась к реке Чао Прайя. Долго стояла у кромки воды, наблюдая за оживленным движением всевозможных плавающих средств по реке. Буксиры, моторные лодки, широкие баржи с натянутыми сверху тентами из черного брезента –

все заняты своей привычной ежедневной работой. А что, если и мне сейчас воспользоваться каким-нибудь пассажирским паромом и отправиться на речную прогулку? Дешево, а главное – все лучше, чем торчать в своем убогом гостиничном номере неподалеку от аэропорта.

Когда наше судно двинулось вниз по реке, я принялась разглядывать высоченные небоскребы сплошь из стекла, между ними уютно примостились позолоченные храмы. Смотрится красиво, я бы даже сказала, элегантно. Извлекла из сумки свою старенькую, проверенную временем фотокамеру «Никон». Папа подарил этот фотоаппарат на мое шестнадцатилетие. Вручая подарок, сказал: «Теперь ты, дорогая, сможешь запечатлевать на фотопленку все, что будет вдохновлять тебя». Щелкнула, сделав пару кадров. Стар всегда приставала ко мне, требуя, чтобы я перешла на более современные цифровые технологии в области фотографии. Но я и цифровые технологии – две вещи несовместные. Нет уж! Лучше я буду фотографировать старым дедовским способом.

Возле отеля «Ориенталь» я сошла с парома. Прогулялась по улице рядом с отелем. Вспомнила, как однажды угощала Стар в знаменитой Писательской гостиной отеля ранним ужином с чаем и закусками. Конечно, мы, в своих джинсах и майках, явно выделялись среди других посетителей ресторана, облаченных преимущественно в вечерние наряды, как и положено к ужину, но уже более позднему, девятичасовому.

Стар проторчала уйму времени в библиотеке, разглядывая бесчисленные фотографии с автографами тех писателей, которые когда-то останавливались в отеле «Ориенталь» в так называемом «писательском крыле». Интересно, подумалось мне, напишет ли Стар когда-нибудь *собственный* роман? У нее ведь настоящий талант: она умеет красиво облекать свои мысли в слова, а потом так же гладко излагать их на бумаге. Впрочем, сейчас все это меня уже не касается. У сестры появилась новая семья. Я вспомнила, каким блеском горели ее глаза, когда, вернувшись домой несколько недель тому назад, застала в нашей квартире гостя, который представился – «Мышь». Он тоже смотрел на Стар с обожанием, я бы даже сказала, с щенячьим восторгом.

Я уселась за столик на тротуаре в уличном кафе и заказала суп с лапшой и бокал пива. Такой жест отчаяния, потому что мои отношения с алкоголем всегда складывались весьма напряженно. Но с учетом того, как мерзко у меня сейчас на душе, вряд ли бокал пива способен испортить еще больше и без того дрянное настроение. Ела лапшу и предавалась своим невеселым мыслям. Нет, меня задело за живое вовсе не то, что у Стар появилась новая работа, а следом и ухажер. Вовсе не это. Обидело другое... Как медленно и как болезненно она дистанцировалась от меня все последнее время. Может, она решила, что я стану ревновать, что я хочу всецело владеть ею? Но это же неправда! Я люблю Стар больше всего на свете и больше всего на свете желаю видеть ее счаст-

ливой. Не такая уж я дурочка, право, чтобы не понимать, что при такой внешности, как у моей сестры, при ее уме в один прекрасный день рядом с ней обязательно должен будет появиться мужчина.

«Но ты повела себя с ним откровенно грубо, когда он возник в вашей квартире», – тут же напомнила мне моя совесть. Ну да, так оно и было. Мне категорически не понравилось его присутствие в моем доме, и, как всегда, я не сумела скрыть своих истинных чувств.

А все же пиво подействовало на меня благотворно, боль слегка притупилась. Я расплатилась с официантом, поднялась со своего места и бесцельно побрела вдоль улицы, потом свернула в узенький переулок, туда, где шумел уличный базар. Миновав несколько лотков, задержалась возле художника, рисующего акварели. Его небрежная поза, в которой он застыл, сидя у мольберта, вдруг напомнила мне о тех вечерах, которые я тоже проводила за мольбертом на пляже Рейли-Бич острова Краби. Я тогда повсюду таскалась с альбомом для рисования и красками, стараясь не упустить момент и запечатлеть на бумаге красоту солнечного заката. Закрыв глаза, я внезапно почувствовала, как меня охватывает умиротворение. Такое же, как и год тому назад, когда мы посещали остров вместе со Стар. И сейчас мне до боли в сердце захотелось снова испытать подобное состояние.

Я повернула к реке. На набережной, опершись о балюстраду, предалась раздумьям. А что, если я сейчас поломаю

свой первоначальный план? И вместо того чтобы лететь напрямиком в Австралию, направляюсь в то самое место, где была так счастлива? Я ведь неплохо знаю народ, который тусуется на Рейли-Бич. И они меня тоже знают. Наверняка обрадуются моему появлению, встретят как свою. Ведь многие из тех, кто туда приезжает, тоже пытаются убежать от каких-то своих проблем. Вот такое это диковинное место, Рейли-Бич. Тем более что единственная причина, по которой я сейчас тащусь в эту самую Австралию, кишашую пауками, – это мой разговор с Георгом Гофманом, папиным нотариусом. Это он выдал мне такое направление, когда мы встречались с ним в последний раз в Женеве. Вот я и ухватила за его идею. Есть куда ехать, а главное – подальше от Лондона. Так может, вместо того, чтобы снова впихнуться в эту трубу под названием «самолет» и лететь еще целых двенадцать часов туда, где я никого не знаю, лучше вольготно раскинуться на пляже в Рейли-Бич и потягивать холодное пиво уже завтра вечером? Каких-то пару недель ничего ведь не изменят в моих дальнейших планах, разве не так? К тому же скоро Рождество. А всегда приятнее встречать этот праздник в таком месте, которое тебе хорошо известно, которое ты любишь...

Впервые за долгое время я почувствовала нечто похожее на радостное предчувствие от того, что намеревалась сделать. Уже кое-что! Чтобы это ощущение не испарилось бесследно, я тут же поймала первое подвернувшееся такси и помчалась в аэропорт. В зале ожидания направилась напрямиком

к билетным кассам. Объяснила кассирше, что хотела бы отложить свой полет в Австралию на какое-то время. Женщина принялась выстукивать что-то на клавиатуре компьютера. Спустя пару минут сообщила, что такое переоформление билетов обойдется мне приблизительно в четыреста батов. Совсем немного в сложившейся ситуации.

– У вас билет с открытой датой вылета. На какое число вы хотите перерегистрировать его? – поинтересовалась у меня кассирша.

– Наверное, сразу после Рождества.

– На все послерождественские рейсы свободных мест нет. Ближайший рейс – восьмого января.

– Хорошо, – согласилась я, внутренне обрадовавшись тому, что у меня появился веский предлог задержаться на Краби подольше. В конце концов, я же не виновата, что нет свободных мест. После чего занялась оформлением билета на авиарейс из Бангкока на Краби и обратно. Улетаю туда завтра рано утром.

Уладив все формальности, я снова вернулась к себе в номер, приняла душ, почистила зубы и улеглась в кровать, чувствуя себя гораздо спокойнее, чем накануне. Если бы мои сестры узнали, что я сейчас творю, то наверняка бы сказали: «Сиси снова в своем репертуаре и опять чудит». Но мне все равно, что они там подумали бы и что сказали бы.

Подобно раненому зверю, я собираюсь укрыться в своей норе и начать зализывать раны.

Рейли-Бич выгодно отличает то, что он расположен на полуострове и добраться туда можно только по воде. Мы со Стар много путешествовали и побывали в самых экзотических уголках земли, и все же, когда, сидя на деревянных скамьях в длинной узконосой лодке, бесшумно и на большой скорости рассекавшей лазурную гладь моря, мы вдруг увидели, как на берегу взметнулись ввысь до самых небес белоснежные утесы из известняка, — это было зрелище поистине необыкновенной красоты. Пожалуй, входит в первую пятерку самых восхитительных и волнующих моментов, которые мне пришлось пережить.

Но вот лодка приблизилась к берегу, я увидела канаты, натянутые к каждой скале. Множество людей, похожих в своих ярких, пестрых шортах на разноцветных муравьев, карабкались по этим канатам вверх, штурмуя вершины скал. Едва я сбросила с плеч рюкзак и выпрыгнула из лодки, как почувствовала, что по всему телу побежали мурашки. Я уже предвкушала, как тоже брошусь на штурм вершин. Ноги у меня короткие, зато сильные и проворные. Скалолазание — это именно то занятие, где я чувствую себя на своем месте. Впрочем, такой талант едва ли пригодится, если живешь в центре Лондона, да еще собираешься стать художником. Зато здесь, на острове Краби, мои умениягодились, да еще

как. И снова я подумала о том, как по-разному проявляются наши умения и способности, в зависимости от того, где именно мы находимся в данный момент своего бытия. Воистину, от этого во многом зависит, останутся ли наши достоинства достоинствами или превратятся в недостатки. К примеру, в школе я была законченной тупицей, а Стар, напротив, в буквальном смысле этого слова, была *суперстар*. Зато на Краби она тут же ушла в тень. Целыми днями просиживала на пляже с книжкой в руке, в то время как я с упоением предавалась всем видам активного досуга, которыми можно было заниматься, находясь на полуострове. Помню, Ма однажды заметила, что моя стихия – это именно *необъятные просторы*. Неудивительно, что очень скоро я стала в нашей коммуне отдыхающих более известной личностью, чем Стар.

Вода вокруг меня поражала разнообразием цветов и красок: ярко-бирюзовая на солнце, она вдруг становилась в тени прибрежных скал насыщенного темно-зеленого цвета. На мелководье я выбралась из лодки и побрела напрямик по воде в сторону берега: впереди призывно белела полоска песчаного пляжа, окаймленная огромными колоннами из белого известняка. Кое-где скалы были разбавлены пальмами, а между ними притаились деревянные хижины, в которых располагались многочисленные здешние отели и бары. Из какого-то бара долетали успокаивающие звуки регги.

Я прошла по горячему белоснежному песку в сторону отеля «Рейли-Бич», в котором мы со Стар останавливались в

прошлом году. На веранде прямиком направилась к стойке ресепшн и, навалившись на нее всем телом, приготовилась вести разговор с администратором.

– Здравствуйте, – поприветствовала я молодую таянку, которая была мне не знакома. – У вас есть свободная комната на ближайшие несколько недель?

Молодая женщина внимательно изучила меня, потом взяла свой гроссбук и стала перелистывать страницы, осторожно водя пальцем по каждой записи. Окончив просмотр, отрицательно покачала головой.

– Скоро Рождество. Все номера уже забронированы. Можно поселиться только до двадцать первого декабря.

– Хорошо. Тогда, пожалуйста, поселите меня до двадцать первого декабря включительно, – согласилась я, не став привередничать.

Внезапно кто-то хлопнул меня по спине.

– Сиси, это ты?

Я повернулась и увидела перед собой Джека. Высоченного роста австралиец, сплошные мускулы и бицепсы. Ему, кстати, принадлежит этот отель, а еще он руководит местной школой, где обучают скалолазанию. Школа располагается прямо на пляже, здесь неподалеку, за углом.

– Да, это я. Привет, – улыбнулась я в ответ. – Вот заселяюсь в твой отель, но только на ближайшие пару недель, а потом меня грозят выставить вон. Оказывается, ты уже полностью укомплектован к Рождеству.

– Не переживай, дорогуша моя! Для тебя мы всегда отыщем какую-нибудь каморку или чуланчик. Ты с сестрой приехала?

– Нет, на сей раз я приехала одна.

– Надолго?

– Думаю задержаться и после Нового года на пару деньков.

– Отлично! Если захочешь помочь мне в школе, Си, поучить, так сказать, новобранцев скалолазанию, дай только знать. Я мигом все организую. В эту пору у нас всегда запарка: от желающих отбоя нет.

– С удовольствием помогу. Спасибо за предложение, – тут же согласилась я.

– Заполните, пожалуйста, анкету, – обратилась ко мне таянка.

– Не надо никаких анкет, Нами, – перебил ее Джек. – Сиси останавливалась здесь вместе с сестрой в прошлом году. Так что у нас есть все ее данные. Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

– Спасибо.

Джек подхватил мой рюкзак, и в этот момент я уловила крайне недоброжелательный взгляд, которым одарила меня администраторша.

– А потом куда путь держишь? – по-приятельски поинтересовался у меня Джек, когда мы вместе с ним зашагали по длинному деревянному проходу, по обе стороны которого за довольно обшарпанными дверями расположились гостинич-

ные номера.

— В Австралию, — ответила я, когда мы с ним остановились возле комнаты номер двадцать один, в самом дальнем углу коридора. Комнатка соседствовала с генераторной. Не радовал и вид снаружи: прямо впритык к дверям примостились два огромных мусорных бака на колесиках.

— А, значит, ко мне на родину летишь. Куда именно?

— На северо-западное побережье.

— О, там в это время года стоит просто зверская жара.

— Я на жару не реагирую, — бодро ответила я, открывая дверной замок.

— Что ж, тогда устраивайся. Не буду тебе мешать. Увидимся попозже. — Джек взмахнул рукой и удалился.

Комнатка оказалась совсем крохотной. Воздух влажный, спертый, отчаянно пахло отбросами, и тем не менее я почти с радостью опустила свой рюкзак на пол, впервые за многие недели почувствовав себя в своей тарелке. Так приятно очутиться среди людей, которые тебя знают. Помнится, в прошлом году мне понравилась подработка в школе скалолазания у Джека: я проверяла крепость канатов и хорошо ли они натянуты, а также помогала новобранцам правильно застегивать крепления. Мы тогда со Стар оказались на мели, практически без денег, а Джек пошел нам навстречу и списал с нас какую-то часть долга за проживание в его отеле. Интересно, как бы он отреагировал сейчас, если бы я сказала ему, что больше не нуждаюсь ни в какой работе, потому что я

миллионерша. На бумаге, во всяком случае...

Я дернула за обтрепанный шнур, чтобы включить вентилятор, прикрепленный к потолку. Со второй или с третьей попытки у меня получилось: поскрипывая и постанывая, вентилятор стал вращаться, понемногу разгоняя воздух. Но никакого дуновения ветерка я так и не почувствовала. Одна пародия на прохладу. Я разделась, нацепила на себя бикини и саронг, который купила себе здесь же в прошлом году, и поспешила покинуть комнату, направившись на пляж. Какое-то время просто сидела на песке и не без иронии размышляла над тем, что здесь, в этом «раю», как называют многие Рейли-Бич, в тысячу раз более шумно, чем в центре Лондона рядом с Темзой, где я сейчас живу. Бесчисленные лодки, плоскодонки, скоростные катера и яхты носятся по всему заливу, как заведенные. Посидев какое-то время, я поднялась с песка и пошла окунуться в море. Отплыв подальше от берега, перевернулась на спину. Вода – сплошная благодать! Я глянула на небо и возблагодарила Господа, или Будду, или того Всевышнего, которого нужно благодарить за то, что Он дал мне возможность снова очутиться на острове Краби. Впервые за многие месяцы я почувствовала себя дома.

Ночью я не пошла в гостиницу, а устроилась на ночлег прямо на пляже. Я и раньше так часто поступала. Правда, прихватывала с собой надувную подушку для большего удобства, а также толстовку с капюшоном и платье-халат. Его на Востоке именуют кафтаном. Помнится, Стар всегда приходила в ужас от этих моих выходов, говорила, что я точно спятила. «Тебя же до смерти искусают москиты!» – кричала она мне вслед, когда я выплывала из комнаты со своими спальными принадлежностями. Но, странное дело, лежа на берегу под открытым небом, усыпанным звездами, с луной, льющей свет с высоты, я чувствовала себя в полной безопасности. Крыша мироздания всегда казалась мне более надежной защитой, чем любая рукотворная крыша.

Я проснулась от того, что что-то слегка пощекотало мое лицо. Подняла голову: мимо меня прошагали огромные мужские ноги, направляясь к воде. Наверное, песчинки, выбившись из-под его ступней, попали мне на лицо. Я отряхнула песок и глянула на море. Пляж в это время был еще совершенно пуст. На горизонте занимался рассвет, и первые, еще робкие, всполохи света уже озарили небо. Раздосадованная тем, что меня разбудили в такую несусветную рань,

я принялась наблюдать за мужчиной. Бородатый, длинные черные волосы, схваченные на затылке в конский хвост, выбиваются из-под натянутой на лоб бейсболки. Вот мужчина приблизился к самому берегу, уселся на песок, прижав колени к груди и обхватив их обеими руками. Я перевернулась на другой бок, намереваясь снова заснуть: самое лучшее время для сна у меня между четырьмя и десятью часами утра. Но тело категорически отказывалось повиноваться, да и сознание уже работало четко и ясно. Я приподнялась с песка и уселась точно в такую же позу, как и мужчина, и стала вместе с ним наблюдать за тем, как восходит солнце.

Хоть я и обшарила полмира, успев побывать в самых экзотических местах, как раз рассветы мне приходилось наблюдать нечасто. Не мое это время суток. Неповторимые в своей красоте нежнейшие оттенки зари, окрасившего небо, мгновенно напомнили мне полотна Тернера. Только в реальной жизни все было гораздо красивее и величественнее.

Но вот из-за горизонта показалось солнце, мужчина немедленно поднялся со своего места и побрел вдоль пляжа. Вскоре послышалось негромкое пыхтение лодки вдалеке. Верный признак того, что рабочий день уже начался. Я тоже встала, намереваясь отправиться к себе в номер и поспать еще немного, пока пляж не заполнится отдыхающими, а также приезжающими и отъезжающими пассажирами. «А все же, – подумала я, отпирая дверь своей комнаты и укладываясь на кровать, – *хорошо, что меня разбудили и я уви-*

дела, как поднимается солнце. Зрелище того стоило».

Как и всегда, когда я оказывалась на Краби, время в здешних местах летело незаметно. Я приняла предложение Джека и стала ассистировать ему на занятиях в школе скалолазания. А еще всерьез увлеклась подводным плаванием с аквалангом, плавала вдоль побережья среди тигровых рыб и рифовых акул с черными плавниками, которые, шныряя между коралловых рифов, едва достаивали меня своим взглядом.

Закаты встречала на пляже, лежа на коврике и болтая с другими обитателями пляжа под песни Боба Марли, доносящиеся из близлежащего бара. Приятно удивило то, что многие отдыхающие на Рейли-Бич помнят меня еще по прошлому году. Расходились по своим номерам уже тогда, когда становилось окончательно темно. Некоторые, впрочем, тут же устремлялись в бар, намереваясь приложиться к спиртному по максимуму. Я же, как правило, возвращалась к себе. Но ничего вызывающе демонстративного в моем поведении не было. Да, я покидала компанию, это правда. Но ведь могла бы, при желании, в любой момент вернуться и снова присоединиться к ним.

А еще меня очень взбодрило то, что я наконец собралась с духом и на следующий день после приезда на Краби включила свой мобильник. Первое, что бросилось в глаза, – это обилие эсэмэсок от Стар. Текст везде был приблизительно одинаковый. **«Где ты? Я волнуюсь, куда ты пропала? Пожалуйста, перезвони мне!»** Поступило и множество звонков от нее. Стар оставила еще и кучу речевых сообщений, и все о том же: как ей жаль, что все так вышло, и как она сейчас переживает о случившемся. Мне потребовалось какое-то время, чтобы ответить ей, и не только из-за моей дислексии или из-за того, что функция исправления ошибок в моем телефоне практически отсутствовала, что делало меня еще беспомощнее. Нет, не поэтому. Просто я не знала, что ей сказать.

В конце концов я нацарапала коротенькую эсэмэску: сообщила, что со мной все в порядке. Повинилась за то, что не смогла выйти на связь раньше, потому что была в дороге. Что частично было правдой. Стар откликнулась немедленно. Написала, что она счастлива, что со мной все в порядке. Поинтересовалась, где я сейчас. И снова, уже в который раз, стала просить у меня прощения. Что-то внутри меня сопротивлялось. Я не хотела сообщать сестре точные координаты своего местонахождения. Было в этом что-то детское, да. Но, с другой стороны, у меня впервые в жизни появился свой секрет, в том числе и от нее. В конце концов, Стар ведь тоже в последнее время много чего от меня утаила.

То, что промелькнули две недели, мне стало понятно лишь тогда, когда Нами, молодая таянка с ресепшн, которая, впрочем, вела себя со мной так, будто являлась владелицей отеля, напомнила, что уже сегодня к полудню я должна освободить номер.

– Вот черт! – выругалась я под нос, отходя от стойки администратора и понимая, что все утро мне придется бездарно убить на поиски нового места жительства.

Через пару часов я снова вернулась в отель. Все мои усилия оказались безрезультатными. Напрасно я прочесала вдоль и поперек все побережье Рейли-Бич, пытаюсь найти себе пристанище хотя бы на одну ночь. Наверное, в эту минуту я со стороны напоминала Деву Марию, прибывшую на своем ослике в Вифлеем и тоже искавшую вместе с Иосифом крышу над головой. Но крыши для беременной Богородицы тогда не нашлось, как и для меня сейчас. В отеле меня уже поджидала Нами, недовольно сверкая глазами.

– Горничная просит, чтобы вы немедленно освободили комнату. В два часа дня туда должен заселиться новый постоялец.

– Сейчас освобожу, – миролюбиво ответила я, хотя меня очень подмывало сказать этой неприветливой девчонке, что при желании я могла бы с легкостью зарезервировать номер люкс в пятизвездочном отеле «Рейвади». Которого, естественно, нет, поскольку я уже там побывала и все проверила самолично. Я наспех затолкала все свои пожитки в рюкзак и оставила ключ от комнаты на столе. Ничего страшного, успокоила я себя. *«Придется провести несколько ночей на пляже под звездами, а там, глядишь, и Рождество закончится».*

Вечером, отужинав рисовой лапшой пад тай, самым популярным блюдом в тайландской кухне, я уже на выходе из бара столкнулась с Джеком. Он шел в обнимку с Нами, что сразу же прояснило причину неприязненного отношения девушки ко мне.

– Ну, ты нашла себе жилье? – поинтересовался он у меня.

– Пока еще нет. Нынешнюю ночь собираюсь провести на пляже.

– Послушай, Си! Ступай спать в мою комнату. Никаких проблем, честное слово. Не сомневаюсь, на каких-то пару ночей я без труда отыщу себе другое пристанище. – Он уткнулся носом в гладкое плечико своей спутницы.

– Ладно! Спасибо, Джек, – согласилась я без промедления. Я и так выбилась из сил, полдня прошатавшись по пляжу, таская за собой рюкзак, словно Священную чашу Грааля, чтобы – не дай бог! – его не украли. И все это время

мучительно прикидывала, где бы мне вечером принять душ, чтобы смыть с кожи соль и песок. В конце концов, *даже мне* не чужды какие-то элементарные удобства.

Джек порылся в кармане, извлек оттуда ключ и вручил его мне. Я перехватила крайне неодобрительный взгляд Нами, которым она одарила меня в этот момент. Следуя указаниям Джека, я поднялась по лестнице рядом с ресепшн на один пролет выше и отперла дверь в комнату. На меня пахнуло запахом грязных носков, к нему примешивалась еще и отдушка, которую источали влажные полотенца. Но в целом комната впечатляла. Хотя бы уже потому, что из окон открывался самый лучший вид на океан. Но и это было еще не все: в комнате имелся узкий деревянный балкон, который соорудили прямо на крыше веранды, расположенной ниже.

На всякий случай я заперла дверь на ключ. А вдруг Джек напьется и забудет, что одолжил мне на время свою комнату? После чего побежала принимать душ. Душевая тоже была гораздо больше, чем в обычных номерах. Да и форсунки гораздо мощнее, чем в моей прежней комнате, где из разбрызгивателя едва капало. Приняв душ, я нацепила на себя чистую майку и шорты и вышла на балкон.

Рядом с созвездием Пояс Ориона я отыскала и наше созвездие Плеяды – Семь сестер. Когда отец впервые показал в телескоп мою звезду, то я была заметно разочарована, и он тотчас же понял это. Моя звезда была самой тусклой и невзрачной из всех семи звезд. Да и мифологическая исто-

рия, повествующая о звезде Келено, тоже была какая-то куцая и неинтересная. В детстве же мне всегда хотелось быть самой яркой, самой крупной звездой, с происхождением которой связана самая захватывающая история.

«Сиси, – помнится, сказал мне Па Солт, взяв меня за руки, – ты явилась в этот мир, чтобы написать свою собственную историю. И я знаю, ты сможешь сделать это».

Уставившись на созвездие Плеяды, я снова вспомнила о письме папы, которое он написал незадолго до своей смерти. Письмо вручил мне его нотариус Георг Гофман спустя несколько дней после кончины Па Солта.

Стар категорически отказалась вскрывать свое письмо немедленно. Я же, напротив, сгорала от нетерпения, так мне хотелось побыстрее прочитав все то, что написал мне отец. Я тут же отправилась в сад, вскарабкалась на старый раскидистый бук, тот самый, с которого я свалилась когда-то в детстве, и устроилась на одной из его ветвей. Среди густой листвы величественного дерева я чувствовала себя в полной безопасности: никто меня тут не видит и никто не найдет. Я часто сживалась в своем тайном убежище, предаваясь собственным мыслям, а если меня вдруг обидели, то и просто для того, чтобы немного подуться на своих обидчиков и пожалеть себя, любимую. Удобно расположившись на широком суку, я вскрыла конверт с отцовским письмом.

Атлантис

Женевское озеро

Швейцария

Моя дорогая Сиси!

Знаю, чтение этого письма дастся тебе нелегко. Но, пожалуйста, прошу тебя, запасись терпением и дочитай его до конца. Скорее всего, ты не станешь плакать над письмом, ведь ты же привыкла держать все свои эмоции внутри себя. И тем не менее мне известно, как глубоко и остро ты все переживаешь.

Уверен, тебе и впредь нужно оставаться сильной ради Стар. Несмотря на то что вы с ней оказались в Атлантиде почти одновременно, с разницей где-то в полгода, ты с самого раннего детства всегда выступала защитницей своей сестры. Это красиво смотрелось со стороны. Ты умеешь любить сильно и безоглядно, как и я. А потому прими небольшой совет от человека, который понимает, что это такое – любить так, как любим мы с тобой. Постарайся сделать так, чтобы твоя любовь не стала препятствием для тебя же самой. Не бойся отпустить от себя сестру, когда наступит такой момент: ваша духовная и сердечная связь незыблема, и ничто не в силах поколебать ее. Верь в крепость этих уз.

Ты уже, наверное, видела армиллярную сферу, которую я установил в саду для всех вас, моих девочек. Под каждым из ваших имен указаны соответствующие координаты, которые помогут вам узнать, где именно я нашел каждую из вас. Возле каждого имени размещено изречение. Надеюсь,

ты правильно истолкуешь то изречение, которое посвящено тебе. Очень на это надеюсь!

А еще самым настоящим образом прошу тебя поскорее встретиться с моим дорогим другом и нотариусом Георгом Гофманом. Пожалуйста, не откладывай визит к нему на потом, тем более что тебя ждут очень хорошие новости. Их тебе сообщит Георг. Одновременно это станет хорошей ниточкой, связующей тебя с твоим прошлым, если ты все же решишь заняться такими поисками и выяснить больше подробностей о своей настоящей семье. Словом, если ты рискнешь сделать такой шаг, то вот тебе еще одна подсказка: постарайся как можно больше узнать о женищине по имени Китти Мерсер, которая жила когда-то в городе Бруме в северо-западной части штата Западная Австралия. Именно с нее и начинается твоя история.

Знаю, ты часто как бы пребываешь в тени своих сестер. А потому важно, чтобы ты не растеряла веру в саму себя. Твой талант художника поистине уникален: ты рисуешь так, как подсказывает твое воображение. Все, что тебе надо, – это верить в свои силы и в свой талант, и тогда ты взлетишь высоко-высоко, в чем я ни минуты не сомневаюсь.

И наконец, последнее. Хочу, чтобы ты знала, как крепко я люблю тебя, моя сильная, целеустремленная первопроходица и искательница приключений. Вот и не прекращай никогда своих поисков, Сиси. Эти поиски не только даруют тебе вдохновение, но и принесут мир в

твою душу. Молю, чтобы этот миг не заставил себя долго ждать.

Па Солт

В одном отец оказался абсолютно прав: у меня на чтение письма ушел почти час, пока я разобрала каждое слово. Зато он оказался не прав в другом: я читала, с трудом сдерживая слезы. Помню, я долго сидела на дереве, пока у меня не занемела спина, а по ногам не побежали мурашки. Тогда я кое-как сползла вниз.

«По милости Божьей, я та, кто я есть», – вспомнила я цитату, выгравированную на армиллярной сфере возле моего имени. Что ж, признаюсь честно, и тогда, в первый момент, когда я прочитала это изречение, и сейчас я *понятия не имею*, кто же я есть на самом деле. Так что папино напутствие не столько вдохновляет меня, сколько расстраивает.

На следующий день я вместе со Стар отправилась с визитом к Георгу Гофману в его женевский офис. Гофман настоял на том, чтобы Стар осталась в приемной, а мы с ним побеседовали наедине. Вот тогда он и сообщил мне о моем наследстве и вручил конверт, в котором лежала черно-белая фотография какого-то старика. Он был сфотографирован рядом с мальчиком-подростком возле небольшого грузовичка-пикапа.

– Я должна знать их? – спросила я у нотариуса.

– К великому сожалению, не имею понятия, дорогая Келено, – ответил мне Гофман. – Эта фотография была при-

ложена к документам на перевод средств на ваше имя. Но без какого-либо сопроводительного письма. Указан только адрес нотариуса, который перевел деньги из Австралии на ваш счет.

Вначале я хотела показать эту фотографию Стар. Может, у нее возникнут какие дельные мысли на сей счет? Но потом решила повременить до тех пор, пока она соберется с духом и прочитает письмо отца, адресованное ей. Не стала я и пересказывать ей содержание своего разговора с Георгом Гофманом. Подожду, пока она расскажет мне о том, что же написал ей Па Солт. Но когда Стар наконец *прочитала* письмо отца, она ничего не рассказала мне. Тогда и я не стала торопиться. Получается, что Стар до сих пор понятия не имеет, откуда у меня вдруг взялись такие большие деньги, чтобы купить квартиру в Лондоне. И о фотографии она тоже ничего не знает.

«А ведь когда-то ты делилась со мной всем...»

Я уперлась подбородком в сплетение рук и слегка свесилась с балкона, чувствуя, как на меня снова нападает сильнейший приступ хандры. «Безнадега» – так мы с сестрой обычно называли наше настроение, когда чувствовали себя хуже некуда. Боковым зрением я заметила одинокую фигуру, стоящую у кромки моря рядом со скалами. Какой-то мужчина, задрав голову, созерцал луну. Насколько я могла судить на расстоянии, тот же самый мужчина, который пару недель тому назад разбудил меня рано утром на пляже. Но с

тех пор он не попадался мне на глаза, а ведь народу на Рейли-Бич не так уж и много. Вот я и решила, что он, скорее всего, уже уехал. Оказывается, нет. И вот он снова в полном одиночестве торчит на берегу посреди ночи. Может, он просто избегает людей, не хочет, чтобы его видели...

Какое-то время я пристально наблюдала за ним. Хотелось проследить, куда он потом пойдет. Но мужчина все стоял и стоял, застыв в одной позе. В конце концов мне надоело следить за ним. Я вернулась в комнату, легла на кровать и постаралась заснуть. Кто бы он ни был, мелькнула у меня последняя мысль перед тем, как я погрузилась в сон, а он — *и я это знаю точно* — так же одинок, как и я сама.

3

Рождественский сочельник совпал на сей раз с фазой полнолуния. Луна в этот праздничный вечер казалась просто огромной. Я же, по привычке, занялась в сочельник тем, чем мы со Стар и другими нашими сестрами всегда занимались в ночь накануне Рождества. Вглядывалась в ночное небо, пытаясь разглядеть на нем самую яркую, сверкающую Вифлеемскую звезду, которую наш отец называл «волшебной звездой Вифлеема». Однажды с помощью Алли я отыскала эту звезду через *Google*. Оказалось, что так называют известную всем Полярную звезду. В Швейцарии Полярную звезду можно, при желании, разглядеть на небе в любое время года, а

вот здесь, на Краби, я ее так и не смогла сегодня обнаружить. Потом вспомнила, что *Google* тогда еще сообщил мне, что чем дальше мы продвигаемся на юг, тем труднее отыскать на небосклоне Полярную звезду. Я снова задрала голову к небу и сокрушенно вздохнула. Как жаль, что мы уже не дети. Сейчас до любой истины можно докопаться, нажав на соответствующую клавишу компьютера.

Однако сегодня, твердо решила я про себя, я *буду верить* в чудо несмотря ни на что. Выхватила глазом самую яркую звезду на ночном небе и стала вспоминать Атлантис. В странах с буддистской культурой Рождество не празднуется. Однако Таиланд, с учетом огромного наплыва иностранных туристов со всего света, все же пытается хоть как-то отметить это событие. Повсюду развешиваются разноцветные гирлянды из фольги, яркие баннеры, расцвеченные блестками. Все это хоть как-то поднимает настроение гостям.

Ближе к полуночи я покинула бар, где сделалось уже очень шумно, и направилась к скалам, чтобы полюбоваться оттуда красочной картиной полнолуния. Подошла ближе и увидела, что все тот же таинственный незнакомец притаился в тени скал. Снова один, и снова глубокой ночью. В первый момент я почувствовала всплеск раздражения: мне тоже хотелось побыть одной, полюбоваться полнолунием в полном одиночестве. Но раз так, то я круто развернулась и побрела прочь. Отойдя от мужчины на значительное расстояние, я снова остановилась, подняла голову к небу и мысленно об-

ратилась к своей сестре.

– С Рождеством тебя, Стар. Надеюсь, ты встречаешь его весело и у тебя все хорошо. Я очень скучаю по тебе, – прошептала я, глядя на небеса. Потом послала коротенькое пожелание, адресованное Па Солту. После чего заговорила с Ма. Наверняка она переживает уход Па Солта так же сильно, как и все мы, его дочери. Затем я мысленно поздравила всех своих сестер. Даже Электру поцеловала, хотя уж кто-кто, а она так точно никаких поцелуев от меня не заслуживает. Эгоистка! К тому же прижимистая... И вообще, испорченная до крайности... Но Рождество есть Рождество. В этот праздник обиды друг на друга не таят. Я повернулась, чтобы идти назад. Ноги были слегка ватные и плохо слушались меня. Все же сегодня в баре в меня влили пива намного больше, чем следовало бы.

Проходя мимо таинственного незнакомца, я слегка пошатнулась, но пара крепких рук тут же подхватила меня и не позволила упасть.

– Спасибо, – виновато промямлила я. – Вот нечаянно... споткнулась в темноте о какой-то камень.

– Все в порядке.

Мужчина опустил руки, и я взглянула на него, можно сказать, в упор. Судя по всему, он недавно плавал, потому что его длинные волосы не были стянуты в хвост, а рассыпались влажными по плечам. Волосатая грудь – таких мужчин мы со Стар обзывали между собой «медведями». Хотя сложе-

ния явно неатлетического. Густые черные волосы тянулись до самого пупка и ниже, прячась в шортах. Ноги тоже мохнатые.

Я перевела взгляд на его лицо. Острые скулы резко выступают из-под густой черной бороды. Губы полные и неожиданно, должно быть по контрасту с бородой, ярко-розовые. А когда я наконец осмелела настолько, что заглянула в его глаза, то невольно восхитилась их бездонной голубизной. Поразительно красивые глаза!

Однако про себя я решила, что он очень напоминает мне оборотня. Такой Человек-волк. Тем более и обстановка соответствующая: полнолуние во всей его силе. Рядом с этим высоким костлявым человеком я сразу же почувствовала себя ничтожным карликом, пигмеем.

– С Рождеством вас, – обронил он.

– И вас тоже, – откликнулась я.

– Мы уже с вами встречались, не так ли? – заметил он вскользь. – По-моему, вы та самая девушка, которую я нечаянно разбудил рано утром на пляже.

– Вполне возможно. Я часто ночую на пляже, – ответила я уклончиво, слегка пожав плечами и невольно поеживаясь под пронзительным взглядом его голубых глаз, которым он уставился на меня.

– Не сумели заполучить номер в гостинице?

– Нет, у меня есть комната. Просто люблю спать на открытом воздухе.

— Ну еще бы! Все эти звезды над головой... бесконечность Вселенной... Заставляет о многом задуматься и сопоставить все вещи в их перспективе, так сказать. Я прав? — Мужчина подавил тяжелый вздох.

— Да, вы правы. А вы где остановились?

— Да здесь, неподалеку. — Он неопределенно махнул рукой в сторону скалы за своей спиной. — А вы?

— Вон там. — Я жестом показала на отель «Рейли-Бич». — Во всяком случае, мои вещи ночуют там, — добавила я. — Всего доброго.

Я повернулась и направилась в сторону отеля, изо всех сил стараясь идти ровно, не пошатываясь. Что было отнюдь не просто: ступать по песку, да еще с двумя объемными кружками пива в желудке. Но я брела кое-как, все время чувствуя на себе взгляд Человека-волка. Доковыляла до веранды и только тут, оказавшись на свету, позволила себе метнуть взгляд в его сторону. Он *все еще буравил* меня глазами. Я прихватила из холодильника пару бутылок воды и потащилась наверх, в комнату Джека. С трудом вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и сразу же поспешила на балкон в надежде проследить за тем, куда отправится Человек-волк. Но мужчина уже исчез, растворившись в сумраке ночи.

Что, если он подждал, пока я усну на пляже? А потом он лишит меня чувств, вопьется своими ядовитыми клыками прямо мне в шею... И я не смогу даже закричать, пока он будет сосать мою кровь...

«Сиси, ты перепутала оборотней с вампирами», – попеняла я сама себе, издав короткий смешок. После чего откупила бутылку с водой и осушила ее до самого дна, одновременно досадуя на саму себя: мое тщедушное тело не может справиться даже с двумя кружками пива. Пошатываясь, доплелась до кровати и повалилась на постель. Закрыла глаза, чувствуя, как кружится голова. Но постепенно сон сморил меня, и я отключилась.

Само Рождество до боли напоминало то, которое мы со Стар встречали здесь же год тому назад. Столы на веранде сдвинули вместе и устроили такой общий обед для всех постояльцев с обилием жареного и других традиционных рождественских блюд, как будто можно при тридцатичетырехградусной жаре воспроизвести суть рождественского застолья.

Объевшись сытной и тяжелой европейской пищей, я после обеда пошла искупнуться, чтобы привести себя немного в норму. Было уже почти три часа пополудни, время, когда в Англии народ еще только-только просыпается. Наверняка Стар встречала Рождество вместе со своей новой семьей

в Кенте. Я вышла из воды и отряхнулась по-собачьи. Вокруг было полно отдыхающих. Многие парами лежали на песке или предавались ленивой послеобеденной дреме. Первое за двадцать семь лет моей жизни Рождество, которое я провожу отдельно от Стар. Что ж, если тот таинственный незнакомец – Человек-волк, тогда я сейчас – одинокая волчица. Но ничего не поделаешь. Надо привыкать к своему новому положению.

Вечером того же дня я уселась в уголке веранды и стала слушать музыку по своему айпаду. Преимущественно тяжелый рок. Его сокрушительный ритм и громкий звук всегда поднимает мне настроение, когда я чувствую себя плохо. Кто-то тронул меня за плечо. Я повернулась и увидела стоящего рядом Джека.

– Привет, – поздоровалась я с ним, доставая из ушей наушники.

– Привет. Купить тебе кружку пива?

– Нет, спасибо. Хватит с меня вчерашнего. – Я изобразила на лице смешную гримасу, хотя, впрочем, вчера Джек был так пьян, что едва ли обратил внимание на то, в каком состоянии пребывала я сама.

– Послушай, Си. Дело в том, что... одним словом... – Джек придвинул стул и сел рядом со мной. – Дело в том, что мы с Нами... разбежались. Понятия не имею, что я сделал не так. Но сегодня в четыре утра она согнала меня с кровати и выставила вон из своей комнаты. А утром даже не явилась

на работу, чтобы помочь с рождественским обедом. Так что, скорее всего, и вечером она не встретит меня с распростертыми объятиями. Ты же знаешь, каково это – иметь дело с женщиной.

«Между прочим, я тоже женщина. Или ты забыл?» – хотелось мне сказать, но я промолчала.

– Так вот, проблема... Мне некуда податься... Если не возражаешь, предлагаю переночевать сегодняшнюю ночь в одной постели, вместе со мной.

«Еще как возражаю!» – ответила я мысленно, а вслух сказала:

– Никаких проблем, Джек. Если ты позволишь мне оставить рюкзак с вещами у тебя в комнате, то я отлично перекачусь и на пляже. Ты же знаешь, я вообще люблю спать на берегу моря.

– Ты это серьезно?

– Вполне.

– Прости, Си, что так получилось. Что-то я совсем расклеился. Все эти предрождественские хлопоты... Да и вообще, в последние дни у меня было навалом работы.

– Все нормально, Джек. Не переживай. Сейчас я поднимусь наверх, возьму кое-что из вещей, и комната всецело в твоём распоряжении.

– Завтра мы тебя где-нибудь пристроим. Обязательно! – крикнул он вслед, пока я поднималась по лестнице. Нет уж! Лучше спать на пляже, чем делить комнату с мужчиной, ко-

торого я едва знаю и который наверняка будет храпеть всю ночь как оглашенный. От такого соседства в любую минуту могут *возобновиться* мои ночные кошмары.

Я собрала кое-что из постельных принадлежностей, остальные вещи снова запихала в рюкзак. Завтра надо будет всерьез заняться поисками постоянного жилья. Ведь у меня впереди еще целых две недели, прежде чем я отправлюсь в Австралию.

На пляже я устроила импровизированную постель под кустом, потом, поддавшись неожиданному порыву, выудила из кармана своих шорт мобильник и позвонила в Атлантик.

– Алло? – услышала я в трубке после пары гудков.

– Привет, Ма. Это Сиси. Хочу поздравить тебя и Клавдию с Рождеством и пожелать вам всего самого доброго.

– Сиси! Это ты? Ах, как же я счастлива услышать твой голосок! Стар сказала мне, что ты уехала. Где ты сейчас?

Ма всегда разговаривала с нами, сестрами, по-французски, поэтому мне потребовалась пара секунд, чтобы переключить свои мозги на французский и уже потом ответить ей.

– Ну, ты же знаешь, Ма. Как всегда, торчу на пляже. Рисую понемногу.

– Все верно. Я была уверена, что надолго ты в Лондоне не задержишься.

– Правда?

– Да, милая. Чистая правда. Ты же у нас свободолюбивая

девочка. В душе ты – бродяга и странник.

– Это правда. Люблю бродить по свету.

После этих слов я, кажется, полюбила Ма еще больше, если такое возможно. Вот человек! Никогда никого не осудит, не покритикует. Всегда была надежной опорой всем нам, ее девочкам.

На другом конце линии послышался натужный мужской кашель.

– А кто это там у тебя? – спросила я с подозрением в голосе.

– Здесь? Никого. Только Клавдия и Кристиан, – ответила Ма.

Иными словами, все постоянные обитатели Атлантика.

– Знаешь, Ма, может, это покажется тебе чудачеством, но, когда три недели тому назад я улетала из лондонского аэропорта, мне показалось, нет, я даже уверена в том, что увидела в толпе пассажиров папу. Я ехала на эскалаторе, а он шел в противоположную сторону. Я попыталась догнать его, но не успела. Он ушел. Понимаю, звучит глупо, и все же я до сих пор уверена, что это был именно он.

– Ах, милая моя. – Я услышала протяжный вздох на другом конце линии. – Ты не первая, кто рассказывает мне подобные вещи. Твоим сестрам тоже мерещилось нечто подобное. Вот и Алли была уверена, что слышала его голос. А Стар убеждала меня, что видела его... Вполне возможно, вы и правда видели его. Только не в действительности. Во всяком

случае, не в том реальном мире, к которому мы все привыкли.

– То есть ты полагаешь, что нам явился дух Па Солта? Что мы видели привидение? – Я издала короткий смешок в трубку.

– Нет, я думаю другое. Просто мы все так страстно хотим *поверить в то*, что мы действительно видим его, что на помощь спешит уже наше воображение. Оно, наверное, и воссоздает его образ будто наяву. Мне самой постоянно мерещится, что я вижу его здесь, в Атлантиде. – Внезапно в голосе Ма прорвалась такая неприкрытая тоска. – Ужасно тяжелый год выдался для всех нас. Невероятно тяжелый... С тобой все в порядке, Сиси?

– Ты же знаешь меня, Ма. За всю свою жизнь я не болела ни единого дня.

– Ты счастлива?

– Вполне. Мне хорошо. А тебе?

– Я очень тоскую по вашему отцу. И по вам, девочки, очень скучаю. Клавдия шлет тебе привет и свои наилучшие пожелания.

– И ей тоже передай, что я желаю ей всего самого хорошего и что я люблю ее. Ладно, Ма! Здесь у нас время уже очень позднее. А потому я прощаюсь с тобой и отправляюсь спать.

– Будь со мной на связи, Сиси, ладно?

– Буду. Обещаю. Спокойной ночи.

– И тебе доброй ночи, милая. И с наступающим Новым

годом тебя.

Я снова положила мобильник в карман шорт, потом обхватила руками свои колени и положила на них голову. Как, должно быть, тоскливо сейчас Ма, подумала я. Встречать Рождество одной в пустом доме. Ведь как ни крути, а у всех нас, ее девочек, есть какая-то надежда... Будущее, к которому следует стремиться. Во всяком случае, следует *постараться* и устремиться вперед. Ведь впереди у каждой из нас еще целая жизнь, особенно в сравнении с тем небольшим отрезком времени, который мы уже прожили. У Ма все иначе. Она свою жизнь посвятила нам и отцу. Впервые я задумалась над тем, каковы были ее истинные чувства к Па Солту. Вполне возможно, она любила его как женщина. Потому и решила остаться в Атлантисе, сделать его семьей *своей* семьей. А мы все разлетелись из родного гнезда и оставили ее одну.

Потом мысли мои плавно переключались на собственную мать. Интересно, тосковала ли она обо мне? Думала ли когда-нибудь? И почему она отдала меня Па Солту? Впрочем, вполне возможно, она просто отдала меня в какой-нибудь сиротский приют, а Па меня забрал оттуда, потому что пожалел. Наверняка я была очень некрасивым младенцем. Такая стопроцентная уродина.

Что ж, все ответы на свои вопросы я получу в Австралии. Куда еще придется лететь целых двенадцать часов. Ну не странно ли, что, путешествуя по всему свету, именно Австралию я всегда обходила стороной? Категорически отка-

зывалась ехать туда, хотя, помнится, даже Стар проявляла самый живой интерес к Австралии. Наверное, глупо утверждать, что между моими ночными кошмарами с пауками и Австралией существует какая-то связь. Но что-то в этом есть, это точно.

«*Что ж, –* размышляла я, удобнее устраиваясь на песке, – *отец в своем письме написал, что я сильная и что я люблю приключения*». И то и другое мне вскоре очень сильно понадобится, чтобы через пару недель решиться и снова взойти на борт самолета, который понесет меня в Австралию.

И снова я проснулась от того, что что-то пощекотало мое лицо. Стряхнула песок с лица и села. Человек-волк направился к морю. Интересно, сколько молоденьких девушек он загрыз до смерти за последние несколько часов, подумала я, глядя, как проворно он перебирает ногами, ступая по песку.

Вот он опять устроился в знакомой мне по прошлому разу позе у самой кромки воды, можно сказать, прямо передо мной. Мы оба глянули вверх и замерли в ожидании начала утреннего шоу. Прямо как в кинотеатре перед началом сеанса. «*Вот и здесь кино, только его нам демонстрирует Все-*

ленная...» Вселенная, демонстрирующая свое кино. А что? Красивая получилась фраза. Я даже загордилась собой. Сама ведь придумала. Вполне возможно, когда-нибудь Стар вставит ее в один из своих романов.

А что до киносеанса, то он не разочаровал и на сей раз. Захватывающее получилось зрелище, еще более эпическое по своему размаху, чем в прошлый раз. На сей раз общий тон задали облака, устлавшие небо. Они слегка смикшировали яркие краски восходящего солнца, и оно стало похоже на золотистый желток в окружении белоснежных облаков, сыгравших роль белка.

– Привет, – поздоровался со мной Человек-волк уже на обратном пути.

– Привет.

– Хорошее сегодня утро, правда? – обронил он.

– Да, замечательное утро.

– Вот только думаю, что следующую ночь вам не стоит спать на берегу. Предупреждаю заранее: судя по облакам, ожидается шторм.

– Пожалуй, – согласилась я с ним.

– Тогда до встречи. – Прощальный взмах рукой, и Человек-волк удаляется прочь.

Через пару минут и я покидаю свой приют и направляюсь на веранду. Джек хлопочет, накрывая столы к завтраку. Обычно этим занимается Нами, но сегодня ее по-прежнему нигде не видно. Куда-то начисто исчезла после Рождествен-

ского сочельника.

– Доброе утро, – здороваюсь я.

– Доброе. – Джек бросает в мою сторону виноватый взгляд. – Как спалось?

– Совсем даже неплохо, Джек. – Я подзываю его к себе и показываю мужчину, который уходит куда-то по пляжу. – Ты знаешь этого человека?

– Нет. Правда, видел пару раз поздно ночью на пляже. Всегда держится особняком. А почему спрашиваешь?

– Просто интересно. И давно он здесь обитает?

– Думаю, пару недель уж точно.

– Ладно. Не возражаешь, если я поднимусь к тебе и приму душ?

– Само собой. До встречи.

Приняв душ, я уселась на полу в комнате Джека и принялась сортировать содержимое своего рюкзака. Чистое белье – в одну сторону, грязные вещи – в другую. Стопка грязного белья выглядела гораздо внушительнее. Надо будет отнести все это в прачечную, пока буду искать себе комнату. Если случится худшее и я так и не найду себе жилья, а ночевать придется снова на берегу, да еще в шторм, что ж, хотя бы завтра у меня будут чистые и сухие вещи, в которые можно будет переодеться.

Хотя в здешних местах День подарков не отмечается столь широко, как, скажем, в Англии, большинство отдыхающих на Рейли-Бич ведут себя точно так же, как и дома, в Ев-

ропе. Высыпают на улицу и разбредаются по близлежащим улочкам, на которых теснятся впритык многочисленные лавчонки, торгующие всем подряд. Все торопятся обзавестись подарками и вручить их своим близким и друзьям. Но вот праздник завершен, подарки благополучно вручены, и эйфория уступает место скуке, а ликование постепенно сменяется унынием. Объевшиеся, перепитые сверх всякой меры люди. Вид у всех одинаково усталый, почти угрюмый. Даже обычно улыбчивая таитянка, приемщица в прачечной, сегодня встречает меня безо всякой улыбки. Тут же принимается сосредоточенно сортировать принесенные мною вещи, отделяя цветное от белого и демонстрируя всему миру мое исподнее.

– К завтрашнему дню все будет готово. – Она вручает мне квиток, и я устало выползаю наружу. Впереди меня ждет поиск нового пристанища.

Через какое-то время я снова возвращаюсь на веранду. Мне душно, все тело покрыто потом. Увы, но поиски не увенчались успехом. Свободных номеров нигде нет. Если что и освободится, то не раньше второй половины завтрашнего дня. Присаживаюсь к столику и с жадностью выпиваю бутылку кокосовой воды, попутно размышляя, что делать и куда, как говорится, кинуть кости. Может, смотаться на остров Пхи-Пхи? Хотя нет никакой гарантии, что я сумею отыскать там пристанище на ночлег. Ну и ничего страшного, если проведу одну ночь под дождем. Не размокну, в конце концов

не сахарная. А уж если станет совсем плохо, всегда сумею спрятаться под одной из ресторанных веранд.

— Ну что, нашла себе комнату? — с надеждой в голосе спросил меня Джек, проходя мимо с подносом в руках. Нес пиво посетителям за соседний столик.

— Да, нашла, — бодро солгала я, не желая ставить своего приятеля в неловкое положение. — После обеда поднимусь к тебе в комнату за вещами.

— Послушай, Сиси. Как смотришь, если я попрошу тебя помочь мне здесь, в баре? Подменить хотя бы на пару часиков. — Джек уставился на меня вопросительным взглядом. — Нами продолжает сачковать, а в отеле полно постояльцев. Работы невпроворот, не могу даже вырваться к своим скалолазам. Только что мне позвонил Аби. Сообщил, что возле школы уже выстроилась длинная очередь из желающих приобщиться к основам скалолазания. И все страшно недовольны задержкой, злые как черти.

— Конечно, я помогу тебе. О чем речь? Вот только на твоём месте я бы не стала доверять мне такое ответственное дело, как разносить по залу подносы с выпивкой и закусками.

— А выбирать не приходится. Сама же знаешь, в шторм сгодится любая гавань. Спасибо тебе, Сиси. Обещаю, я займу тебя всего лишь на пару часиков, не больше. Пиво и еда — все за мой счет сегодня. Пойдем со мной. Я покажу тебе, что где лежит.

— Спасибо, — поблагодарила я Джека за проявленную щед-

рость и поспешила вслед за ним, чтобы занять место за стойкой бара.

Минуло четыре часа, но Джек так и не возник на веранде, а я уже успела вымотаться сверх всяких сил. Народу в баре было не протолкнуться, успевай только поворачиваться. Одним подавай соки, особенно любителям витамина С, другим – коктейль «Кровавая Мери», верное средство от похмелья. А приготовить коктейль – это совсем не то же самое, что нацедить в кружку пива. Словом, кончилось все тем, что я облилась с ног до головы соком манго. Блендер взорвался и вылил все содержимое на меня, а все потому, что я не закрутила как следует верхнюю крышку. От вчерашнего хорошего настроения у посетителей бара тоже не осталось и следа. Обычное благодушие было выброшено вон вместе с той упаковкой, в которую были завернуты полученные ими накануне подарки. А потому меня все время подгоняли криками, чтобы я пошевеливалась и не засыпала на ходу. Но самое неприятное, что чем дальше, тем отчетливее до веранды долетали раскаты грома, пока еще, правда, далекие, но... Но, судя по всему, к тому времени, как я со своими пожитками снова выметусь на пляж, небеса разверзнутся и на меня сверху обрушатся все хляби небесные.

Наконец появился Джек. Немедленно рассыпался в извинениях за то, что отсутствовал так непозволительно долго. Глянул на почти опустевшую веранду.

– Слава богу, здесь у тебя работы было не так уж много.

Такой ветер поднялся в горах, буквально сбивает с ног.

Ветер, ветер... Я лишь промолчала в ответ. Быстро доела свою лапшу и побежала наверх за вещами.

– Спасибо тебе, Сиси. Увидимся, да? – попрощался со мной Джек, когда я спустилась уже с рюкзаком. Рассчиталась с Джеком за проживание и направилась в сторону пляжа.

Пока я шла к воде, прямо над моей головой пару раз сверкнули молнии. Скорее всего, минут через пять начнется самый настоящий ливень. Я ускорила шаг и свернула с улочки вправо, где располагался еще один знакомый мне бар. Глянула по сторонам. Большинство лавчонок уже закрылись ввиду приближающегося шторма. Я подошла к бару и увидела, что там тоже закрывают ставни на окнах, готовясь к встрече с непогодой.

– Великолепно! – прошептала я про себя, ответив на вежливый кивок владельца бара, которым он приветствовал меня. – Вот попалась так попалась! С ума ты спятила, Сиси! – простонала я с отчаянием в голосе. – Немедленно возвращайся к Джеку и скажи ему, что сегодня ты согласна разделить с ним ложе...

Однако ноги упрямо несли меня вперед. Обогнув полуостров, я очутилась на пляже, но уже с другой стороны. Этот пляж известен под названием Прананг. Чисто эстетически он даже красивее, чем Рейли-Бич. А потому неудивительно, что днем здесь полно туристов и отдыхающих. Наверное, именно поэтому я всегда сторонилась этих мест. А еще по-

тому, что к пляжу вплотную примыкает роскошный отель «Рейвади». Соответственно, по всему периметру пляжа полно охранников. Но однажды мы со Стар все же выбрались туда, уже поздно вечером, когда от берега отплыла последняя лодка с туристами. Помнится, улеглись на песке и стали любоваться звездами. Но не прошло и пяти минут, как свет факела осветил наши лица и нам было велено немедленно покинуть пляж. Я попыталась спорить, говорила охраннику, что в Таиланде все пляжи – общественные, тем более нас не имеют права выдворять отсюда секьюрити из отеля. Но Стар тут же шикнула на меня, велев успокоиться, и нас довольно бесцеремонно вытолкали на тропинку, по которой мы добрались до своего, скажем так, плебейского пляжа на другом конце полуострова.

Возмущению моему тогда не было предела. Да и сегодня, вспоминая эту историю, я чувствую, как она поднимает в моей душе волну негодования. В конце концов, земля со всеми ее богатствами была создана природой для того, чтобы все живущие на ней могли наслаждаться ее красотой свободно, не за деньги, потому что она в равной степени принадлежит и богатым, и бедным.

Однако в этот момент мои философские размышления были прерваны еще одной вспышкой молнии. Пурпурно-голубые всполохи рассекли все небо. Да, тут уж не до философских споров с собой. Я оглядела пляж. И тут меня осенило. Вон, в самом конце пляжа виднеется пещера принцес-

сы Прананг. Я торопливо побежала по песку напрямик к ней. Где-то на полдороге на меня сверху посыпались тяжелые капли дождя, похожие на такие маленькие шероховатые камешки.

Я примчалась к пещере, заскочила внутрь и сбросила с себя рюкзак. Огляделась по сторонам. Вспомнила, что в пещере, по каким-то непонятным причинам, находятся аж целых две статуи принцессы. Такие хрупкие фигурки, похожие на куклы, установлены в небольших деревянных храмах. Они почти не видны из-за обилия навешанных на них разноцветных гирлянд. В каждом храме есть свой алтарь. Вот и сейчас они оба уставлены горящими чайными свечками, освещающими пещеру своим неярким желтоватым пламенем.

Я невольно улыбнулась, вспомнив, как мы со Стар впервые попали в эту пещеру. Мы ведь были уверены, что посещаем еще одно святое для жителей Таиланда место и что наверняка там нас встретит еще одна помпезная золотая статуя, традиционно обвешанная многочисленными гирляндами и заваленная всяческими подношениями и дарами. Но в пещере нас поджидало довольно диковинное зрелище: сотни фаллосов самых разных размеров и форм. Вот и сейчас я снова заметила их, торчащих прямо из земляного пола, сваленных в кучи, похожих на такие эротические сталагмиты, прилепившиеся к скалистым стенам пещеры вокруг. Красные, зеленые, голубые, коричневые... большие... маленькие... Очевидно, в пантеоне тайландских языческих бо-

гов богиня, именуемая принцессой Прананг, числится ответственной за плодородие. Что ж, созерцая все эти инструменты для размножения, которые заполнили все свободное пространство пещеры, а некоторые свешивались прямо с потолка над моей головой, не приходилось удивляться: все здесь буквально вопиет о плодородии.

Впрочем, сегодня пещера принцессы Прананг (хотя другие называют это место пещерой фаллосов или даже пещерой плодородия) стала для меня не столько культовым местом, сколько пристанищем, обеспечившим ночлег. Слава богу, я успела до дождя, точнее до ливня, обрушившегося на землю сплошной стеной, буквально закрыв потоками воды вход в пещеру. Какое-то время я размышляла над тем, каким же образом лично мне выразить дань уважения и признательности принцессе Прананг за такую милость, а потом просто преклонила колени перед одним из алтарей и мысленно поблагодарила ее. После чего устроилась неподалеку от входа пещеры и принялась наблюдать за грозой, свирепствующей снаружи.

Небо то и дело освещалось яркими вспышками молний, озарявшими грозными всполохами морскую гладь и острые выступы известняковых скал. Потоки воды, обрушивающиеся сверху на пляж, при свете луны отливали серебром. Воистину, лило как из ведра, словно Господь вознамерился выплакать все Свои слезы за одну ночь.

Зрелище, разворачивающееся на моих глазах, заворажи-

вало природной мощью и той огромной энергией, которую выплескивала Вселенная. Кое-как я оторвалась от созерцания стихии, выпрямилась и вместе со своим рюкзаком продвинулась в глубь пещеры. Устроила себе некое подобие постели, примостившись за огромным ярко-алым фаллосом, улеглась и моментально заснула.

4

– Ай!

Я немедленно очнулась ото сна и пружинисто села. Что-то острое толкнуло меня прямо под ребро. Я открыла глаза. Прямо передо мной стоял тайский охранник, который изо всех сил пытался растолкать меня. Вот он грубо подхватил меня с пола, а сам в это время продолжал что-то отрывисто верещать в свой радиотелефон.

– Здесь нельзя оставаться! Убирайся! – рывкнул он на меня.

– Хорошо, хорошо! Я уже ухожу. – Я быстро собрала с земли свои пожитки. На помощь первому секьюрити подошел еще один охранник, такой плотный коротышка. Взяв меня с двух сторон в кольцо, они вытолкали меня вон из пещеры. Я вышла на улицу и невольно зажмурилась от яркого света. Солнце вот-вот должно было показаться из-за горизонта, озаряя своим светом безоблачное синее небо. Ухватив за руки, охранники поволокли меня дальше по пляжу, будто

я какой-то опасный преступник, а не туристка, случайно забредшая в пещеру, чтобы укрыться от грозы. Песок под ногами был еще влажным, и это, пожалуй, было единственным напоминанием о том разгуле стихии, которая бушевала здесь минувшей ночью.

– Пожалуйста, отпустите мои руки! Не надо меня держать! – обратилась я к мужчинам, уже начиная терять терпение. – Я и сама в состоянии двигаться, без вашей помощи. Ухожу, вы же видите...

Один из охранников разразился злобной, судя по интонациям, тирадой на тайском языке. Естественно, я не поняла ни слова, разве что по голосу его было понятно, что он в полнейшем негодовании. Так втроем мы дошагали до тропинки на противоположном конце пляжа. Уж не собираются ли они взять меня под стражу и бросить в какую-нибудь ужасную тюрьму типа Бангкок-Хилтон, испугалась я, вспомнив известный телевизионный фильм с Николь Кидман в главной роли, который в свое время очень впечатлил меня. Я невольно поежилась. А что, если действительно случится худшее? Я ведь даже не смогу позвонить отцу. Па Солт, тот бы в мгновение ока примчался в Таиланд мне на выручку.

– О, это опять вы?

Я повернула голову и разглядела мелькнувшую среди кустов знакомую фигуру. Человек-волк!

– Я, – промямлила я и тут же покраснела от смущения.

– По, отпусти ее, – приказал незнакомец одному из охран-

ников, решительно направляясь в нашу сторону.

Коротышка мгновенно разжал мою руку. Затем мужчина проговорил что-то быстро уже на тайском языке, и второй охранник, тот, что повыше, с явной неохотой тоже отпустил мою руку.

– Приношу вам свои извинения, – перешел мужчина на английский и выразительно вскинул бровь. – Ребята явно перестарались.

Затем он о чем-то снова переговорил с секьюрити, окидывая глазами пляж, после чего знаком приказал мне следовать за ним. Охранники тут же взяли под козырек, бросив разочарованный взгляд в мою сторону и наблюдая за тем, как я неуверенно плетусь за Человеком-волком в сторону кустов, окаймляющих пляж.

– И как вам только удалось вырвать меня из их рук? – спросила я у него. – Я уже приготовилась к тому, что они из меня сейчас отбивную сделают.

– Я сказал им, что вы моя хорошая приятельница. Однако поторопитесь.

Он взял меня за руку и почти силком потащил через зеленые заросли. Не успела я перевести дыхание, получив неожиданное избавление, как снова испугалась. Куда он меня тащит? В какие джунгли? Может, безопаснее было бы остаться с охранниками, а не бежать за человеком, которого я совсем не знаю? Но вот впереди показались высокие железные ворота, почти незаметные среди густой зелени. Чело-

век-волк быстро набрал код на цифровом табло, висевшем на входе, ворота плавно открылись, и он затащил меня во двор. Снова вокруг полно деревьев. Еще несколько шагов, и вдруг моему взору предстал самый настоящий оазис: сад необыкновенной красоты. Справа – огромный бассейн, облицованный черным кафелем: прямо как картинка из модного дизайнерского журнала. Мы прошли сквозь деревья, усыпанные золотистыми соцветиями, под тяжестью которых ветви согнулись до самой земли, и вышли на широкую террасу, заставленную плетеной мебелью. Горничная в униформе взбивала большие пышные подушки, раскладывая их по креслам.

– Кофе? Сок? – вскользь поинтересовался у меня Человек-волк, пока мы шествовали по террасе.

– Кофе было бы изумительно, – быстро согласилась я.

Мужчина что-то быстро приказал на тайском служанке, когда мы проходили мимо нее. Впереди показалось множество белоснежных шатров, расставленных по всему периметру площадки. Каждый шатер увенчан традиционной в тайских застройках V-образной крышей в стиле, типичном для архитектуры средневекового королевства *Ланна*, когда-то существовавшего на севере Таиланда. В центре площадки – водоем, сплошь покрытый благоухающими розовыми цветами. Посреди этого великолепия прямо из воды возвышается фигура Будды из черного оникса. Вся обстановка очень похожа на шикарный спа-курорт в каком-нибудь экзотическом

месте. Во всяком случае, если судить по глянцевым фотографиям в дорогих рекламных журналах. Я поднялась вслед за своим спасителем по деревянным ступенькам к одному из шатров и оказалась на еще одной затененной террасе, с которой открывался просто потрясающий вид на пляж Прананг, раскинувшийся внизу.

– Ого! – только и выдохнула я. – Фантастика! Красотища, дух захватывает! Я столько раз бывала на этом пляже, но никогда не видела ничего подобного. Даже не подозревала о существовании здесь такого уникального места.

– Вот и хорошо, – коротко обронил Человек-волк, жестом приглашая сесть на один из необъятных по своим размерам диванов. Я присела, осторожно сняв с плеч свой рюкзак, чтобы – не дай бог! – не испачкать безукоризненно чистую шелковую обивку. Пожалуй, еще никогда я в Таиланде не сидела с таким комфортом. Необыкновенно удобный диван! Мне тут же захотелось откинуться на подушки и погрузиться в сон.

– Вы здесь живете? – вежливо поинтересовалась я у своего спасителя.

– Да, в какой-то мере да. Но это все не мое. Имение принадлежит моему другу, – ответил он. В этот момент на ступеньках появилась служанка с подносом: кофе и разнообразная свежая выпечка в небольшой плетеной корзинке. – Угощайтесь, пожалуйста.

– Спасибо. – Я налила себе кофе, положила два кусочка

темно-коричневого сахара.

– Могу я поинтересоваться, почему вы сегодня появились на пляже в сопровождении охранников?

– Я укрылась вчера от грозы в пещере принцессы Прананг. И, должно быть... заснула, пережидая непогоду. – Самолюбие не позволило мне рассказать, как все было на самом деле.

– Да, вчера была гроза так гроза, – согласился со мной Человек-волк. – Лично мне нравится, когда природа демонстрирует свою мощь во всей красе, наглядно показывая нам, простым смертным, кто в доме хозяин.

– А вы... – Я слегка откашлялась. – Вы сами чем здесь занимаетесь?

– Я? – Он неторопливо отхлебнул из чашки черный кофе. – Да всем понемножку. Но в основном, знаете ли, бездельничаю. Наслаждаюсь ничегонеделанием.

– О, это место замечательно подходит для такого времяпрепровождения.

– А что скажете про себя?

– Аналогично. – Я взяла из корзинки свежайший круасан. Аромат выпечки мгновенно напомнил мне те аппетитные запахи, которые постоянно витали на нашей кухне в Атлантиде, пока Клавдия готовила там завтрак для всей семьи. Господи, как же давно все это было. Я уже почти забыла те благословенные времена.

– А чем занимались до того, как приехали в Таиланд?

– Училась в Академии искусств в Лондоне. Но что-то у меня не заладилось, и я бросила учебу.

– Понятно. Я тоже живу в Лондоне... По крайней мере, жил. Возле Темзы, в районе Баттерси.

Я бросила на него ошеломленный взгляд. Уж не снится ли мне все это, мелькнуло у меня в голове. Такой сюрреалистический сон под сенью ярко-алого фаллоса.

– Удивительное совпадение! Я ведь тоже живу в этом районе. В новом жилом комплексе «Панорама Баттерси», который построили неподалеку от моста Альберта.

– О, прекрасно знаю, где это. Итак, привет, соседка! – Впервые Человек-волк глянул на меня с приветливой улыбкой, давая мне пятерню. Улыбка осветила его бездонные синие глаза, и он сразу же стал похож не столько на волка, сколько на сильно отощавшего Тарзана.

Я налила себе еще одну чашку кофе и села, стараясь не касаться своими башмаками края дивана. Если бы не эти дурацкие бутсы, с каким удовольствием я бы сейчас красиво скрестила ноги. Постаралась бы принять такую максимально элегантную позу под стать окружающей обстановке.

– Да, забавное совпадение. – Человек-волк покачал головой. – Кто-то мне однажды сказал, что в любом уголке земного шара всегда отыщется человек, до которого всего лишь каких-то шесть рукопожатий.

– Но я-то вас не знаю, – резонно возразила я.

– Не знаете? – Он вдруг посерьезнел, окинув меня внима-

тельным взглядом.

– Конечно же, не знаю. А что, должна знать?

– Нет. Но я подумал, что мы наверняка сталкивались с вами, и не раз, на мосту Альберта... Или в других местах поблизости, – не совсем уверенно добавил он.

– Вполне возможно. Я каждое утро шагаю по этому мосту, отправляясь в академию.

– Ну вот! А я в это время мчусь мимо на своем велике.

– Тогда я бы точно вас не узнала. Весь в лайкре, да еще в защитном шлеме.

– Что правда, то правда.

Мы оба молча допили свой кофе. За столом повисла неловкая пауза.

– Когда планируете возвращаться домой? – спросила я наконец. – Сразу после Нового года? Или попозже?

Лицо моего собеседника помрачнело.

– Пока еще и сам не знаю. Все зависит от того, что произойдет... Знаете, я предпочитаю жить днем сегодняшним. А вы?

– Я тоже. Хотя вот намереваюсь вскоре отправиться в Австралию.

– А... бывал там. Австралия для меня – уже отработанный материал. И имейте в виду, я там был по работе. А это совсем не то же самое, что приехать туда туристом. А потому мои австралийские впечатления – это только номера в отелях, бесконечная череда офисов и ужасно дорогие рестора-

ны. Знаете, такое сугубо корпоративное гостеприимство, если так можно выразиться.

Разумеется, я и понятия не имела, что это такое – корпоративное гостеприимство, но на всякий случай согласно кивнула головой.

– Я, кстати, раздумывал над тем, чтобы отправиться туда снова... Бывает, когда хочешь удрать от всех и вся на самый край земли. Ну, вы понимаете, о чем я...

– Понимаю! – ответила я с чувством. Еще бы! Мне не понимать...

– Судя по вашему разговору, вы явно не англичанка. Слышен французский акцент. Или я ошибаюсь?

– Вы правы. Я родилась... Впрочем, я и сама толком не знаю, где именно я появилась на свет. Меня удочерили. А выросла я в Женеве.

– Бывал я и в Женеве. Правда, видел там только аэропорт. А вообще-то летал туда на горнолыжный курорт. А вы любите кататься на лыжах? Впрочем, глупый вопрос для того, кто живет в Швейцарии.

– Да, я люблю лыжи. Зато не очень расположена к холодам. Мне больше по душе тепло.

– Понимаю.

И снова в нашем разговоре повисла пауза. С учетом того, что я уже успела выпить целых две чашки кофе, заполнить наступившее молчание мне было нечем.

– А где вы научились говорить на тайском? – нашлась я

наконец.

– Языку меня научила мать. Я ведь вырос в Бангкоке.

– Вот как? И она до сих пор живет здесь?

– Нет. Мама умерла, когда мне исполнилось двенадцать лет. Она была... замечательной женщиной. Я до сих пор скучаю по ней.

– Какая жалость! Мне действительно искренне жаль, – поспешила я со словами участия и тут же задала свой следующий вопрос. – А что ваш отец?

– Я его никогда не видел, – довольно резко ответил он. – А что вы? Вы когда-нибудь встречались со своими настоящими родителями?

– Нет, – честно призналась я, невольно поражаясь тому, как в течение каких-то двадцати с небольшим минут наш разговор с Человеком-волком вырвался на такие сугубо личные темы. – Однако мне пора. Я и так доставила вам достаточно хлопот. – Я слегка подалась вперед, стараясь коснуться ногами пола.

– Так все же, где вы сейчас квартируете?

– А так... – откликнулась я самым беззаботным тоном, – в одном отеле на пляже. Но вы уже, наверное, успели заметить, что я предпочитаю спать на свежем воздухе.

– Однако я полагал, что хотя бы вещи вам есть где оставить. Зачем же тогда таскаете за собой рюкзак?

Я мгновенно почувствовала себя маленькой девочкой, застигнутой врасплох в тот момент, когда она прячет конфе-

ты под подушку. Все-то он видит... Все подмечает... Ну и пусть. Мне-то какая разница?

– Просто случилась... небольшая путаница с моей комнатой. Мне разрешили там пожить временно, а хозяин комнаты... он поссорился со своей подружкой и решил вернуться обратно к себе. А больше свободных мест нигде не нашлось. Все гостиницы забиты до отказа. Вот я и спряталась в пещере, когда начался дождь. Решила перекантоваться там.

– Понятно. – Он окинул меня внимательным взглядом. – Но почему же вы с самого начала не сказали мне это?

– Сама не знаю, – промямлила я, разглядывая свои башмаки с виноватым видом пятилетней девочки. – А что такого? В конце концов, я же... не бедствую. Ничего страшного не случилось. К тому же я вполне могу позаботиться о себе. Просто так все сошлось... Не оказалось свободных номеров, только и всего.

– Не нужно смущаться. Я все прекрасно понимаю.

– Просто я подумала, вдруг вы решите, будто я какая бродяжка... или еще что-нибудь в этом роде... Уверяю вас, ничего подобного.

– Мне такое и в голову не приходило. Честно! Кстати, что это у вас там желтое в волосах?

– Боже! – Я провела рукой по своим волосам и обнаружила, что концы волос слиплись. – Да это же сок манго. Мой приятель Джек попросил вчера после обеда подменить его в баре в отеле «Рейли-Бич». Заказывали много фруктовых

коктейлей, вот, наверное, я и забрызгалась.

– Ясно. – Чувствовалось, что мой собеседник с трудом сдерживает улыбку. – Но душ-то я вам могу предложить, по крайней мере? А могу, если хотите, предоставить и ночлег на пару ночей, пока ситуация с туристами здесь, на побережье, немного не разрядится. Воды горячей у нас полно, – добавил он на всякий случай.

Предложение Человека-волка насчет проживания совсем *не соблазнило* меня. А вот горячая вода... Я-то ведь знала, какой у меня сейчас вид: грязная, потная, взлохмаченная... Элементарная потребность в гигиене взяла верх над гордостью.

– Пожалуй, я и правда приму душ.

Мы спустились по ступенькам, вышли из шатра и пересекли дворик, направляясь к другому шатру, установленному в правом углу квадратной площадки. В двери торчал ключ, Человек-волк повернул его, открыл дверь, после чего вручил ключ мне.

– Там все готово. Там всегда все в полной готовности. Не торопитесь, мойтесь, сколько вашей душе угодно.

– Спасибо, – поблагодарила я и вошла в шатер. И тут же заперла за собой дверь на ключ.

– Ух ты! – обвела я комнату восхищенным взглядом. Хозяин не обманывал. Здесь действительно все было готово. Я обозрела кровать необъятных размеров, поистине, самое настоящее королевское ложе с ворохом взбитых подушек и

мягким одеялом. Само собой, все белоснежно чистое. Причем именно первозданная белизна. Никаких пятен, оставленных другими, кто, возможно, ночевал на этой постели. За жалюзи на стене – огромный плазменный телевизор. Жалюзи можно в любой момент опустить, если вдруг захочется отгородиться от внешнего мира. На стенах – по-настоящему высокохудожественные произведения тайского искусства. Я машинально коснулась рукой одной из стен и поняла, что стены обиты натуральным шелком. Я сняла с плеч рюкзак и опустила его на пол из тикового дерева. Порылась и извлекла из рюкзака свой гель для душа. Тронула ручку одной из дверей, думая, что это ванная комната. Но оказалось, гардеробная. Тогда направилась к другой двери. Ванная комната с отдельной душевой кабиной и массивной, вмонтированной в пол ванной прямо рядом со стеной из сплошного стекла. По ту сторону окна раскинулся небольшой садик, засаженный деревьями бонсай и красивыми цветущими растениями, названия которых я, естественно, не знала. Вот Стар, та бы наверняка узнала здесь каждый цветок. Сад огорожен высоким забором, так что никто не сможет понаблюдать за тем, как ты принимаешь ванну.

Соблазн залезть в ванну и погрузиться в пушистую пену *был слишком велик*. Но я интуитивно почувствовала, что это уже был бы перебор с моей стороны. А потому включила душ и принялась с остервенением соскребать с себя грязь, растирая каждый кусочек тела до тех пор, пока кожу не стало по-

щипывать. Напрасно я рылась в своем рюкзаке в поисках геля для душа, ибо на мраморной полке рядом с душевой выстроилась в ряд целая батарея разнообразных и дороговущих натуральных средств для ухода за кожей самых известных и баснословно дорогих брендов и марок.

Выйдя из душевой, я щедро наплатила свое тело всякими маслами и кремами, представленными в широком ассортименте все на той же полке, ведь все равно никто ничего не узнает. По жизни я всегда была настроена категорически против всех этих лосьонов и увлажняющих кремов, на которые так падки представительницы слабого пола. Я размотала полотенце с головы и встряхнула волосы, попутно заметив, как же сильно они отросли. Уже почти до плеч. Волосы упали мне на лицо десятками мелких завитков.

Стар не раз повторяла, что мне идут длинные волосы, что с такой прической я смотрюсь гораздо лучше. Ма, та вообще называла мои кудряшки «венчающей меня короной». Но когда мне исполнилось шестнадцать лет, я, помнится, не поставив никого в известность, сделала себе короткую мальчишковую стрижку. За короткими волосами ведь гораздо проще ухаживать. Хотя, если признаться честно, это был такой своеобразный вызов с моей стороны, самый настоящий акт неповиновения и бунтарства. Будто я в тот момент хотела доказать всему свету, что мне наплевать на то, как я выгляжу.

Я отбросила волосы с лица на затылок, собрав их в некое

подобие конского хвоста. Впервые за долгие годы у меня это получилось. Жаль, что нет резинки или какой-нибудь подходящей ленты для волос, чтобы скрепить их воедино.

Потом я вернулась в спальню и с вождением уставилась на широченное ложе. На всякий случай подошла к наружной двери и дважды проверила, заперта ли она на ключ. После чего сбросила с себя майку и взобралась на постель. Минут десять придремну, пообещала я сама себе, касаясь головой белоснежной подушки...

Я внезапно очнулась от того, что кто-то громко барабанил в дверь. Села на кровати, не сообразив в первую минуту, где я и что со мной. В комнате царила крошечная тьма. На ощупь я попыталась найти выключатель. Что-то с громким стуком упало на пол и разбилось. Испугавшись, я тотчас же спрыгнула с кровати.

– С вами все в порядке?

Я побрела на звук голоса и ладонями нащупала дверь. Наконец сознание заработало: я вспомнила, где я нахожусь и кто сейчас стучит мне в дверь.

– Я не могу найти замочную скважину. Здесь так темно,

ничего не видно... – пробормотала я в полном смятении.

– А вы нащупайте руками. Там же ключ торчит. Он прямо перед вами.

Голос успокоил меня. Я пустила в ход руки, пытаюсь обследовать ту часть двери, где обычно расположен замок. И вскоре пальцы мои действительно нащупали ключ, после нескольких попыток я повернула его в замочной скважине, а потом дернула за ручку.

– Я открыла замок, – крикнула я через дверь. – Но дверь все равно не открывается.

– Отступите в сторону. Я сейчас сам открою.

Внезапно комната снова наполнилась светом. Я облегченно вздохнула и попыталась дышать ровно.

– Простите, что возникли осложнения, – повинился Человек-волк, входя в комнату. – Пришлю кого-нибудь, чтобы починил ручку. Давно не пользовались этим помещением, вот ее и заело. С вами все в порядке?

– Да, в порядке, – ответила я, присаживаясь на постель и судорожно хватая ртом воздух.

Какое-то время он молча обозревал меня.

– Вы ведь боитесь темноты, не так ли? Вот поэтому и любите спать на свежем воздухе.

Конечно, он абсолютно прав. Но признаваться в этом я не собираюсь.

– Ничего я не боюсь! Просто проснулась так неожиданно и сразу не сообразила, где нахожусь.

– Тогда приношу свои извинения за то, что напугал вас, но уже семь часов вечера. Вы проспали почти двенадцать часов. Наверное, вы очень устали.

– Устала, это правда. Простите, что так получилось.

– Все в порядке. Проголодались?

– Еще не могу сообразить.

– В любом случае Там уже готовит ужин. Так что милости прошу, присоединяйтесь ко мне на главной террасе.

– Там? Кто это?

– Мой шеф-повар. Ужин будет готов через полчаса. До встречи.

Человек-волк вышел из комнаты, а я громко чертыхнулась. Надо же. Целый день коту под хвост! Наверняка потеряла шанс заселиться в другой отель. Ведь нужно было успеть зарегистрироваться там еще до полудня. Не говоря уже о том, что, проспав почти полсутки, я, естественно, полностью сбила свой биоритм. А уж что может вообразить мой таинственный хозяин, и говорить не приходится. Вдруг решит, что я застряла у него с какими-то особыми целями?

И вообще, почему он так любезничает со мной? Уж не такая я дурочка, чтобы поверить, что им движут исключительно альтруистические мотивы. В конце концов, он – мужчина, а я – какая-никакая, но женщина. Во всяком случае, если смотреть на меня со стороны. Но если он хочет от меня *этого*, то, значит, сильно проголодался. Коль скоро готов клонуть даже на меня. Или нафантазировал чего-нибудь на

мой счет.

Впрочем, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Я обрядилась в традиционный тайский кафтан, хотя и не люблю этот наряд: уж больно он смахивает на обычное платье. Но поскольку почти все мои вещи отданы в стирку, то выбор у меня невелик. Кафтан – это все, что у меня осталось из чистого. Выйдя на улицу, я предусмотрительно закрыла дверь на замок и спрятала ключ в кашпо для цветов, стоявшее рядом с дверью. Свой рюкзак с пожитками я прихватила с собой.

При вечернем свете место показалось мне еще красивее, чем днем. С низких крыш свисали многочисленные фонарики, вода в пруду вокруг Будды из оникса была подсвечена снизу и переливалась всеми цветами радуги. В воздухе витал пьянящий аромат жасмина, кусты которого благоухали в массивных горшках, расставленных повсюду. Но главное! Я уловила вкуснейшие запахи еды.

– Сюда!

Я увидела руку, махнувшую мне с террасы, расположенной прямо напротив главного шатра.

– Приветствую вас! – поздоровался Человек-волк, жестом указав на стул.

– Добрый вечер. И простите меня еще раз за то, что я так долго проспала у вас.

– Никогда не извиняйтесь за то, что вам спится. Как бы я хотел тоже отоспаться всласть.

Человек-волк подавил тяжелый вздох. И тут до меня дошло, что негоже продолжать обзывать этого человека такой кличкой. Какой же он волк, если проявил столько человеческого участия ко мне? Я осмелела настолько, что позволила себе спросить напрямую, как его зовут.

– А разве я вам еще не говорил? – страшно удивился он.

– Нет, – твердо ответила я.

– Ах так? Что ж, зовите меня просто Эйс. Кстати, а как зовут вас?

– Сиси.

– Тоже уменьшительное имя, как и у меня, да?

– Да.

– А полное имя как звучит?

– Келено.

– Необычное имя.

– Да. Мой отец, тот человек, который меня удочерил, был заиклен на звездах из созвездия Плеяды. Это созвездие еще называют Семь сестер, – пояснила я, выдав на-гора привычную версию.

– Простите, сэр, можно подавать? – На террасе появилась служанка в сопровождении мужчины, облаченного в белоснежную униформу шеф-повара.

– Можно, – ответил Эйс, сопровождая меня к столу. – Что будете пить? Вино? Пиво?

– Спасибо, ничего. Если можно, стакан воды.

Эйс наполнил два стакана водой из бутылки, стоявшей на

столе.

– Ваше здоровье!

– И ваше тоже. Спасибо за то, что спасли меня сегодня утром.

– Да бросьте! Мне даже неловко от того, что я тут шикую в полном одиночестве, а вы в это время вынуждены спать на пляже под открытым небом.

– Но это просто вчера так получилось... Такие непредвиденные обстоятельства. В любом случае кровать, на которой я у вас отсыпалась, просто фантастика.

– Что ж, тогда повторюсь: мое приглашение остается в силе. Добро пожаловать ко мне на постой! Но прежде чем вы ответите отказом, хочу сразу же предупредить: я отнюдь не такой уж добренький. Просто надоело тут торчать в полном одиночестве почти два месяца.

– Так пригласили бы кого-то из своих лондонских друзей.

– Не тот случай, – угрюмо отмахнулся он. И в этот момент в центре стола поставили блюдо с горячими, еще шипящими с огня королевскими креветками. – Ну что? Приступим к трапезе?

Давно я так вкусно не ела. Пожалуй, в последний раз это случилось, когда в минувшем ноябре Стар приготовила уже в нашей новой квартире жаркое на завтрак. Честно, сама я не умею готовить и никогда не училась этому. Да и зачем было? Ведь Стар такая мастерица по части кулинарных дел. Зато на сегодняшний день я уже почти забыла вкус хорошей еды. А

здесь такое изобилие... Все само просится в рот. Ароматный суп с травой лимонника, нежнейшие цыплята, зажаренные в листьях пандана, острые рыбные пирожки с вьетнамским соусом дим.

– Боже! Какая вкуснотища! – выдохнула я наконец в полном изнеможении. – Определенно, мне ваш ресторан очень нравится. Спасибо, что пригласили на ужин. Вы только взгляните на мой живот... прямо как у беременной. – Я ткнула пальцем в свой вздувшийся живот.

Эйс лишь заулыбался в ответ на мою шутку. За ужином мы с ним говорили мало. Возможно, потому, что я всецело была поглощена едой.

– Как я понимаю, отведав кухню нашего шеф-повара, вы решили остаться? – Эйс сделал еще один глоток воды. – Тем более что вы не планируете задерживаться здесь надолго, верно? Помнится, вы говорили, что после Нового года собираетесь в Австралию?

– Да, собираюсь. Но я с удовольствием приму ваше приглашение, если вы точно уверены, что это приемлемо, – сдалась я наконец на его уговоры.

– Все будет отлично, уверяю вас. Лишь одна просьба. Знаю, у вас много друзей-приятелей на Рейли-Бич. Но я бы попросил вас никому не говорить о том, что вы остановились у меня, ладно? И тем более не упоминать, где именно находится мой дом. Я очень оберегаю свой покой и не люблю, когда посторонние вторгаются в мою частную жизнь.

Выражение его глаз в этот момент однозначно свидетельствовало, что так оно и есть.

– Обещаю. Буду держать рот на замке.

– Вот и хорошо. А сейчас расскажите мне о своей живописи. Должно быть, вы действительно талантливы, коль скоро получили место в Лондонской академии искусств.

– Ну, это как посмотреть... Я ведь несколько недель тому назад бросила учебу в академии, потому что поняла, что отнюдь не так уж талантлива, как хотелось бы. Во всяком случае, не так, как хотелось бы моим преподавателям.

– Вы хотите сказать, что они не вружились в ваше искусство?

– Можно и так сказать. – Я слегка пожала плечами, округлив при этом глаза. – У меня ничего не получалось так, как было нужно. Как того требуют каноны...

– Получается, вы самый настоящий авангардист. Почти что самого Моне будете. Я прав?

– Трудно сказать. Ведь Моне жил и работал совсем в другое время. Он был авангардистом своей эпохи... Впрочем, я ни в чем не виню своих наставников. Сама виновата в том, что не смогла научиться всему тому, чему они хотели научить меня. – Внезапно я замолчала. Интересно, зачем я все это говорю, промелькнуло у меня в голове. Наверное, уже до скуки утомила его своими откровениями. – А вы? Чем занимаетесь вы? – переключила я разговор на него.

– А, так... Ничего интересного... Такой типичный клерк

из Сити. Тягомотина, одним словом. Вы же представляете...

Само собой, я ничего не представляла, но согласно кивнула головой в ответ, как будто и в самом деле что-то смыслила в офисной работе.

– То есть вы сейчас... – Я запнулась в поисках подходящего слова. – Устроили себе такой небольшой отдых от трудов праведных, да?

– Что-то в этом роде. – Эйс с трудом подавил зевок. – Итак, что-нибудь еще?

– Нет, спасибо. Всего достаточно.

– Тогда я, пожалуй, пойду к себе и постараюсь заснуть. Вы же знаете, я просыпаюсь на рассвете. Слуги здесь все приберут. Кстати, охранники в курсе, что вы остановились у меня. Код от замка на воротах со стороны пляжа – четыре семерки. – Эйс коротко улыбнулся. – Спокойной ночи, Сиси.

– Спокойной ночи.

Не успел Эйс исчезнуть в своих покоях, как слуги стали проворно убирать со стола. Вполне возможно, им тоже не терпелось покончить со всеми этими рутинными хлопотами и быстрее отправиться на покой. Ну, а я решила, что коль скоро нахожусь под покровительством Эйса, то у меня появилась отличная возможность прогуляться по пляжу Пра-нанг. Я спустилась по дорожке к воротам, нажала красную кнопку на панели, установленной рядом с воротами. Створки плавно разъехались в разные стороны, и я вышла к опустевшему пляжу.

– *Sawadee krap*, – поприветствовали меня на тайском.

Я даже подпрыгнула от неожиданности. Глянула влево и увидела перед собой охранника по имени По, того плотно-го коротышку, который утром волок меня за руку по всему пляжу. Он мгновенно подхватился со своего табурета, который незаметно примостился среди густой зелени, окружавшей ворота с обеих сторон, и улыбнулся немного фальшивой, как мне показалось, улыбкой.

– *Sawadee ka*, – ответила я на его приветствие, сложив руки на тайский манер, как это делают в Таиланде, когда здороваются друг с другом.

Рядом с его табуретом стоял небольшой портативный радиоприемник, из которого негромко лилась народная тайская музыка. Я непроизвольно обратила внимание на неровные желтые зубы По и почему-то в эту минуту увидела охранника уже в другом свете, можно сказать, по другую сторону ограды. Интересно, скольких детей ему приходится кормить, подумала я, вот так изо дня в день волоча на себе лямку скучной, надоевшей до чертиков работы, да еще в полном одиночестве. С другой стороны, размышляла я, пробираясь сквозь густые заросли, ему можно даже позавидовать. Ведь *вся эта красота* вокруг всецело в его распоряжении. Он может наслаждаться ею каждую ночь в тишине и покое. Я вышла на пустой пляж. Свобода! К сожалению, единственная привилегия, которую можно купить за деньги, находясь в этом уголке земного шара. Может, и я когда-нибудь в один

прекрасный день напитаюсь этим пьянящим запахом свободы, которую дарует природа в ее лучших проявлениях, а потом изолью все свои восторги на полотнах, в красках, чтобы *все люди* смогли приобщиться к этой красоте.

Я подошла к самой кромке моря и окунула ступни в воду. Великолепная, теплая вода. Потом задрала голову вверх и глянула на небо. Небосвод сегодня был густо усыпан звездами. Как жаль, что у меня просто нет слов, которыми я могла бы выразить все свои восторги. Душой-то я все чувствую, а вот облечь свои чувства в слова – это у меня получается плохо. Мне легче нарисовать свои эмоции или выразить их с помощью инсталляций, которыми я особенно увлеклась в последнее время.

Наверно, это не совсем правильно. Потому что мне в одной композиции всегда хотелось поведать о многих, очень многих вещах. Но мне нравилось работать над очередной инсталляцией в своей студии на берегу Темзы. А еще знать, что Стар в эту минуту возится на кухне и готовит нам ужин. Можно сказать, я была счастлива в такие мгновенья.

– Прекрати себя накручивать, Сиси! – твердо приказала я себе. Я не собираюсь больше оглядываться на прошлое. Стар сделала свой выбор, она выпала из моей жизни и больше мне не поводирь. Пора и мне начинать жить собственной жизнью. Хотя бы попытаться для начала.

Потом я стала размышлять: а чувствовала ли когда-нибудь Стар, что она *для меня обуза*? Нет, я вовсе не соби-

раюсь ее порицать, если она никогда не задумывалась над этим. Ведь я же люблю ее. Но, наверное, сестричка забыла, как отчаянно нуждалась во мне, когда была маленькой и категорически отказывалась разговаривать. К тому же она такая нерешительная. Никогда не скажет, что думает на самом деле. Что и неудивительно. Ведь все остальные наши сестры сильные, волевые. Они буквально подавляют тех, кто рядом с ними, своим волевым характером. Нет, повторяю. Я не собираюсь ни в чем обвинять Стар, просто у каждой жизненной истории есть две стороны, как две стороны одной медали. А Стар, видно, об этом забыла.

И вот, к своему великому удивлению, я неожиданно для себя обрела нового друга. Конечно, интересно было бы узнать *его историю*. Как и почему он снова оказался в этих местах?.. Почему выходит из дома только на рассвете или поздно ночью?.. Почему наотрез отказался пригласить к себе сюда кого-то из друзей, хотя сам же признался мне, что ему здесь страшно одиноко?..

Я медленно побрела по песку назад, в дом, умело замаскированный от посторонних глаз среди пышной тропической растительности. По поспешил мне навстречу, желая набрать код. Но я оказалась у ворот первой и нажала бестрепетной рукой четыре семерки. Пусть знает, что *мне известен код*.

Потом извлекла ключ из кашпо возле своего шатра и открыла дверь в комнату. Здесь уже кто-то явно побывал. Свежее постельное белье, вещи, которые я разбросала впопыхах,

аккуратно сложены на стуле. Невидимая волшебная фея все прибрала, оставив стопку мягких чистых полотенец в ванной. Я смыла с ног песок и улеглась в кровать.

Проблема в том, подумала я, что я всегда обитала как бы между двумя мирами. Я чувствую себя вполне комфортно, когда сплю на берегу моря под открытым небом. Но умею наслаждаться и роскошью. К примеру, такой, какая окружает меня в этой комнате. Правда, я всегда и всем твержу, что могу довольствоваться малым. Впрочем, сегодня вечером я бы впервые затруднилась с окончательным выбором.

5

В течение следующих нескольких дней у нас с Эйсом сам собой сложился негласный распорядок нашего с ним совместного проживания в его дворце. Он вставал рано, я позже. Во второй половине дня я изредка совершала бесцельные набеги на Рейли-Бич, чтобышний раз не докучать своему хозяину. Своим тамошним приятелям я сообщила, что остановилась в одном отеле, расположенном в самом конце пляжа. Впрочем, никто особенно не лез ко мне с расспросами. Короче, мы с Эйсом сталкивались только за ужином. Мне казалось, что он всякий раз поджидает меня, а я была только рада принять участие в вечерней трапезе, поскольку еда была просто обалденной. За столом Эйс говорил мало, но я, привыкшая к тому, что Стар тоже преимущественно

молчит, чувствовала себя вполне в своей тарелке. Более того, такая обстановка странным образом действовала на меня умиротворяюще.

Прожив три дня на расстоянии буквально нескольких метров от Эйса, я совсем успокоилась и совершенно расслабилась. Ясно как божий день: запрыгивать на меня он никак не собирается. Что и понятно. Я ведь не из тех девушек, которые нравятся мужчинам. Да к тому же, если честно, секс в свое время оставил меня совершенно равнодушной.

Кстати, девственности я лишилась именно здесь, на Рейли-Бич, девять лет тому назад. Все случилось по пьяни. Я осушила пару кружек пива, что всегда было для меня опасным делом, и пошла прогуляться по пляжу уже после того, как Стар ушла спать к нам в номер. Мне в компанию набился один парень. По-моему, его звали Уилли, студент, взявший академический отпуск в университете на один год. Вот мы с ним бродили по пляжу в темноте. Целовались, само собой... И все было приятно. Но стоило нам занять горизонтальное положение и довести начатое до конца, как все тут же испортилось. Во-первых, было больно, немного, но все же... А во-вторых... На следующее утро я проснулась с тяжелым похмельем, искренне недоумевая, почему столько всяких небылиц наплели люди *вокруг всего этого*.

Потом секс случался у меня еще пару раз, уже на других пляжах и с другими партнерами. Хотелось убедиться, что с другими может быть лучше. Ничего подобного! Все было так

же плохо и скучно. Знаю, миллионы женщин бросятся убеждать меня, что я чего-то там не догоняю. Ерунда! Я никогда не заморачивалась по поводу отсутствия секса в моей жизни. Мне и без него очень даже хорошо.

Самое любопытное, что мы со Стар хоть и были всю жизнь, как говорится, «не разлей вода», везде и всегда вместе, и секретов у нас друг от друга не было, но тему секса мы никогда не поднимали в наших разговорах. Я даже не знаю, осталась ли она девственницей. Помню, когда мы с ней учились в закрытой школе, то многие девчонки по ночам, лежа в своих кроватях, пускались во всякие интимные откровения. Рассказывали о парнях, с которыми встречались, и о том, как у них все происходило. Мы же со Стар всегда хранили молчание. Не обсуждали эту щекотливую тему ни с одноклассницами, ни друг с другом.

Возможно, мы обе воспринимали факт близости с мужчиной как такое своеобразное предательство по отношению друг к другу. Во всяком случае, *я воспринимала* это именно так.

Я вышла из своей комнаты, даже не заперев ее на ключ, зная, что сию же минуту здесь появится волшебница-горничная и примется наводить чистоту и порядок. Я спустилась на террасу, где меня уже поджидал Эйс.

– Привет, Сиси, – поздоровался он, слегка привстав со стула при моем появлении. Что ж, хорошим манерам он точно обучен, и это уже само по себе приятно. Он налил нам

обоим свежей воды из кувшина и окинул меня внимательным взглядом.

– О, у вас новый топик?

– Да. Вот поторговалась в одной лавчонке и сбросила цену до двухсот пятидесяти батов.

– Странно, правда? Ведь за аналогичную вещь, но только в каком-нибудь дизайнерском бутике в Лондоне, многие готовы выложить в сотни раз больше той суммы, что заплатили вы.

– Я бы никогда себе этого не позволила.

– У меня была приятельница, которая, не моргнув глазом, могла выложить тысячи фунтов за дамскую сумочку. Я еще понимаю, потратить такие деньжищи на что-нибудь полезное, нужное для жизни. Но вот наступает новый сезон, появляется следующая коллекция сумок, и она тут же бежит покупать очередную сумочку, а старая между тем будет пылиться в шкафу вместе с остальными своими товарками, которыми даже ни разу не воспользовались по назначению. Знаете, я однажды застал ее за тем, с каким восхищением она разглядывала свою коллекцию.

– Может, для нее сумочки были своеобразными произведениями искусства. У каждого ведь свои пристрастия и увлечения. Одним нравится то, другим это. Вот вы, мужчины, к примеру... Вы ведь буквально помешаны на своих авто, разве не так? – добавила я, между тем как служанка уже подала на стол роскошный ужин.

– Тут вы правы, – согласился со мной Эйс. Служанка исчезла так же бесшумно, как и возникла. – У меня в свое время был набор самых роскошных тачек... Просто на тот момент я мог себе это позволить.

– И это доставляло вам удовольствие?

– Временами – да. Когда ты садишься за руль и слышишь рев мотора...

И чем он сильнее и мощнее, тем приятнее.

– Ну да. У мальчиков ведь свои игрушки... Машинки всякие...

– А у девочек бусы и прочие побрякушки, – парировал Эйс с легкой улыбкой. – Приступаем к трапезе, да?

Как всегда, ужинали молча, но молчание, витавшее над столом, было вполне дружеским. Наконец я насытилась и удовлетворенно откинулась на спинку стула.

– Нет, честное слово, мне будет не хватать этих пиршеств, когда я снова превращусь в Австралии в обычную туристку с рюкзаком на спине. У вас я словно в раю побывала. Счастливчик вы, обитаете среди таких красот.

– Знаете, начинаешь ценить то, что имел, лишь тогда, когда теряешь это. Согласны?

– Но вы же ничего пока не потеряли. А здесь все просто *изумительно*.

– Пока еще не потерял, тут вы правы. – Эйс снова глубоко вздохнул. – А как вы завтра собираетесь встречать Новый год?

– Даже и не думала об этом. Джек пригласил меня к себе в ресторан. Там, судя по всему, соберется вся наша тусовка. Хотите, пойдем вместе?

– Нет, спасибо.

– А чем собираетесь заняться вы? – спросила я, скорее из вежливости, чем из любопытства.

– Ничем. В конце концов, это же просто дата, выдуманная людьми, и только. Живи мы, скажем, в Китае, праздновали бы встречу Нового года совсем в другое время.

– Верно. Но ведь существуют же определенные традиции. От них просто так не отмахнешься. Когда погружаешься в атмосферу праздника, то и чувствуешь себя совсем по-другому. Забываешь о собственных неудачах, об одиночестве и прочем... А что толку торчать в доме одному и получать поздравительные эсэмэски от друзей, которые в эту минуту развлекаются на полную катушку на какой-нибудь потрясающей вечеринке? – улыбнулась я в ответ.

– В прошлом году я как раз был на такой вечеринке, – признался Эйс. – Она проходила в одном из клубов Сен-Тропе. Мы приплыли туда на яхте. Хозяева принялись откупоривать бутылки шампанского стоимостью сотни евро каждая и поливать ими все вокруг, словно это была обычная вода. Тогда мне казалось, что это клево, но я на тот момент был пьян, а во хмелю, знаете ли, любой абсурд кажется фантастикой, не правда ли?

– Если честно, это состояние мне плохо известно. Я по

натуре трезвенница. Алкоголь – это категорически не мое, а потому я всегда, как говорится, в форме.

– Счастливая! Я... мне кажется, большинство людей напиваются только затем, чтобы забыться. Снять с себя стресс.

– Пожалуй, вы правы. Спиртное ведь может на время приглушить боль.

– Вообще-то когда я подшофе, то способен натворить много глупостей, – вдруг разоткровенничался со мной Эйс. – А потому сейчас я предпочитаю не доводить себя до такого состояния. В последние пару месяцев, что я здесь, вообще не притронулся к спиртному. Думаю, сейчас я бы захмелел и от одной кружки пива. А в свое время мог запросто осушить пару бутылок шампанского, да еще несколько рюмок водки в придачу, и лишь только тогда начинал ощущать, что боль действительно начинает уменьшаться.

– Ничего себе! Вот это размах! Я тоже люблю пригубить бокал шампанского, но лишь по какому-нибудь особо торжественному случаю. День рождения или еще что.

– Знаете что? – Эйс подался вперед и уставился на меня долгим немигающим взглядом. Его синие глаза вдруг ожили. – А как вы смотрите, если мы с вами завтра ровно в полночь откроем бутылку с шампанским? Случай, выражаясь вашим языком, более чем торжественный. Как-никак, канун Нового года. Но ограничимся лишь одним бокалом. Договорились?

Я задумалась, сосредоточенно нахмутив лоб. И это не

ускользнуло от внимания Эйса.

– Не волнуйтесь. Я никогда не был алкоголиком. Уверяю вас, я моментально трезвею, как только понимаю, что творю. К тому же мне не хочется быть в эту ночь единственным человеком на всем побережье, добровольно отказывающимся от выпивки. Так, чего доброго, можно ненароком попасть в клуб анонимных алкоголиков, куда меня зачислят досужие сплетники. Мне просто захотелось немного праздника, а во все не выпивки. Понимаете?

– Понимаю, но...

– Честное слово! Только по одному бокалу. Ну что? Договорились?

Что тут возразишь? В конце концов, он же мой хозяин. Как я могу отказать в его просьбе? С другой стороны, вещи нужно упаковать и рюкзак держать наготове. Вдруг что-нибудь пойдет не так?

– Договорились, – согласно кивнула я в ответ.

На следующий день в обеденное время я наведальась на пляж Рейли-Бич. Там уже царила предпраздничная атмосфера, как и в канун Рождества. Во всех отелях кипела ра-

бота на верандах: шла подготовка к вечерним торжествам. Крайне недовольная этюдом, на котором я углем запечатлела береговые известковые скалы, но результат – увы! получился довольно убогим, я оторвалась от своей живописи и направилась напрямиком в отель «Рейли-Бич».

– Привет, Сиси. Как поживаешь? – поздоровался со мной Джек.

– Отлично, – ответила я приятелю, который был занят тем, что выставлял стаканы на длинный стол-эстакаду. Выглядел он сегодня гораздо увереннее, чем в прошлый раз: хлопотал за стойкой бара с неизменной кружкой пива в руке. Вскоре за его спиной появилась и та, которая поспособствовала улучшению его настроения. Подошла и уверенно положила руку ему на плечо.

– У нас не хватает вилок, – объявила Нами своим привычным требовательным тоном, попутно одарив меня недоброжелательным, как всегда, взглядом.

– По-моему, на кухне еще есть какой-то запас.

– Тогда сходи и принеси. Хочу сервировать наш стол к ужину.

– Уже иду. А ты придешь сегодня вечером? – обратился ко мне Джек.

– Думаю, загляну, но попозже, уже после полуночи, – неопределенно ответила я, прекрасно зная, что «попозже» Джек уже будет настолько пьян, что моего появления попросту не заметит. Он, пожалуй, не обратит внимания, даже ес-

ли вдруг его место за стойкой бара займет сам Иисус Христос.

Джек посеменил вслед за Нами на кухню, но вдруг остановился и повернулся в мою сторону.

– Кстати, один мой приятель сказал, что знает, кто тот таинственный мужчина с пляжа. Приятель сейчас отъехал на остров Пхи-Пхи. Будет там встречать Новый год, но пообещал, что по возвращении расскажет мне кое-что про него.

– Отлично.

– Тогда до встречи, Сиси, – попрощался со мной Джек и скрылся в кухне вслед за Нами, держа поднос в руке. Этаким маленький послушный ягненок, безропотно следующий за пастушкой Бо Пип из мультика «История игрушек». Удивительно! Такой большой, мускулистый мужчина, штурмующий самые крутые отвесные скалы быстрее, чем кто-либо из тех скалолазов, которых мне довелось повидать... А тут – полная размазня. Остается лишь надеяться на то, что сама я никогда не стану обращаться со своим мужчиной подобным образом. С другой стороны, сколько я уже перевидала на своем веку подкаблучников, которым, судя по всему, даже нравится, что ими командуют женщины.

«Может, и я тоже помыкала Стар? И потому она решила расстаться со мной?»

Но я тут же постаралась выбросить эту мысль из головы. Не хочу расстраиваться, да еще в канун Нового года, вполне возможно знаменующего начало моей новой жизни. Я по-

старалась успокоить себя и на предмет будущих откровений приятеля Джека. Что бы он там ни поведал мне про Эйса, это все равно ничего не значит. Это здесь, на затерянном в океане полуострове, любой пустяк становится сенсацией. Даже если вместо мороженого ты съела обычный леденец... Небольшие людские сообщества питаются сплетнями. А уж если вдруг среди них попадает такой человек, как Эйс, который явно выделяется из толпы, то тут слухи возникают сами собой. Однако тот факт, что он ни с кем из отдыхающих не вступал ни в какие разговоры, тем более по пьяни, еще вовсе не означает, что он плохой человек. Напротив! Лично мне он вообще кажется очень интересной личностью. К тому же умным...

Я пошла вниз по улочке, заставленной с двух сторон лотками, направляясь домой. А по пути размышляла, что, как ни странно, я уже готова ринуться на защиту Эйса. Точно такие же чувства я испытывала и по отношению к Стар, когда посторонние приставали ко мне с расспросами, все ли с ней в порядке и почему она все время молчит.

Вернувшись в свою комнату, приняла душ, после чего обильно смазала все тело кремом – кажется, это уже стало входить у меня в привычку. А пора бы и отвыкать от подобной роскоши, иначе потом трудно будет обойтись безо всех этих кремов и лосьонов. Я натянула на себя свой старый кафтан и вышла на террасу. Эйс уже был там, облаченный в белоснежную, накрахмаленную до хруста рубашку из тонкого

льна.

– Привет, – поздоровался он со мной. – Удачный был день?

– Неплохой. Разве что с живописью совсем расклеилось. Не могу изобразить даже простейший квадрат, не говоря уже о чем-то другом.

– Все вернется, Сиси. И желание снова рисовать тоже. Надо просто выбросить из головы все отрицательные мысли, которые сейчас вас одолевают. Но на это нужно время.

– Пожалуй, что так. А как прошел день у вас?

– Так же, как всегда. Почитал книгу, сходил на прогулку. Гулял и размышлял над тем, что только что прочитал. Попутно пришел к выводу, что все эти книги из так называемой рубрики «Помоги себе сам» совершенно *бесполезны*. – Эйс невесело усмехнулся. – В этой жизни нет простых решений.

– Это верно. Их никогда не существовало. Нужно принимать все таким, как оно есть, и каким-то образом приспосабливаться к обстоятельствам. Согласны?

За столом повисла пауза.

– Да. Итак, готовы к ужину? – заговорил наконец Эйс, прервав затянувшееся молчание.

– Можно начинать, – ответила я.

Немедленно перед нами возникло блюдо с огромным лобстером. Плюс еще какое-то бессчетное количество прочих закусок и яств.

– Вот это сюрприз! Из всех морепродуктов больше всего

на свете я обожаю лобстеров! – воскликнула я, не сдерживая своего удовольствия при виде омара.

– Для бродяжки, ночующей на пляже под открытым небом, у вас весьма изысканные вкусы, должен заметить, – пошутил в ответ Эйс, когда мы с ним, можно сказать, вылили свои тарелки и перешли к десерту: свежие фрукты и фруктовое мороженое с орехами. – Впрочем, судя по вашим рассказам, ваш отец богат, не так ли?

– Да, папа был богатым человеком. – Впервые до меня дошло, что я еще не рассказала Эйсу о том, что Па Солт умер. Что ж, самое время сделать это сейчас, решила я. Решено – сделано.

– Сочувствую вам, Сиси. Очень сочувствую. Получается, это первое Рождество и первый Новый год, который вы встречаете уже без него?

– Да.

– Поэтому вы и приехали сюда?

– Да. Но не только поэтому... Недавно я потеряла еще одного очень близкого мне человека. Можно сказать, самого дорогого моему сердцу.

– Бойфренд?

– Нет. Это моя сестра. Она жива и здорова, с ней все в полном порядке. Но просто она решила, что дальше пойдет по жизни своим путем.

– Понятно. Получается, что мы с вами во многом схожи. Такая вот сладкая парочка...

– Вот уж не подумала бы никогда! Разве вы тоже кого-то потеряли?

– Можно сказать, что за последние несколько месяцев я потерял все. Ну, или почти все... И виноват во всем исключительно я сам и никто более. – Эйс отхлебнул воды из своего стакана. – В этом принципиальное отличие меня от вас.

– То, что папа умер, да, в этом моей вины нет. Это правда. Но зато сестру я сама оттолкнула от себя. Наверное, тем, что вела себя... слишком властно. Всем командовала. – Наконец-то я нашла подходящее слово. – Контролировала каждый ее шаг. Нет, я вовсе не хотела опекать ее так сильно, но она такая у нас застенчивая... Словно маленький ребенок. И говорит мало. Вот я и привыкла говорить за нас двоих. Боюсь, от этой привычки я так и не отучилась.

– А она в конце концов обрела свой собственный голос?

– Что-то типа того... И при этом разбила мне сердце. Правда! Она была для меня... *всем*, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Еще как понимаю! – прочувствованно воскликнул Эйс. – Ты доверяешь человеку безоговорочно, а он в какой-то момент поворачивается к тебе спиной. Это очень тяжело.

– Такое произошло и с вами? – спросила я. Он отвел глаза, но в них я успела прочесть боль.

– Да.

– Хотите поговорить об этом? – задала я свой следующий

вопрос, памятуя о том, что разговоры, касающиеся *моих проблем*, он всегда поощрял. А вот стоило начать говорить о том, что мучает уже его самого, и он тотчас же замыкался и переключал разговор на что-то другое.

– К сожалению, я пока просто не могу говорить на эту тему... В силу ряда причин, в том числе и правовых. Всю правду знает только Линда. А для вас даже к лучшему, что вы ничего не знаете.

Ну вот! Снова он напускает на себя привычную таинственность, подумала я, чувствуя, что это начинает понемногу раздражать меня. Наверняка во всех его неприятностях замешана какая-нибудь женщина. Вполне возможно, бывшая жена, подавшая на развод и зажавшая его сейчас в тиски, требуя миллионы в качестве компенсации. Но все же мне его стало жалко.

– Что ж, не хотите говорить – не надо. Но, пока я здесь, я всегда к вашим услугам, – миролюбиво предложила я, не желая портить предстоящий вечер.

– Спасибо, Сиси. Ценю ваше участие. И ваше общество сегодня вечером тоже. Я, сказать по правде, с ужасом ждал наступления Нового года. Боялся, что придется встречать его в полном одиночестве. А ведь вы правильно заметили, новогодняя ночь – это такой особый повод, торжественный и радостный. В любом случае предлагаю помянуть вашего отца. А также выпить за старых и новых друзей. – Мы чокнулись стаканами с водой. Потом он мельком глянул на свои

часы. «Ролекс». И не какая-то там дешевка, купленная в за-трапезной лавчонке в Бангкоке. – Так. До полуночи осталось ровно десять минут. Предлагаю прямо сейчас наполнить наши бокалы шампанским, как мы и условились, и отправиться на пляж, чтобы встретить наступление Нового года именно там. Как смотрите?

– Отлично!

Эйс вышел из-за стола, а я, воспользовавшись моментом, отослала коротенькую эсэмэску Стар, поздравив ее с Новым годом. Мне очень хотелось поделиться с сестрой, рассказать, что у меня появился друг, но тут я подумала, что, вполне возможно, она истолкует мою новость совсем в ином ключе, и ничего не стала писать. Потом отбила поздравление Ма и отправила аналогичные послания остальным своим сестрам, разбросанным по всему миру.

– Ну что? Готовы? – Эйс возник передо мной, держа в обеих руках бокалы с искрящимся на свету шампанским.

Мы направились к воротам. По мгновенно подхватился со своего места и распахнул ворота.

– Туда ходу ровно пять минут... Пора начинать задумывать желания, – сказал Эйс, а уже на берегу спросил: – Успели загадать?

– Блин! Да ничего путного в голову не лезет! А... Вот! Хочу снова вернуться к своей живописи... А еще собраться с силами, съездить в Австралию и узнать, откуда же я родом.

– То есть найти свою настоящую семью?

– Да.

– Круто! Грандиозные планы. Вы мне раньше ничего о них не рассказывали.

– А что загадали вы? – Я глянула на Эйса при свете луны.

– Принять как должное все, что меня ждет, и сделать это с достоинством, – ответил он, не глядя на меня, а устремив свой взгляд в небеса. – А еще сделать над собой титаническое усилие и ограничиться сегодня ночью только одним бокалом шампанского, – добавил он с усмешкой.

Через пару секунд до нас донеслись ликующие звуки сирен, которыми приветствовали наступление Нового года рыбаки на своих шхунах, стоявших на приколе по всей акватории залива. Всполохи фейерверков, которые запустили в небо на пляже Рейли-Бич, осветили небо. Их кружевные узоры были хорошо видны из-за скал.

– Красотища! – восхитилась я, увидев, как на другом конце пляжа сотни китайских фонариков плавно устремились ввысь.

– Будьте здоровы, Сиси! – сказал Эйс, чокаясь со мной. Я молча проследила за тем, как он залпом осушил свой бокал до дна. – Боже! Какое наслаждение! С Новым годом вас! – Внезапно он обвил меня руками и крепко обнял. В результате бо́льшая часть содержимого моего бокала пролилась на его плечо и на песок. – А вы ведь, Сиси, спасли мне жизнь за эти последние несколько дней. Честное слово!

– Не думаю, что это так. Но в любом случае спасибо.

Он слегка отстранил меня от себя, удерживая за плечи обеими руками.

– Это именно так, уверяю вас.

После чего накрыл мой рот своими губами и поцеловал.

Поцелуй был очень хорош: крепкий и одновременно нежный. Человек-волк явно изголодался. И транквилизаторы типа валиума уже не помогают. Мое рациональное сознание сделало последнюю попытку предупредить о надвигающейся опасности. Поцелуй – это уже не шутки. Но не надо на него реагировать. Однако поцелуй все длился и длился, и мне было хорошо.

– Пошли! – Эйс наконец оторвался от меня и, схватив за руку, потащил с пляжа в сторону дома. Проходя мимо По, который наверняка видел, как мы целовались, я мило улыбнулась ему и поздравила с Новым годом.

Твердой рукой Эйс повел меня к себе в комнату, и я поняла, что это должно случиться.

Ночь... что ж, если не вдаваться в излишние подробности, все было просто чудесно. Эйс оказался опытным любовником, хорошо знающим, что надо делать. Прямо самый настоящий эксперт, да еще в сравнении со мной. Но поразительно, как же быстро всему учишься, особенно если хочешь.

– Сиси! – Спустя несколько часов он осторожно погладил меня по щеке. Должно быть, уже светало, потому что за окном слышалось слабое чириканье птиц. – Ты такая... восхитительно вкусная... Спасибо тебе!

– Все нормально! – отозвалась я полусонным голосом, хотя его сравнение мне не очень понравилось. Что значит вкусная? Будто я мороженое какое.

– Нам было хорошо, но это здесь и сейчас, да? Я хочу сказать, что о будущем наших отношений не может быть и речи.

– Конечно нет! – согласилась я с легкостью. Меня в этот момент гораздо больше волновало, как бы он не вообразил себе, будто это я к нему клеюсь.

– Вот и отлично! Не хочу огорчать тебя. Не хочу никого больше огорчать. Спокойной ночи. И сладких тебе снов.

С этими словами он откатился на свою половину кровати, которая была гораздо больше и комфортабельнее той, что стояла в моей комнате, и почти сразу же уснул.

«Конечно же, это все только здесь и сейчас», – размышляла я, лежа на своей половине. И тут до меня дошло, что я впервые, можно сказать, делю ложе с мужчиной. Все мои предыдущие, довольно неуклюжие соития всегда происходили на природе, под открытым небом. Я лежала, вперив глаза в темноту. Хорошо хоть, что сквозь неплотно задвинутые жалюзи в комнату изредка проникали блики новогодней иллюминации. Именно то, что мне нужно. Немного света. В остальном же все было великолепно: полное раскрепощение и никаких моральных препон. Через пару-тройку дней я улечу в Австралию. Возможно, мы с Эйсом станем изредка обмениваться эсэмэсками. А почему бы и нет? Я же не героиня из какого-нибудь романа времен королевы Викто-

рии, принеся свою девственность на алтарь брака, почитая незыблемость и святость этих уз, в которых она обречена была жить до самой смерти. Слава богу, наше поколение имеет полную свободу распоряжаться собственным телом. И делать со своим телом все, что нам нравится. А сегодня мне *понравилось...*

Мои пальцы сами собой осторожно нащупали тело Эйса. Я прошлась рукой по его коже. Просто мне захотелось удостовериться, что он рядом, что он здесь, со мной. Вот он пошевелился во сне, и я тотчас же отдернула свою руку. Но Эйс уже снова повернулся ко мне и заключил меня в свои объятия.

Мне было так тепло и уютно рядом с ним, так хорошо, как никогда раньше. И я тоже заснула.

Наш секс в новогоднюю ночь не стал одноразовым событием. Напротив! Он превратился в регулярное занятие. Мы занимались любовью утром, днем, вечером... Словом, всегда, когда выпадала минутка принять горизонтальное положение. А если горизонтальное положение на какое-то время откладывалось, то мы находили себе целую кучу дру-

гих увлекательных занятий. Так, на рассвете Эйс мог стащить меня с постели, чтобы посмотреть на обезьян, о появлении которых возвещал громкий стук на крыше. Это они там орудовали, обыскивая все вокруг в поисках завалявшейся еды. Однажды мне даже удалось запечатлеть одну из проказниц на фотопленку. После чего охранник тут же разогнал обезьян, прибегнув к помощи миниатюрной катапульты. А я снова завалилась в кровать. И уже утром Эйс разбудил меня, появившись с подносом, на котором были выставлены всякие аппетитные вкусности для завтрака. Долгими полуденными часами, когда зной делался особо нестерпимым, мы утоляли жажду ананасами и соком манго, коротая время за просмотром DVD-дисков из обширной коллекции Эйса.

Однажды на рассвете прямо перед домом появилась шикарная яхта. По помог нам взобраться на борт, потом извлек из кармана свой фотоаппарат и предложил щелкнуть нас на память, на что Эйс немедленно ответил самым категорическим запретом. Когда мы отплыли от берега, он сообщил, что собирается показать мне нечто особенное. Поскольку гонять на катере мне не в новинку – я в свое время избороздила Женевское озеро, можно сказать, вдоль и поперек на нашем семейном катере, то и здесь я вскоре отодвинула шкипера в сторону и взяла руль в свои руки, развив бешеную скорость. Судно стремительно помчалось вперед, рассекая волны, а я еще при этом время от времени выделявала всякие крутые виражи, чтобы немного попугать шкипера. Но

вот прямо по курсу перед нами возникла гряда известковых скал, и я тут же передала бразды правления капитану. Он мастерски сманеврировал, и мы очутились в скрытой от посторонних глаз лагуне, защищенной со всех сторон скалистыми стенами головокружительной высоты. Вода здесь была зеленой и абсолютно спокойной, кое-где даже виднелись мангровые деревья. Это место называется Ко-Хонг, и мне оно показалось настоящим раем. Я тут же сиганула в воду. Следом за мной бросился Эйс. Мы плавали и плескались в лагуне, словно в собственном бассейне, но только затерянном посреди океана.

Наплававшись всласть, мы сидели на борту, попивая обжигающе горячий и крепкий кофе, наслаждаясь удивительным покоем и гармонией, царившими в этом невероятно красивом месте. А потом я повела катер в обратном направлении. Дома мы сразу же улеглись в постель и занялись любовью. То был поистине прекрасный день, один из тех, который я никогда не забуду. Такие дни, пожалуй, выпадают лишь один-единственный раз в жизни. Даже если речь идет обо мне и моей жизни.

На пятую ночь, лежа рядом с Эйсом в его комнате, ибо после новогодней ночи в своей комнате я так и не появилась, я предалась размышлениям о том, что у нас с ним, судя по всему, вырисовываются «отношения». Немедленно какая-то часть меня испугалась. Ведь именно этого мне хотелось меньше всего. Да и Эйс дал мне четко понять, что

ему никакие долгосрочные отношения тоже не нужны. Тем не менее что-то во мне сопротивлялось. Мне даже хотелось сфотографировать нас двоих на пляже, такая романтическая парочка, а потом разослать фотки всем своим сестрам. Пусть полюбуются! Пусть знают, что никакой я не лузер по жизни. Ведь Эйсу я *определенно нравлюсь*, и не столь уж важно, по каким причинам. И он так чистосердечно смеется над моими шутками, хотя даже я понимаю, что они весьма топорные. И мое тело ему нравится. Он находит мою хрупкую маленькую плоть очень и очень *сексуальной*.

Но главное – это то, что Эйс возник в моей жизни именно тогда, когда он был мне нужен, и «заполучил меня» так, как это ранее удавалось только Стар. Оба мы бежали от мира, обоих нас волей случая прибило к этому дальнему берегу, и оба мы понятия не имеем, что с нами будет потом. А ведь так приятно почувствовать рядом родственную душу, пусть и на короткое время.

На шестой день я проснулась сама. Глянула на часы. Почти час дня. Эйс точно запаздывает с завтраком. Где фрукты? Где круассаны и горячий кофе? Я уже приготовилась сползти с постели и отправиться на его поиски, но в эту минуту дверь распахнулась и появился Эйс с подносом в руках. Пожалуй, я бы тут же и расслабилась, но выражение его лица настораживало.

– Доброе утро, Сиси. Как спалось?

– Отлично. С четырех утра, если помнишь, и до сего часа

спала как убитая, – ответила я, пока он пристраивал поднос.

Обычно после этого Эйс тоже ложился в постель рядом со мной. Но сегодня он примостился на краю кровати.

– У меня тут кое-какие дела возникли. Не возражаешь, если вторую половину дня проведешь без меня? Развлекайся по собственному усмотрению.

– Конечно, какие разговоры! – жизнерадостно ответила я.

– Тогда до вечера. Встречаемся в восемь за ужином. – Эйс поднялся с кровати и поцеловал меня в макушку.

– До встречи, – пробормотала я в ответ.

Прощальный взмах рукой, легкая улыбка, и он уходит из комнаты. А я начинаю мучительно соображать. Для меня все эти «отношения» – дело новое, непривычное. Вот я лежу и гадаю, нормальное ли это поведение для Эйса. С одной стороны, конечно, дела есть дела. Лишнее свидетельство того, что жизнь после Нового года возвращается в свое привычное русло. А с другой? Может, мне пора уже паковать рюкзак и отправляться восвояси? Что ж, пусть не воображает, что мне некуда податься. Отлично развлекусь и без него. В результате, прихватив с собой альбом для эскизов, я направилась на пляж Рейли. А по дороге заглянула на веранду отеля «Рейли-Бич». Народу после Нового года явно поубавилось. За стойкой бара посетителей обслуживала Нами. Я заказала стакан свежавыжатого сока манго. Уселась на табурет и принялась разглядывать ее с очень самодовольным видом, хотя и понимала, что это отнюдь меня не красит.

– Комната вам нужна? – поинтересовалась у меня Нами, снимая кожуру с манго и затапливая его в блендер.

– Нет, спасибо, я устроена.

– В каком отеле остановились?

– В «Санрайз-Ризот».

Нами молча кивнула, но я заметила, как в ее глазах промелькнула искра.

– Давно вас не видела. Вас вообще никто не видел в последние дни.

– Я была занята.

– Правда, Джей рассказывал, что видел вас на пляже Пра-нанг. Вы катались на скоростном катере с мужчиной.

– Неужели? Хотелось бы, чтобы так оно и было. – Я округлила глаза, имитируя крайнюю степень изумления, но душа у меня ушла в пятки. Джей – один из тех парней, которого я знаю еще с прошлого года, приятель Джека. Изредка помогает ему в баре, а вообще хватается за любую работу, если есть возможность заработать на корочку хлеба. Кто-то из знакомых рассказывал мне, что в прошлом он был журналистом, но баловался наркотиками, пока наркота окончательно не сгубила его. Я часто видела его сидящим с самым вызывающим, я бы даже сказала, наглым видом, с папироской в руке, явно с наркотиками. Я же всегда относилась к наркотикам резко отрицательно. Не говоря уже о том, что здесь, в Таиланде, предусмотрены самые суровые меры наказания для любого наркомана, и неважно, застукали тебя на месте

преступления с окурком в руке или с целой пригоршней героина.

Какое-то время Джей даже пытался ухлестывать за Стар. Вечно путался у нее под ногами, стоило нам появиться в баре. Но у Стар он вызывал то же чувство гадливости, что и у меня. Во всяком случае, я, со своей стороны, постаралась сделать все, чтобы никогда не оставлять их наедине.

– Он говорил, что видел именно вас, – упорствовала Нами, протягивая мне стакан с соком манго. – У вас появился новый дружок, да?

Она сказала это так, будто у меня этих дружков было пруд пруди. И тут меня осенило. Скорее всего, она вообразила, что у нас с Джеком тоже была такая маленькая любовная интрижка. Иначе с чего бы он вдруг стал мне предлагать свою комнату? Господи! До чего же эти женщины порой смешны. Неужели не видно, что Джек у нее полностью под каблуком и она вцепилась в него своими маленькими проворными ручками, как говорится, намертво?

– Никаких новых дружков у меня нет, – отрезала я и поспешно допила свой стакан с соком.

– Джей сказал, что он знает того человека, с которым вы катались на лодке. Плохой человек. К тому же известный.

– Тогда Джеку надо пропустить пару стаканчиков с виски, чтобы проветрить свои мозги, – бросила я в ответ. – Повторяю, то была не я. – Я быстро отсчитала шестьдесят батов, еще добавила десять батов на чай и тотчас же ретировалась

из бара.

– Джей скоро объявится здесь. Он вам сам все расскажет! – крикнула Нами мне вдогонку.

Я отрицательно покачала головой и снова округлила глаза. Дескать, ты с ума сошла. После чего спустилась с веранды так, словно все, о чем мы только что говорили, меня не касается. Вместо того чтобы свернуть направо и пойти домой, я повернула налево, туда, где расположен отель, в котором я якобы остановилась. А вдруг Нами или тот же Джей... или кто-то еще, проследят, куда я сейчас пойду? На пляже напротив «своего» отеля я сбросила с ног башмаки, достала из рюкзака полотенце и отправилась в море искупаться. А заодно и подумать.

Интересно, что Нами имела в виду, когда сказала мне, что Джей обозвал Эйса «плохим человеком»? Судя по выражению ее лица, для нее это значило, что он большой любитель женщин. Бабник, проще говоря. Из рассказов Эйса я и сама уже успела понять, что, когда он жил в Лондоне, у него было полно женщин. Он беспрестанно сыпал именами своих многочисленных подружек, с которыми, судя по всему, совсем неплохо проводил время. Что же до того, что он человек «известный»... Все может быть. Только я об этом никогда не узнаю. Я ведь в связи со своей дислексией практически не читаю ни газет, ни журналов.

Выйдя из воды, я улеглась прямо на песок, чтобы тело на солнце немного обсохло, и стала прикидывать, надо ли

рассказать Эйсу об этом разговоре. Для меня уже было понятно, что он маниакально следит за неприкосновенностью своей частной жизни, никому не позволяя вторгаться в нее. Может, он какой-то всемирно известный селебрити? Стоило бы расспросить Электру о нем. Ведь это тот мир, в котором она сама ежедневно вращается. Но если это так, то новость о том, что у меня с этим человеком интрижка, мгновенно остудит ее пыл поделиться со мной хоть какими-то крохами информации. Подумать только! Самая уродливая из всех сестер Деплеси подцепила себе такую знаменитость. Пожалуй, все же надо написать ей коротенькую эсэмэску, хотя бы для того, чтобы проверить, как онаотреагирует на мою новость.

Но я понимала и другое. Если я сообщу Эйсу о том, что кто-то пристально следит за ним, то это лишь встревожит, а может, даже и напугает его. К тому же Джей вряд ли знает, где живет Эйс. Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

И все же, наверное, *мне следует* рассказать об этом разговоре... Да, но в запасе у нас с ним всего лишь пара деньков, а потом я улечу в Австралию. Не хочется омрачать последние дни, что мы проведем вместе, дурными новостями. Заранее я решила, что, как только проскользну сквозь ворота во дворец, оставшееся время проведу там безвылазно, вплоть до самого последнего момента, когда уже надо будет ехать в аэропорт. Остается лишь постараться и сегодня вернуться домой максимально незаметно.

Я решила, что самый подходящий момент для этого – вре-

меня перед заходом солнца. В это время пляж Прананг обычно почти пуст. Но я постараюсь проскользнуть туда заранее и затеряться в толпе отдыхающих. Сказано – сделано. Я искупнулась еще раз, потом выбралась на песок и улеглась на полотенце, предусмотрительно расстелив его как можно ближе к посту, на котором дежурил По. Он заметил меня и сразу же бросился открывать ворота, но я сделала вид, что ничего не вижу, и даже отодвинулась на пару метров в сторону. Так, на всякий случай. Проскользну в дом, решила я, когда все отдыхающие погрузятся в созерцание заката.

Минут через двадцать началось вечернее действо, а я, воспользовавшись тем, что все глаза были обращены на светило, быстрехонько прошмыгнула через ворота, словно раненый зверь.

Направляясь к себе в комнату, я смутно представляла, что меня ждет впереди. Утешало лишь одно. Если Эйс вдруг предложит мне убраться из его дома прямо сейчас – дескать, между нами все кончено, то найти себе место в каком-нибудь отеле не составит особого труда. Ведь новогодняя лихорадка с неизменным наплывом туристов уже закончилась. Открыв дверь в свою комнату, я уловила слабый цветочный запах, витавший в воздухе.

– Я здесь. Иди сюда! Присоединяйся ко мне, – услышала я голос Эйса.

Я вошла в ванную комнату и увидела Эйса лежащим в огромной овальной ванне в окружении десятков горящих

свеч, источающих сладковатый аромат. Вода в ванне была покрыта сплошным слоем белых и розовых лепестков.

– Хочешь ко мне?

Я хихикнула в ответ.

– Что смешного?

– Ты сейчас смотришься как такая сюрреалистическая версия знаменитого полотна, изображающего мертвую Офелию.

– Хочешь сказать, что я со своим волосатым торсом выгляжу безобразно? Ну и пусть! – ухмыльнулся он в ответ. – Просто я попытался быть романтичным. А тут еще и служанка помогла с цветами. Но явно перестаралась. Никогда не надо просить тайскую прислугу приготовить для вас ванну. Иначе они все засыпят лепестками. Потом не отмоешься за несколько дней.

Я присоединилась к Эйсу. Устроилась, удобно положив голову ему на грудь, а он крепко обвил меня руками за талию. Невероятно приятное чувство!

– Извини, что так получилось с утра, – прошептал он мне на ухо, а потом нежно поцеловал его. – Но у меня действительно скопились кое-какие дела, которые надо было решить по телефону.

– Тебе не за что извиняться передо мной.

– Я по тебе соскучился. Так мы будем сегодня ужинать?

– Обязательно, – улыбнулась я в ответ.

Много позже, когда мы, наконец, уже выбрались из ванны,

а потом как следует приложились к свежей рыбе под тама-риндовым соусом, мы решили немного прогуляться. Спустились на пляж и улеглись на песок, стали разглядывать звезды.

– Покажи мне свою звезду, – вдруг попросил меня Эйс.

Я поискала глазами туманное созвездие Семь сестер и ткнула в него пальцем.

– Моя звезда третья по счету, если считать с самой верхней.

– Но я вижу только шесть звезд.

– На самом деле их семь. Просто последняя – самая маленькая, и ее едва видно.

– А как зовут эту звезду?

– Меропа.

– Ты раньше никогда не упоминала этого имени.

– Не упоминала. Потому что такой сестры у нас нет. Папа удочерил только шесть девочек и привез их к себе домой.

– Сплошные загадки.

– Наверное, ты прав. Но знаешь, оглядываясь в прошлое, могу сказать, что все мое детство было именно таким: волшебно-загадочным.

– А ты не знаешь, почему он удочерил вас?

– Понятия не имею. Ребенком мне это было совсем не интересно. Ну, понимаешь меня? Я воспринимала все как должное. Мне нравилось, что у меня столько сестер. Я любила Стар. А у тебя есть братья или сестры?

– Увы-увы! Я – единственный ребенок, и у меня нет ни

братьев, ни сестер. — Эйс издал хрипловатый смешок и повернулся ко мне лицом. — Ты не слишком много рассказываешь о своих сестрах. Какие они у тебя?

— Майя и Алли — старшие. Майя чудо как хороша. И такая умница. Она знает целую кучу языков. Алли тоже замечательная. Сильная, мужественная... Недавно у нее случилось большое горе, но она как-то справилась со всем этим. Знаешь, я не перестаю восхищаться ею. Честно! Хотелось бы мне хоть в чем-то походить на нее.

— То есть Алли в вашей семье — это такой образец для подражания, да?

— Возможно, так оно и есть. Потом Тигги...

Я задумалась, подбирая нужные слова, чтобы описать свою следующую сестру.

— Она не такая, как Стар. Но я с ней тоже очень близка. Она такая... очень... Каким словом можно описать человека, который понимает тебя без слов?

— Наверное, у нее хорошая интуиция.

— Да, именно так. Интуиция. И вообще, она очень позитивный человек по натуре. Во всем видит только положительное. Если бы я рисовала, глядя на мир ее глазами, то это были бы невероятно красивые вещи. А еще есть Электра... — добавила я, немного помрачнев. — Но вот с ней мы не так чтобы очень уж ладим. — И тут же поспешила задать встречный вопрос: — А у тебя какое было детство?

— Наверное, так же, как и ты, я ребенком воспринимал все

вокруг себя как должное. Я любил маму, мы жили в Таиланде, а вскоре после того, как она умерла, меня отправили на учебу в Англию.

– Наверное, было тяжело вдруг оказаться вдали от всех и от всего, что ты знаешь.

– Нет. В школе было... все прекрасно.

– А что твой отец?

– Я же говорил тебе, я его не знаю.

В голосе Эйса слышались напряженные нотки, и я не рискнула продолжить свои расспросы, хотя, не скрою, меня снедало откровенное любопытство.

– А ты никогда не предполагала, что Па Солт может оказаться твоим родным отцом? – услышала я в темноте его голос через какое-то время.

– Мне такие мысли даже и в голову не приходили, – ответила я. И вдруг невольно задалась вопросом: а что, если *так и есть*? – Если предположить такое, то получается, что папа бороздил на своей яхте моря и океаны, собирая шесть своих незаконнорожденных дочерей, разбросанных по всему миру. Довольно странно звучит.

– Пожалуй, ты права. Это было бы весьма странно, – согласился со мной Эйс. – Но была же у него какая-то причина поступить так, как он поступил?

– Кто знает? Да и кому это важно сейчас? Папы больше нет. Так что всей правды нам никогда не узнать.

– Согласен. Да и какой смысл копаться в прошлом, верно?

– Смысла нет. И тем не менее мы все копаемся в своем прошлом. Размышляем о тех ошибках, которые совершили. Сожалеем, что не можем исправить их.

– Тебе пока нечего исправлять. Какие у тебя ошибки? Ошибку совершили твои родители, когда в свое время отказались от тебя.

Я повернулась, чтобы взглянуть на Эйса. Меня поразило, какие у него яркие блестящие глаза, словно он с трудом сдерживает слезы. Наверное, лунный свет всему виной.

– Ты хочешь сказать, что именно так поступил твой отец? Бросил тебя?

– Нет, этого я не хочу сказать. Получается, что ты отправляешься в Австралию на поиски своих настоящих родителей, да?

Излюбленный приемчик Эйса. Перебрасывать мяч на сторону соперника. Но на сей раз я смолчала, потому что видела, что он действительно чем-то сильно расстроен.

– Получается так, – равнодушно пожала я плечами в ответ.

– А как ты узнала, где именно родилась?

– Папа умер в июне прошлого года, но незадолго до этого он оставил всем нам, сестрам, одну своеобразную вещь. Она называется армиллярной сферой. На ней выгравированы координаты тех мест, где он нашел всех нас.

– И куда же ведут тебя твои координаты?

– Город Брум. Где-то в Западной Австралии.

– Знаю. А еще подсказки были?

– Папа написал мне в письме, что нужно съездить туда и попытаться выяснить что-то о женщине по имени Китти Мерсер.

– И на этом все?

– Да. Во всяком случае, больше он мне ничего не сообщил. Но буквально через несколько дней после его кончины я узнала, что на меня свалилось наследство.

– Вот как? «Все чудесатее и чудесатее», как воскликнула бы крошка Алиса, побывавшая в Стране чудес. А ты пыталась выяснить что-то про эту Китти Мерсер через Интернет? – поинтересовался у меня Эйс.

– Я... то есть нет, – смутилась я и подумала, как хорошо, что сейчас темно и он не видит, как я покраснела. С другой стороны, что он прицепился ко мне со своими расспросами? – Знаешь, ты тоже хорош. Сам засыпаешь меня вопросами, а на мои отвечать не хочешь!

Эйс рассмеялся.

– Ты неподражаема, Сиси. Рубишь правду-матку прямо в глаза! – С этими словами он взгромоздил меня на себя и поцеловал.

Спустя два дня я проснулась с таким чувством, что полностью потеряла счет времени. Даже не знаю, какое сегодня число. Я сползла с постели и стала рыться в своем рюкзаке в поисках билетов до Бангкока и до Сиднея. Нашла. Потом проверила по мобильнику, какой сегодня день.

– Черт! Так мне же завтра уезжать! – воскликнула я в ужасе от открывшейся перспективы. И снова повалилась на постель в полном отчаянии.

В эту минуту в комнате появился Эйс с неизменным подносом, на котором был сервирован завтрак. Между свежайшими круассанами лежала какая-то книжка.

– У меня для тебя кое-что есть, – объявил он, устраивая поднос на кровати.

Я невольно взглянула на книжку. На обложке – черно-белая фотография какой-то красивой женщины. На ней – старомодное платье с высоким воротником-стойкой, застегнутым на крохотные жемчужные пуговички. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы разобрать имя женщины.

– *Китти Мерсер, пионер в области добычи жемчуга*, – прочитала я вслух.

– Да, именно так! – воскликнул Эйс с ликованием в голосе и запрыгнул под одеяло, после чего протянул мне чашку с кофе. – Я поискал информацию о ней в *Google*. У нее даже имеется собственная страничка в Википедии. Представляешь, Сиси?

– Правда? – ошарашенно переспросила я, несколько сбивая с толку.

– Невероятно интересная женщина. Из того, что мне удалось прочесть про нее, можно сказать, что в то далекое время, когда женщины еще только-только начинали бороться за свои права, она добилась очень и очень многого. Вот потому-то я и заказал ее биографию. И сегодня получил книгу по экспресс-доставке. Мне ее привезли на скоростном катере из книжного магазина на острове Пхукет.

– Заказал? – Я обозрела его холодным взглядом.

– Да. Я уже даже успел пролистать книгу. Очень интересная. Тебе наверняка понравится. – Он взял книгу и придвинул ее ко мне поближе. Я с трудом удержалась, чтобы не оттолкнуть его от себя вместе с книгой. Потом поставила чашку с кофе на прикроватную тумбочку и поднялась с кровати.

– К чему ты затеял весь этот переполох? – спросила я у Эйса, натягивая на себя майку. – Тебе-то что за дело до всего этого? Если мне понадобится что-то выяснить, я сделаю все самостоятельно, без посторонней помощи.

– Господи боже мой! Да я же хотел как лучше! И чего ты взъелась?

– Ничего я не взъелась! – отрезала я, хотя мы оба прекрасно понимали, что я разозлилась всерьез. – По правде говоря, я еще даже не решила для себя, буду ли я вообще заниматься поисками своей настоящей семьи!

– Так никто же тебя и не заставляет читать эту книгу пря-

мо сейчас. Прочтешь, когда посчитаешь нужным.

Эйс снова попытался сунуть книгу мне в руки, но я лишь оттолкнула ее от себя.

– Для начала мог бы и у меня поинтересоваться, а захочу ли я вообще читать! – воскликнула я, натягивая на себя шорты, но в этот момент потеряла равновесие и чуть не упала. Получилось немного комично, а я ведь изо всех сил пыталась выглядеть достойно.

– Наверное, ты права. Мне следовало спросить тебя.

Я выскочила из комнаты и опрометью помчалась наверх, чтобы посидеть на террасе, обустроенной на крыше дома, чувствуя, что мне нужно немного остыть и прийти в себя.

Минут через десять на террасе возник Эйс и присел рядом со мной на диван, обитый шелком. В одной руке он держал книгу.

– Послушай, Сиси. Что не так? Скажи мне.

Какое-то время я молча кусала губу, слепо глядя на людей, плавающих в океане. Наконец я заговорила:

– Нет, все нормально. Ты действительно молодец. Предпринял столько усилий, чтобы заполучить эту книжечку. И так быстро. Наверное, быстрее и представить себе нельзя. Но все дело в том... Просто у меня с книгами отношения не складываются. И так было всегда. Вот потому-то я и не стала ползать по Интернету в поисках информации о Китти Мерсер. У меня... у меня дислексия. Понимаешь? Причем в очень сильной форме. Мне даже читать трудно.

Эйс обнял меня за плечи.

– Так почему просто не сказать об этом?

– Потому что я стесняюсь... потому что мне стыдно... понятно? – прошептала я, с трудом сдерживая слезы.

– Чего тебе стыдиться, глупенькая? Я знаю многих выдающихся людей, которые тоже страдают дислексией. Знаешь, а я придумал! Я прочитаю тебе эту книжку вслух. – Он пригнул меня к себе, и я безвольно опустила голову ему на плечо. – Начнем прямо сейчас. – Он стал перелистывать страницы прежде, чем я успела остановить его.

– Глава первая. Эдинбург, Шотландия, 1906 год...

Китти

Эдинбург, Шотландия

Октябрь 1906 года

6

Китти Макбрайд лежала в своей постели и молча наблюдала за тем, как крохотный паучок проворно плел свою сеть, обматывая ею горемычную муху, застрявшую в самом уголке потолка и уже успевшую попасть в его капкан. Китти видела эту муху еще вчера вечером, слышала, как она неистово жужжала, носясь под самым потолком. А потом Китти выключила газовую лампу, и все успокоилось. И сразу же потянуло холодом. Последние теплые деньки: осень плавно переходит в зиму. Китти подумала, как, должно быть, исправно трудился всю ночь паучок, заматывая серебристыми нитями свою жертву и постепенно превращая ее в мумию.

– Ну, сегодня у тебя и твоих домашних будет просто шикарный ужин. Пожалуй, на целый месяц хватит, – сказала Китти вслух, обращаясь к пауку. После чего сделала решительный вдох и рывком сбросила с себя все одеяла. В комнате стояла зверская холодина. Китти тут же затрясло. Она опрометью перебежала к умывальнику, кое-как ополоснулась на скорую руку – маме наверняка такое омовение кате-

горически не понравилось бы. Глянула в небольшое оконце. В этот ранний утренний час густой туман стелился по земле и по всему вокруг, укутывая толстым слоем ряд одинаковых домиков на противоположной стороне узенькой улицы. Китти быстро натянула на себя шерстяную нижнюю сорочку, а сверху платье, наглухо застегнув на все пуговики высокий ворот вокруг своей длинной белоснежной шеи. Потом собрала копну каштановых кудрей и свернула ее в тугой узел на затылке.

– Ну и видок у меня, – сказала Китти своему отражению в зеркале. – Прямо самое настоящее привидение. – Подошла к комоду и вытащила из самого нижнего ящика румяна. Взяла немножко на палец и стала энергично втирать румяна в щеки, массируя их пальцами. Румяна она купила пару дней тому назад в магазине «Дженнерс» на Принсис-стрит. Истратила на эту покупку все свои сэкономленные шиллинги, которые она заработала, давая дважды в неделю уроки игры на пианино.

Наверняка отец осудил бы ее самым беспощадным образом. Ведь по его словам, тщеславие – это страшный грех. Впрочем, если слушать отца, так у него почти все грех. Целыми днями отец занимается тем, что пишет проповеди, в которых излагает свои взгляды на жизнь, а потом выступает с этими проповедями перед своей паствой. Богохульство, тщеславие, употребление горячительных напитков... И его излюбленный конек – грехи плоти, потакающей своим похо-

тям. Китти часто задавалась резонным вопросом: как она и ее три младших сестры вообще появились на свет при таком отношении отца к собственному телу? Ведь как ни верти, а ему приходилось все же поступаться своими принципами и предаваться, хотя бы время от времени, всем этим запретным удовольствиям, в результате которых и стало возможным их рождение. И вот мама снова в положении. Ждет ребеночка. А это значит, что родители и сейчас продолжают *заниматься этим делом...*

Китти вдруг представила себе обнаженные тела своих родителей, лежащих в одной постели. Ужас! Сама она точно *никогда* не снимет сорочку и рейтузы перед кем-то посторонним, тем более перед мужчиной. Трясаясь от холода, Китти поспешно затолкала свои драгоценные румяна на самую нижнюю полку комода. Иначе Марта, одна из ее младших сестер, еще, чего доброго, соблазнится и украдет их. После чего Китти открыла дверь спальни и, торопливо миновав три пролета деревянной лестницы, спустилась в столовую к завтраку.

— Доброе утро, Катерина, — приветствовал ее отец, сидя во главе стола. Три его младшие дочери уже чинно восседали по одну сторону стола. Ральф поднял глаза на старшую дочь и тепло улыбнулся ей. Все вокруг не перестают повторять, что Китти — вылитая копия своего отца: те же непокорные каштановые кудри, яркие голубые глаза, высокие скулы. Лицо у отца гладкое: ни одной морщины на бледной коже, а

ведь ему уже далеко за сорок. Неудивительно, что все прихожанки без ума от своего пастора, ловят буквально каждое его слово, которое он роняет, обращаясь к ним с кафедры. *«А в глубине души в это же самое время все они мечтают предаваться с ним тем греховным соблазнам, которые он им строго-настрого запрещает».* Это уж как пить дать, подумала Китти.

– Доброе утро, папа, – поздоровалась она с отцом. – Как спалось?

– Хорошо. А вот твоей дорогой матушке минувшая ночь далась нелегко. Ей, как всегда на ранних сроках беременности, не давали спать приступы тошноты. Я попросил Эльзу подать ей завтрак прямо в постель.

Китти поняла, что маме действительно было очень плохо. Коль скоро привычная процедура завтраков в доме Макбрайдов, которая всегда неукоснительно соблюдается, вдруг нарушена.

– Бедная мама! – вздохнула Китти, присаживаясь на стул чуть поодаль от отца. – Я после завтрака обязательно поднимусь к ней.

– Я попрошу тебя, Катерина, еще об одном одолжении. Будь так добра, наведайся к тем прихожанам, которых опекает твоя матушка. И если у нее будут какие-то иные поручения, тоже помоги ей, ладно?

– Конечно, папа.

Ральф прочитал молитву, затем взял ложку и принялся

есть густую овсяную кашу. Сигнал для Китти и остальных сестер тоже приступать к трапезе.

Утром после завтрака, как всегда по четвергам, отец примется проверять знания дочерей по арифметике: сложение, вычитание и прочее. Расписание занятий на неделю соблюдалось строго. Понедельник – правописание, вторник – столицы государств мира, среда – даты восхождения на престол английских королей и королев плюс надо было еще рассказать биографию того монарха, которого назовет отец по своему усмотрению. Самый легкий день – пятница. По пятницам они беседовали уже о шотландских королях, коих не так уж много. Ведь Англия подчинила себе Шотландию и стала править везде единолично. По субботам девочки читали отцу вслух те стихотворения, которые они заучили на память. А по воскресеньям отец был всецело поглощен подготовкой к воскресной службе в церкви и, как правило, уходил туда засветло, когда все остальные члены семейства еще спали.

Китти любила воскресные завтраки.

Сидя за столом сейчас, она молча наблюдала за тем, как младшие сестры сражаются с цифрами, складывая их в уме, попутно проглатывая ложку овсянки и уж потом оглашают результат своих умственных усилий вслух. Нельзя отвечать с набитым ртом, это сразу же вызовет неодобрительный взгляд отца.

– Семнадцать! – радостно кричит восьмилетняя Мэри, самая младшая из сестер. Ей уже надоело ждать, пока Мириам,

которая старше ее на целых три года, определится наконец с ответом.

– Все верно, дорогая моя! – отвечает девочке Ральф, не скрывая гордости.

В глубине души Китти жалеет бедняжку Мириам, свою тайную любимицу. Девочке плохо дается арифметика. Все эти цифры ее страшно пугают, она начинает нервничать, путаться, и в результате младшая сестренка, более уверенная в себе, всегда одерживает над ней верх.

– Что ж, Мэри, поскольку ты сегодня победила Мириам, правильно ответив первой, то тебе дается право самой выбрать ту притчу, которую я сейчас расскажу вам.

– О блудном сыне! – немедленно оглашает свой выбор Мэри.

Ральф начинает рассказывать притчу своим глубоким, хорошо поставленным голосом. Китти слушает и думает, что неплохо было бы, чтобы для регулярных занятий с дочерьми отец расширил набор своих любимых притч, которые он постоянно повторяет. Во-первых, их совсем немного. А во-вторых, Китти уже устала слушать одно и то же. К тому же, несмотря на все свои умственные усилия, она никак не может понять ту мораль, которая заключена в притче о блудном сыне. Негодный отпрыск покинул отцовский дом на долгие годы, в то время как его брат все эти годы оставался с родителями, всячески поддерживая их. А потом этот блудный сын возвращается...

– ...Принесите самого откормленного теленка и заколите его. Будем веселиться и праздновать! – с ликованием в голосе провозглашает Ральф, обращаясь прямо к ней.

Китти хочется спросить у отца, означает ли это, что любой человек может вести себя так, как ему вздумается, а потом вернуться домой после всех своих непотребств, и его там встретят с превеликой радостью. Ведь, собственно, именно так повествуется в притче. Но Китти приблизительно знает, что ответил бы отец. Сказал бы, что Небесный Отец прощает всякого, кто раскается в своих грехах. Но как-то все равно несправедливо получается по отношению к старшему брату блудного сына. Тот верой и правдой служил своему отцу все эти годы, однако для него отец не распорядился устроить пир и заколоть откормленного тельца. Наверняка Ральф возразит, скажет, что все добрые люди получают свою награду на небесах. Но это ж еще сколько ждать, пока попадешь на небо. А другие получают награду здесь, на земле.

– Катерина! – Голос отца отрывает ее от собственных мыслей. – Снова мечтаешь. Будь добра, возьми сестер в детскую и позанимайся с ними сегодня утром. Маме очень нездоровится, и она не сможет сегодня провести урок с девочками. А я поднимусь к вам ровно в одиннадцать, и тогда мы займемся изучением Библии.

С этими словами Ральф одарил своих дочерей лучезарной улыбкой и поднялся из-за стола.

– До одиннадцати я работаю у себя в кабинете.

Отец возник на пороге детской ровно в одиннадцать утра. Китти тут же побежала к себе в комнату, чтобы забрать книги, которые она хотела вернуть в библиотеку после того, как навестит всех маминых подопечных. Быстро спустилась по лестнице в холл, сдернула с крючка толстую шаль и капор, стала одеваться. Поскорее бы на улицу, на свежий воздух. Прочь из удушливой атмосферы этого дома. Завязывая ленты капора под подбородком, Китти попутно заглянула в гостиную и увидела мать, сидящую возле камина. Ее измученное лицо было серым после бессонной ночи.

- Мамочка, у тебя такой усталый вид
- Да, сегодня мне действительно неважно.
- Отдыхай, мамочка. Позже я загляну к тебе.
- Спасибо, милая. – Мать тепло улыбнулась дочери, которая наклонилась, чтобы поцеловать ее. И Китти тут же побежала из гостиной.

Морозный утренний воздух бодрил. Китти проворно зашагала узкими улочками их портового района Лейт, то и дело здороваясь со встречными прохожими, большинство из которых были прихожанами отца. Причем многие из них

знали саму Китти, выражаясь их же словами, «с пеленок», о чем они всегда с удовольствием напоминали ей. Спешившая навстречу миссис Дабхач немедленно поинтересовалась у нее, как обстоят дела у его преподобия, после чего разразилась бурными восторгами по поводу его последней воскресной проповеди. Словоизлияния продолжались до тех пор, пока Китти не почувствовала, что еще немного, и ей сделается дурно.

Распрощавшись наконец с миссис Дабхач, Китти села в трамвай, следующий до центра Эдинбурга. На привокзальной площади железнодорожного вокзала Лейт она сделала пересадку и, выйдя рядом с мостом короля Георга IV, направилась в центральную библиотеку. Мельком глянула на группу студентов, поднимающихся по ступенькам огромного здания из серого камня. Молодые люди о чем-то весело болтали друг с другом и всю дорогу смеялись. Высокие сводчатые окна библиотеки приветливо сияли огнями, освещая унылое зимнее небо. В просторном вестибюле с высоченными потолками было ненамного теплее, чем на улице. Подойдя к стойке для возврата книг, Китти лишь плотнее запахнула шаль на груди, пока библиотекарь разбирался с ее учетной карточкой.

Китти стояла, терпеливо переминаясь с ноги на ногу, и размышляла о книге, которую она недавно брала в библиотеке. «*О происхождении видов*» Чарльза Дарвина. Эта книга была опубликована более сорока лет тому назад, но для

Китти она стала самым настоящим откровением. Фактически она побудила ее засомневаться в своей вере и в тех религиозных догмах, которые внушал ей отец с самого раннего детства. Китти прекрасно понимала, в какой ужас пришел бы отец, узнай он о том, что она посмела читать столь богохульные книги и, мало того, поверить всему, что там написано.

Его преподобие вообще был крайне недоволен тем, что дочь регулярно наведывается в библиотеку. Но для Китти такие визиты были самой настоящей отдушиной. Ведь именно там она восполняла пробелы в своем образовании, прилежно изучала все то, о чем отец не беседовал с дочерьми на уроках по изучению Библии и о чем не рассказывала им мать на занятиях по арифметике и по языку. На книгу Дарвина Китти вышла случайно, после того как в одном из разговоров отец упомянул, что миссис Мак Кромби, самая состоятельная прихожанка его церкви, щедро жертвующая на нужды прихода, собирается навестить своих родственников в Австралии. Эта новость невольно пробудила у Китти интерес к далекому континенту. Она порылась в библиотеке и отыскала на книжных полках книгу под названием *«Путешествие вокруг света на корабле «Бигль»*, в которой молодой Чарльз Дарвин подробно живописует все свои приключения в ходе кругосветного путешествия, растянувшегося на целых пять лет, из коих два месяца ученый провел уже непосредственно в самой Австралии. За первой книгой Дарвина последовали другие его труды, так Китти попала под влияние его револю-

ционных теорий, которые он изложил в этих книгах.

Ей очень хотелось обсудить прочитанное с кем-нибудь из знакомых. Впрочем, можно только представить, какова была бы реакция отца, если бы она осмелилась всего лишь упомянуть слово «эволюция» в его присутствии. Пожалуй, его тут же хватил бы удар. Сама мысль о том, что все существа, населившие когда-то нашу землю, были сотворены не по Божьему разумению и промыслу, а стали результатом долгой эволюции, длившейся миллионы лет, в течение которых произошел процесс их адаптации к окружающим условиям, уже сама эта мысль была бы для отца страшнее любой анафемы. Не говоря уже о том, что смерть и рождение тоже, оказывается, никак не связаны с замыслом Господа и Его предопределением. Все диктует так называемый «естественный отбор», в результате которого выживают только сильнейшие. Теория эволюции поставила под сомнение и необходимость самой молитвы, потому что, согласно Дарвину, все решает только *сама природа*, самая мощная и непреодолимая сила на земле.

Китти глянула на часы, висевшие на стене, и заторопилась на выход. Покончив со всеми формальностями сдачи книг, она не стала сегодня рыться на книжных полках, что очень любила делать. Быстро вышла на улицу и села в трамвай, чтобы вернуться обратно в Лейт.

Уже ближе к вечеру, во второй половине дня, Китти поспешила знакомыми улочками домой. На улице царил

страшная холодина. Высокие угрюмые здания, выстроившиеся в ряд по обе стороны дороги, все из унылого серого известняка, сегодня сливались с таким же унылым серым небом над ее головой. Уже зажглись газовые фонари, и в их мерцающем свете Китти увидела, что на город снова опускается пелена густого тумана. Она очень устала: ведь почти полдня она потратила, навещая больных прихожан: и тех, кто значился в ее собственном списке, и тех, кого нужно было навеситить уже от имени и по поручению мамы. К превеликому огорчению Китти, когда она наконец добралась до улицы Королевы Шарлотты, где в многоквартирном доме обитала одна из ее подопечных, милая старая дама по имени миссис Монктон, которая, как клялся и божился ее отец, была прелюбодейкой и пьяницей, вогнавшей саму себя в нищету, то выяснилось, что женщина накануне умерла. Несмотря на ту уничижительную характеристику, которую давал отец миссис Монктон, Китти, навещавшая ее раз в неделю, всегда отправлялась на такие встречи с радостью. Правда, трудно было разобрать, о чем старушка говорит: у нее почти не осталось зубов, да еще прибавлялся такой своеобразный акцент, резкий, гортанный. Словом, приходилось концентрировать все свое внимание на каждом произносимом ею слове. Чувство юмора, с которым миссис Монктон воспринимала свое нынешнее бедственное положение, никогда не жалуюсь на превратности судьбы, доведшей ее до такого состояния, не могло не впечатлять. Для Китти это в какой-то сте-

пени стало отправной точкой в ее размышлениях о жизни. *«Знаешь, я ведь когда-то была камеристкой у одной знатной дамы, – разоткровенничалась как-то раз миссис Монктон. – Жила во дворце, и так продолжалось до тех пор, пока хозяйка не догадалась, что ее муж положил на меня глаз».* Что ж, размышляла Китти, хотя дальше жизнь этой бедной женщины покатилась по наклонной плоскости, но у нее хоть была крыша над головой и какая-то еда. А ведь многие из тех, кто живет по соседству с ней, лишены и этих самых малых благ.

– Надеюсь, миссис Монктон, вы уже на небесах, где вам самое место, – расстроено прошептала Китти, выйдя на улицу. В полной темноте перешла на другую сторону Хендерсен-стрит и направилась к своему дому. Уже возле самой парадной двери прямо у нее под носом мелькнула чья-то тень. Китти инстинктивно отпрянула назад, чтобы не столкнуться с человеком. Она увидела перед собой совсем еще молодую женщину, буквально закоченевшую от холода. Та безмолвно уставилась на Китти. Клетчатый шарф соскользнул с головы незнакомки: лицо худое, изможденное, с огромными запавшими глазами, кожа бледная, непокорные каштановые волосы рассыпались по плечам. На вид незнакомке было приблизительно столько же лет, сколько и самой Китти.

– Простите, пожалуйста, – тут же извинилась перед ней Китти, смущенно отступая в сторону, чтобы пропустить девушку вперед. Но та даже не сдвинулась с места, а лишь про-

должала пялиться на нее немигающим взглядом. Тогда Китти сама отвела глаза и открыла входную дверь. Китти вошла в холл, чувствуя, как девушка продолжает буравить ее взглядом, и тут же поспешила закрыть дверь.

Китти сбросила с головы капюшон, сняла капор, но затравленный взгляд незнакомой девушки продолжал преследовать ее. Китти почему-то вдруг вспомнила романы Джейн Остин, которые успела прочитать. Как та красиво описывала дома приходских священников, расположенные в живописных садах. Поистине идиллические пейзажи английской деревни, заселенной преимущественно мелкопоместными дворянами, ведущими такую же размеренную и достойную жизнь, как и сами священники. Наверное, подумала Китти, мисс Остин никогда не бывала на севере страны и не видела, как там живут *городские* священники. Например, те, кто обитает на окраинах Эдинбурга.

Дом, в котором жила семья Китти, ничем не отличался от других домов на их улочке: такое же унылое четырехэтажное здание в викторианском стиле. Те, кто его возводил, думали в первую очередь о практичности, а не о красоте. Ведь нищета была буквально рядом. Все те несчастные обитатели бараков и доходных домов, выстроившихся рядом с доками. Отец любил повторять, что никто не посмеет упрекнуть его в том, что он живет в лучших условиях, чем его паства. Хорошо хоть, подумала Китти, входя в гостиную, чтобы согреть немного у камина озябшие руки, что у них в доме тепло и

сухо. Ведь у многих, живущих с ними по соседству, нет и этого.

– Добрый вечер, мама, – поприветствовала она Адель, сидящую в кресле возле камина. Мама штопала носки, примостив их у себя на небольшом выступающем животе вместе с подушечкой для иголок.

– Добрый вечер, Китти. Ну, как прошел день? – поинтересовалась мать ласковым голосом с легким акцентом, сразу же выдающим ее шотландские корни.

Отец Адель был помещиком в Дамфрисшире. Китти и ее сестры любили бывать у него. Каждое лето они отправлялись в гости к дедушке и бабушке, которые жили гораздо южнее Эдинбурга. В деревне царило приволье. Такое счастье скакать верхом среди бескрайних полей и лугов. Однако Китти озадачивала одна вещь: отец никогда не сопровождал их в этих летних поездках к родителям жены. Всегда ссылался на занятость и на необходимость быть рядом со своей паствой. Но с возрастом Китти начала подозревать, что так происходит потому, что дедушка и бабушка относятся к мужу своей дочери не очень одобрительно. Семейство Макбрайдов, хотя и состоятельное, принадлежит к так называемому «торговому сословию». Такое определение Китти слышала собственными ушами. В то время как родители мамы – потомки благородного клана Дугласов. А потому совсем не удивительно, что они часто вслух выражали свое недовольство тем, в каких стесненных обстоятельствах вынуждена жить их дочь,

будучи женой священника.

– Миссис Макфарлейн и ее детки шлют тебе самые наилучшие пожелания. Воспалительный процесс на ноге мистера Катбертсена, кажется, приостановлен, и дело пошло на поправку. Но есть и печальная новость, увы. Вчера умерла миссис Монктон.

– Упокой Господь душу ее. – Адель тут же перекрестилась. – Хотя, наверное, это даже к лучшему. Господь послал ей облегчение... Жить так, как она...

– Соседи сказали мне, что тело отправили в морг. Однако у миссис Монктон нет родных. Да и денег, как выяснилось, нет ни фартинга. Нет никаких средств, чтобы похоронить ее достойно. Если только...

– Я поговорю с твоим отцом. Обязательно! – тут же пообещала дочери Адель. – Хотя, насколько мне известно, на данный момент финансовые дела в церкви обстоят очень плохо.

– Пожалуйста, поговори, мамочка! Что бы там папа ни говорил о том, что она впала в грех, она все искупила сполна в конце своей жизни.

– И была такой милой собеседницей. С ней всегда было приятно общаться. Ах, как же я ненавижу приход зимы. Воистину, зима – это сезон смерти... Особенно в наших местах, где столько бедноты. – Адель невольно содрогнулась при последних словах и тут же инстинктивно прикрыла свой живот рукой. – Отец сегодня на заседании приходского комитета, а после заседания отправится на ужин к миссис Мак Кром-

би. Он очень надеется на то, что она сочтет возможным еще раз сделать пожертвование на нужды церкви. Одному богу известно, как сейчас там нужны эти деньги. Ведь на одних молитвах церковь существовать не может.

«Или на обещаниях того, чего мы не можем увидеть, услышать или к чему нельзя прикоснуться...»

Но Китти не стала озвучивать подобные мысли, а лишь коротко сказала:

– Да, мама.

– Китти, милая, ты не поднимешься прямо сейчас к своим сестричкам? Приведи их ко мне, когда они уже переоденутся в ночные сорочки. У меня сегодня такая слабость, что едва ли я смогу подняться по лестнице в детскую.

Китти снова почувствовала, как ее охватывает тревога.

– Тебе все еще плохо, мамочка?

– В один прекрасный день ты поймешь, моя родная, какой изматывающей может быть беременность. Да еще в моем возрасте. Мы с тобой поужинаем вдвоем, ровно в восемь. Папы не будет, а потому и переодеваться к ужину необязательно, – добавила Адель.

Китти потащилась в детскую, преодолевая бесчисленное количество ступенек и мысленно ругая свой удел. Надо же, как не повезло! Причем дважды. Родиться дочерью священника и одновременно старшей среди четверых. А на подходе ведь еще и пятый младенец. Наконец она распахнула двери детской. Трое ее младших сестричек – Марта, Мириам и Мэ-

ри – бурно выясняли отношения, занятые игрой в шары.

– Я победила! – кричала Марта. Ей уже исполнилось четырнадцать, и она полностью унаследовала характер отца. Была такой же упрямой и непреклонной, как отец, особенно если речь касалась вопросов веры.

– Нет, это я победила! – тут же надула губки Мэри.

– Вообще-то мне кажется, что победила я, – тихо обронила Мириам. И Китти сразу же поняла, что так *оно и есть*.

– Кто бы из вас ни вышел сегодня победителем в этой игре, девочки, сообщаю вам, что мама хочет, чтобы вы умылись перед сном, переоделись в ночные сорочки, а потом спустились в гостиную, чтобы поцеловать ее и пожелать спокойной ночи.

– Спуститься в гостиную в ночной сорочке? – воскликнула Мэри, пораженная до глубины души. – А что на это скажет папа?

– Папа сегодня вечером ужинает у миссис Мак Кромби. А сейчас за дело! – ответила Китти, увидев, что в комнату вошла Эльза, неся перед собой таз с водой. – Дайте-ка мне взглянуть на ваши личики и на ваши шеи.

– Мисс Китти, вы тут не проследите за их омовением? – Эльза бросила на нее умоляющий взгляд. – Мне еще надо внизу накрыть стол к ужину.

– Конечно, прослежу, Эльза. Что за вопрос? – Эльза была единственной прислугой в их доме, и Китти прекрасно понимала, как выматывалась девушка, днями напролет крутясь

как белка в колесе. Да и время уже позднее.

– Спасибо вам, мисс Китти. – Служанка благодарно кивнула головой и тут же исчезла за дверью.

Но вот, наконец, все девочки облачились в ночные сорочки из белого муслина, и Китти строем повела их вниз, в гостиную. Пока мама по очереди целовала сестер, желая им доброй ночи, Китти размышляла о том, что, по крайней мере, воспитываясь в этой семье, она с ранних лет приобрела немалый опыт обращения с детьми. Наверняка этот опыт окажется востребованным, когда у нее появятся собственные детки. Но, глянув на выпирающий мамин живот, на ее бледное и измученное лицо, Китти тут же подумала, что, вполне возможно, детей у нее и вовсе не будет.

И вот младшие сестры благополучно препровождены в свои кровати, а Китти с матерью уселись в столовой за ужин: капуста, картофель и кусок жареной говядины, твердой – не прожевать. Во время трапезы мать и дочь, как всегда, обсуждали дела церковные, а также предстоящие рождественские праздники, которые всегда были самым хлопотным периодом года для семейства Макбрайдов. Адель вдруг с улыбкой глянула на дочь.

– Ты такая славная девушка, Китти. И я так признательна тебе за помощь, и по дому, и в приходе, пока я тут... сижу, обремененная собственными проблемами. Совсем скоро, думаю, наступит время, когда у тебя появятся муж и своя семья. Ведь на следующей неделе тебе уже исполнится во-

семнадцать лет. Боже мой! Сама не верю! Как же быстро пролетело время.

– Я, мамочка, совсем не тороплюсь обзаводиться собственной семьей, – поспешно откликнулась Китти, немедленно вспомнив, как недавно к ним в гости наведывался священник из прихода Северный Лейт вместе с женой и сыном Ангусом, которого, судя по всему, привели к ним в дом вполне целенаправленно, исключительно для того, чтобы познакомиться с Китти. Молодой человек краснел, смущался, с трудом роняя слова через толстые влажные губы, пытался рассказать ей о том, что он собирается пойти по стопам отца и тоже стать священником. Китти ни капельки не сомневалась, что Ангус – милый молодой человек. Просто она еще с трудом представляла, чего ей хочется. Но одно она знала точно. Все, что угодно, но только не быть женой священника. И тем более Ангуса.

– Я тут без тебя совсем пропаду, – вздохнула Адель. – Но, рано или поздно, такое должно случиться.

Китти решила воспользоваться подходящим моментом и поговорить с матерью на серьезную тему, коль скоро им выпал случай побыть наедине.

– Мама, я хочу спросить тебя кое о чем.

– О чем именно, милая?

– Я вот думаю, папа не будет возражать, если я захочу выучиться на учительницу? Мне так хочется иметь какую-то профессию в жизни. К тому же, ты знаешь, я люблю зани-

маться с нашими девочками. Мне доставляет удовольствие учить сестер.

– Боюсь, отец вряд ли одобрит твоё намерение обзавестись, как ты говоришь, «профессией», – ответила Адель и заметно нахмурилась.

– Но почему, мама? – искренне удивилась Китти. – Разве папа не расценит моё преподавательство как работу во имя Господа? Во благо тех обездоленных, кому не так повезло по жизни, и они не умеют ни читать, ни писать. К тому же, если я начну работать, я не буду висеть у вас на шее. Я сама стану зарабатывать себе на жизнь.

– Китти, дорогая моя! Для этого существуют мужья, – тихо обронила в ответ Адель. – К тому же мы не должны забывать, что, несмотря на то что твой отец всецело отдал себя служению Господу, что и привело всех нас в итоге сюда, в Лейт, ты – потомок славного клана Дугласов. В моей семье женщины никогда не работали ради пропитания. Только занимались благотворительной деятельностью, что мы с тобой и делаем.

– И все же я не вижу никого, кто бы осудил меня за моё желание работать. Уверена, ни сам Господь, ни дедушка с бабушкой не посчитали бы зазорным такое моё намерение. Я сама видела объявление в газете «*Шотландец*». Приглашают девушек и молодых женщин на педагогические курсы и...

– В любом случае, милая, тебе надо спросить об этом у отца. Но, я уверена, он пожелает, чтобы ты и впредь занима-

лась делами благотворительности в нашем приходе, пока... пока тебе не отыщется подходящая партия. Знаешь, у меня совсем спина занемела от сидения на этом жестком и неудобном стуле. Давай перейдем в гостиную и посидим немного там. В гостиной и теплее, и уютнее.

Китти расстроилась, что мать восприняла ее идею самостоятельно зарабатывать на жизнь, с которой она носилась последние несколько недель, безо всякого энтузиазма. Но, как послушная дочь, она покорно проследовала за Адель в гостиную. Уселась рядом с ней возле камина. Мать взялась за рукоделие: стала вязать одежды будущему младенцу. Китти сделала вид, что читает.

Минут через двадцать они услышали, как хлопнула входная дверь: преподобный отец Макбрайд вернулся домой.

– Пожалуй, мамочка, я пойду к себе, – тотчас же встрепенулась Китти, совсем не расположенная к разговорам с отцом. Она столкнулась с ним в холле, присела в реверансе и поздоровалась:

– Добрый вечер, папа. Надеюсь, ужин у миссис Мак Кромби прошел хорошо?

– О да! Я получил огромное удовольствие от общения с нею.

– Рада слышать это. Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи, дорогая.

Через несколько минут Китти вскарабкалась к себе на кровать. Глянув на потолок, увидела, что паучок совсем за-

муrowал в свою паутину несчастную муху, ее уже и не видно была вовсе. Остается лишь уповать на то, подумала Китти, что родной отец не приготовит подобную ловушку в виде скоропалительного брака для дочери.

– Боже! Кто угодно! – взмолилась она со стоном. – Но только не Ангус!

На следующее утро Китти сидела за конторкой в кабинете отца. Отец поручил ей подготовить финансовый отчет о поступлениях и расходах в приходской церкви, поскольку мама, по состоянию своего здоровья, не могла заниматься всеми этими трудоемкими расчетами. А возни с отчетом было много. Для начала нужно было суммировать все пожертвования, которые прихожане оставляли во время своих регулярных посещений церкви. Потом к этой сумме нужно приплюсовать те суммы, которые жертвовали богатые прихожане на благотворительные цели. И наконец, подбить баланс, то есть свести воедино приход и расход. Но и невооруженным глазом было видно, что последняя статья намного превышает поступления в церковную казну. Китти как раз перепроверяла колонки цифр с денежными поступлениями за

неделю, когда слышала громкий стук в парадную дверь; она побежала в холл, чтобы быстрее открыть, пока не проснулась мама.

Китти распахнула дверь и увидела перед собой молодую женщину, ту самую незнакомку, с которой вчера вечером едва не столкнулась на крыльце.

– Доброе утро, – поздоровалась Китти с гостьей. – Что вам угодно?

– Мне нужно поговорить с Ральфом, – напряженно ответила та.

– Его преподобия сейчас нет дома. Он отправился с визитами к прихожанам, – сказала Китти. – Может, что-то передать ему?

– Вы меня, случаем, не обманываете, а? Он тут не прячется от меня? Мне нужно срочно переговорить с ним! Прямо сейчас!

– Повторяю, его нет дома. Скажите, что вам нужно, и я ему обязательно передам, – твердо отрезала Китти.

– Тогда скажите ему, что Энни нужно с ним поговорить. Скажите, что дело срочное и ждать я не могу.

Не дожидаясь ответа Китти, девушка резко развернулась и выбежала на улицу.

Китти закрыла за ней дверь, недоумевая, почему Энни назвала отца просто по имени...

Когда двумя часами позже отец вернулся домой, Китти тихонько постучала в дверь его кабинета.

– Входите! – услышала она голос отца.

– Прости, папа, что беспокою тебя, но сегодня утром к тебе приходила какая-то молодая женщина.

– Правда? – Ральф оторвал глаза от бумаг, отложил перо в сторону и снял очки. – И что ей было нужно? Наверняка пару пенсов милостыни. Они тут все любят попрошайничать.

– Нет. Она попросила передать, что «Энни нужно поговорить» с тобой. И что дело безотлагательное и не может ждать, – добавила Китти, слегка запинаясь.

Последовала долгая пауза. Потом Ральф снова водрузил на нос очки и взялся за перо. Он начал что-то писать, а Китти повернулась к дверям.

– Кажется, я знаю эту девушку, – бросил отец ей в спину. – Она каждое воскресенье околачивается на паперти, просит там милостыню. Однажды я пожалел бедняжку и бросил ей несколько монеток из тех, что были пожертвованы другими прихожанами. Хорошо! Я разберусь с ней.

– Хорошо, папа. Я сейчас ухажу в город с поручениями от мамы. – Китти опрометью выскочила из кабинета отца, быстро нахлобучила на голову капор, шаль, а сверху натянула еще и капюшон, и выбежала из дома. Ей не терпелось поскорее избавиться от того странного и непонятного напряжения, которое вдруг повисло в кабинете отца и которое она никак не могла выразить словами.

Домой Китти возвращалась с тяжелой корзиной, нагруженной провизией до отказа: яйца, молоко, овощи. В дру-

гой руке Китти несла пакет из воощеной бумаги с шотландским деликатесом под названием «хаггис»: бараний рубец, начиненный потрохами со специями. Отец обожает хаггис. Остальным же домочадцам приходилось лишь терпеливо сносить его вкусовые пристрастия. Колючий ветер пронизывал насквозь. Китти плотнее укуталась в шаль и свернула в узкий переулочек, чтобы немного срезать дорогу и выйти напрямик к Хендерсен-стрит. Но вдруг вдали в сгущающихся вечерних сумерках замаячила знакомая фигура, и Китти застыла на месте как вкопанная. Отец стоял на пороге какого-то дома, а рядом с ним стояла та несчастная по имени Энни, которая побывала у них сегодня утром. Китти тут же отпрянула назад и отступила в тень, интуитивно поняв, что не следует выказывать свое присутствие.

Черты лица Энни были искажены гримасой то ли боли, то ли злости. Она что-то шептала отцу хриплым голосом. Но вот Ральф взял ее руки в свои и крепко сжал их, потом наклонился к ней поближе и что-то шепотом стал объяснять на ухо. После чего нежно поцеловал ее в лоб. Легкий взмах рукой на прощание, и отец тут же развернулся к Энни спиной и зашагал прочь от этого дома. А Энни так и осталась стоять на крыльце в полном одиночестве, поглаживая обеими руками достаточно объемный живот, который был замечен даже с того места, где притаилась Китти. Но уже в следующую минуту Энни исчезла в доме, громко хлопнув за собой дверь.

Китти выждала минут пять и лишь потом побрела домой,

чувствуя, что ноги не держат ее. Дома она занялась привычными домашними делами, но все делала механически, мысли ее всецело были заняты тем, чему она невольно стала свидетелем совсем недавно. Вполне возможно, размышляла она, на самом деле все обстоит совсем не так, как показалось ей со стороны. Вполне возможно, отец просто утешал бедную женщину, попавшую, судя по всему, в весьма неприятную ситуацию...

Однако в глубине души, в самых дальних ее закоулках, Китти прекрасно понимала, что это не так. Она уже обо всем догадалась.

Все последующие дни Китти старательно избегала встреч с отцом. Частично ей помогло в этом приближающееся восемнадцатилетие. Все домашние постоянно шушукались между собой, секретничали, видно сгорая от нетерпения в предвкушении грядущего праздника. Сестры попросту выставили ее из своей комнаты под предлогом, что им нужно конфиденциально обсудить что-то очень важное. Родители тоже часами просиживали в гостиной за плотно закрытыми дверями.

Вечером накануне дня рождения Ральф перехватил Китти уже тогда, когда она направлялась к себе наверх.

– Моя дорогая Катерина, – прочувствованно начал он. – Уже завтра ты станешь совсем взрослой девушкой.

– Да, папа. – Китти смиренно потупила очи, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Мы с матерью гордимся тобой, это правда. – Ральф наклонился и запечатлел поцелуй на ее щеке. – Спокойной ночи, дитя мое, и благослови тебя Господь.

Китти молча кивнула в знак благодарности и поспешила к себе в спальню.

Уже лежа в постели, она натянула на себя все одеяла и укрылась с головой. Однако поздняя осень с ее морозами все равно заставляла дрожать от холода.

– Прости меня, Господи, – прошептала Китти со вздохом. – Но я действительно сейчас не знаю, кем является мой отец на самом деле.

Когда на следующее утро Китти спустилась вниз, Эльза уже хлопотала в гостиной, разжигая камин. Промучившись без сна почти всю ночь, уже вторую кряду, Китти отчаян-

но хотелось на свежий воздух, чтоб хоть немного рассеять тот туман, который воцарился у нее в голове после всего того, что случилось накануне. Китти тихонько выскользнула из дома и направилась в сторону порта.

Остановилась, чтобы присесть на невысокую дамбу. Села и принялась смотреть за тем, как медленно светает пасмурное небо, раскрашиваясь по всей своей ширине пурпурно-алыми всполохами. Завораживающее зрелище! Внезапно Китти увидела, как со стороны улицы, по которой она только что шла, вынырнула фигурка женщины и устремилась к ней. Китти безошибочно узнала Энни. Наверняка та заметила ее и решила догнать.

Энни приблизилась к Китти почти вплотную, и их взгляды встретились.

– Он приходил ко мне, – отрывисто бросила Энни. Вид у нее был измученный. Темные круги залегли под глазами. – Ему больше не спрятаться за именем Бога. Господь... Он все видит... Он знает правду!

– Я... – растерялась Китти и невольно отпрянула от нее.

– Что он заставляет меня сделать? – продолжила Энни вызывающе грубо. – Дал пару монеток и велел избавиться от дитяти. Представляешь? Как я могу? Я не могу! Да и срок уже большой...

– Простите меня, но я не знаю... Я... Мне жаль...

– Скажите на милость! Ей, видите ли, жаль! Что мне толку от твоей жалости? Это твой злосчастный папаша должен

просить у меня прощения...

– Мне пора... Извините, но мне нужно идти, – пробормотала Китти, подхватываясь со своего места, и, подобрав юбки, быстро зашагала по направлению к дому.

– Он не человек, а дьявол! – крикнула ей вдогонку Энни. – Я *правду* говорю!

Собрав все силы, Китти кое-как вытерпела остаток дня, ничем не выдав своего расстройства. С деланой радостью открыла подарки, которые смастерили своими руками сестры. Потом задула все свечи на торте – Эльза специально испекла его по такому случаю. Китти даже заставила себя не содрогнуться, когда Ральф обнял ее и поцеловал. Что может быть естественнее, чем отец, целующий свою дочь по случаю ее восемнадцатилетия? Пожалуй, именно так она и восприняла бы этот поцелуй пару дней тому назад. Но сегодня она видела в этом что-то нечистое, греховное...

– Дорогая Китти! – воскликнула Адель, поздравляя дочь и не скрывая своей гордости. – Ты стала настоящей красавицей. Молю Господа, чтобы в скором будущем ты обзавелась своей семьей и стала хозяйкой собственного дома.

– Спасибо, мамочка, – тихо обронила в ответ Китти.

– Дорогая Катерина! Моя любимая, ни на кого не похожая дочь! Поздравляю тебя с днем рождения! Пусть Господь благословит тебя в твоей будущей жизни. Верю, у Него для тебя, дорогая, запасен особый удел.

Вечером того же дня отец пригласил ее к себе в кабинет, каморку с голыми стенами, расположенную в самом дальнем конце дома, с окном, выходящим на глухую кирпичную стену. Отец всегда повторял, что такой неприглядный пейзаж за окном позволяет ему максимально сосредоточиться, когда он работает над своей очередной проповедью.

– Пожалуйста, проходи сюда, Катерина. Присаживайся! – Отец жестом указал на деревянный стул с высокой жесткой спинкой, стоявший в углу комнаты. – Как ты уже знаешь, я недавно ужинал в доме миссис Мак Кромби.

– Да, папа, – коротко подтвердила Китти. Всякий раз, когда ей доводилось сталкиваться в церкви с могущественной покровительницей отца, она видела перед собой расфуфыренную пышную даму средних лет в весьма экстравагантных нарядах, особенно неуместных на фоне нищенской одежды остальных прихожан. Миссис Мак Кромби никогда не бывала у них дома. Обычно отец сам отправлялся с визитом в ее роскошный особняк неподалеку от Принсис-стрит. За все время знакомства с миссис Мак Кромби Китти едва ли обменялась с ней десятком вежливых фраз, типа «доброе утро», если им случалось столкнуться друг с другом на выходе из

церкви по окончании службы.

– Как тебе известно, Катерина, миссис Мак Кромби всегда была самой щедрой благодетельницей нашей церкви и всего нашего прихода, – продолжил Ральф. – Ее старший сын тоже посвятил себя священнической деятельности, но, к несчастью, он был убит на войне с бурами. У меня такое чувство, что во мне она как бы видит его замену. Наверное, потому она всегда так щедро жертвует на нужды церкви и в память о своем погибшем сыне. Она очень хорошая женщина, настоящая христианка, всегда готовая помочь тем, кому менее повезло в этой жизни. Само собой, я бесконечно признателен миссис Мак Кромби за то, что она обратила свой взор именно на ту церковь, в которой служу я.

– Да, папа, – согласно кивнула Китти, все еще не понимая, к чему клонит отец, но в душе желая только одного. Чтобы этот разговор поскорее закончился. В конце концов, ей только что исполнилось восемнадцать лет, она уже совсем взрослая. А в данную минуту ей нестерпимо тяжело даже дышать одним воздухом с этим человеком.

– Видишь ли, у миссис Мак Кромби есть родственники в Австралии. Это тебе, впрочем, тоже известно. Там живет ее младшая сестра с мужем и двумя сыновьями. Она не видела всех их много лет. Сестра живет в городе Аделаида, расположенном на южном побережье континента. Так вот, сравнительно недавно миссис Мак Кромби приняла решение совершить путешествие в Австралию и навестить свою родню,

пока у нее еще есть силы и здоровье.

– Да, папа.

– И вот... сейчас она ищет себе компаньонку, которая бы сопровождала ее в этом долгом путешествии. Разумеется, девушка должна происходить из хорошей христианской семьи, но при этом она будет помогать ей во всем, следить за ее гардеробом, причесывать ее. Ну, и все такое... И тогда я... предложил ей твою кандидатуру, Катерина. Ты будешь отсутствовать дома не более девяти месяцев. Мы уже все обсудили с твоей матерью. Думаю, у тебя появилась отличная возможность посмотреть мир. Надеюсь, путешествие поможет тебе также обуздать свой неумный темперамент.

Предложение отца повергло Китти в ужас. Она и понятия не имела, что сказать в ответ. Наконец она выдавила из себя:

– Но, папа, мне хорошо дома, и я здесь всем довольна. И потом я...

– Понимаю, какие бури бушуют внутри тебя, Китти. Я тоже в свое время прошел через все это, пока не обрел Господа...

Отец оторвал свой взгляд от ее лица, и по его глазам Китти поняла, что он унесся мыслями в далекое прошлое.

– Я знаю, ты мечешься, хочешь обрести какую-то цель в жизни. Будем молиться, чтобы в один прекрасный день ты нашла ее в призвании стать хорошей женой и матерью. Что же касается дня сегодняшнего, что думаешь о поездке?

– Даже не знаю, что сказать, если честно, – не стала кри-

вить душой Китти.

– Я покажу тебе Австралию в географическом атласе. Наверное, ты слышана, что в этой стране на каждом шагу человека подстерегают всяческие опасности и угрозы, что она еще мало исследована, что тамошние аборигены – варвары и все такое. Но миссис Мак Кромби уверяет меня, что Аделаида – вполне цивилизованный город, что там есть приличное общество, такое же, как, скажем, у нас в Эдинбурге. Многие наши единовѣрцы отправились в Австралию еще в тридцатые годы прошлого века, спасаясь от преследований по религиозным мотивам. Она рассказала мне, что в городе уже построено несколько красивых лютеранских и пресвитерианских церквей. Это то место, где чтут Господа. Вот почему я без колебаний готов отправить тебя туда, тем более под опекой, можно сказать под крылом, самой миссис Мак Кромби.

– Я... А мне будут платить за работу?

– Конечно нет, Катерина! Что за вздор! Миссис Мак Кромби оплатит твой проезд, покроет другие расходы. Ты хоть представляешь себе, сколько стоит одна дорога туда? К тому же, я думаю, это самое малое, чем наша семья может отблагодарить благодетельницу за те щедроты, которыми она осыпает нашу церковь на протяжении стольких лет.

«Итак, меня, живое существо, приносят в жертву в обмен на...»

– Ну, что скажешь, милая?

– Если ты, папа, полагаешь, что так будет лучше для ме-

ня, — начала Китти, опустив глаза в пол, чтобы отец не увидел, какой злостью полыхает ее взгляд, — то тогда, конечно... Но что будет с мамой, когда на свет появится младенец? Ведь наверняка ей понадобится моя помощь...

— Мы обсудили с твоей матерью и этот вопрос. И я заверил ее, что, когда наступит нужный момент, я обязательно изыщу средства для того, чтобы нанять ей помощницу.

За все восемнадцать лет, что Китти прожила в этом доме, здесь ни разу не изыскивались средства для того, чтобы нанять кого-то в помощь.

— Так все же ответь мне, Катерина, — снова настоятельно обратился к ней отец. — Тебя не очень обрадовало мое предложение, да?

— Я... не знаю. Все так... неожиданно...

— Понимаю. — Ральф слегка подался вперед и взял ее за руки, впившись гипнотизирующим взглядом. — Вполне естественно, все это застало тебя врасплох, и ты сейчас сбита с толку. Но послушай меня. На момент моего знакомства с твоей матерью я был капитаном 92-го Шотландского высокогорного полка, и наше с ней будущее казалось нам обоим вполне predetermined. А потом меня отправили на войну с бурами. На моих глазах погибло множество друзей... и врагов тоже... Пали под градом пуль. Я и сам был тяжело ранен в одном из сражений. Попал в госпиталь, и именно там у меня случилось прозрение. Помню, в ту ночь, когда меня привезли туда, я неистово молился и дал обет: если выживу

после ранения, то посвящу остаток своей жизни служению Господу, до своего последнего дыхания буду бороться с тем, чтобы положить конец кровопролитиям, не допускать торжества несправедливости. Врачи не думали, что я переживу эту ночь, но на следующее утро я проснулся. Жар спал, и рана в области грудной клетки затянулась буквально в считанные дни. И тогда я в полной мере осознал, в чем состоит мое призвание и по какому пути следовать дальше. Твоя мать тоже поняла все правильно. Она сама глубоко верующий человек, и Господь любит ее. Но я понимал и другое: сделав свой выбор, я тем самым вольно или невольно обрек на страдания и лишения свою жену и вас, моих дочерей, тебя и твоих сестер. Ты понимаешь меня, Катерина?

– Да, папа, – машинально ответила Китти, хотя на самом деле она ничего не поняла из этого отцовского монолога.

– Эта поездка в Австралию в обществе миссис Мак Кромби откроет перед тобой двери в то общество, к которому принадлежит семья твоей матери. Не думай, что, занимаясь спасением чужих душ, я не озабочен будущим собственных дочерей. Уверен, что, если ты проявишь себя с наилучшей стороны в ходе этой поездки, миссис Мак Кромби будет только рада ввести тебя в круг своих знакомых, познакомить с молодыми джентльменами и здесь, в Эдинбурге, и там, в Австралии. Среди них, вполне возможно, отыщется соискатель твоей руки и сердца, гораздо более достойная партия, чем могу обеспечить я со своими скудными финансовыми средства-

ми. Миссис Мак Кромби вполне понимает, какую жертву я принес на алтарь служения Господу. Понимает она и те чаяния и надежды, которые питает семья твоей матери в Дамфрисшире относительно твоего будущего. Вот почему наша благодетельница преисполнена самым искренним желанием устроить твою судьбу, Китти. Впрочем, точно такие же желания движут и мной. Надеюсь, теперь ты понимаешь меня?

Китти глянула на отца. Потом перевела взгляд на его мягкие, ухоженные руки, которыми он сжимал ее ладони. И тут же вспомнила, как он точно так же сжимал руки той девушки. Вспомнила и инстинктивно выдернула свои ладони. Кажется, Китти поняла все! Все хитросплетения изворотливого ума отца стали ей вдруг понятны. И весь его план, чтобы избавиться от нее, тоже.

– Да, папа. Ты прав. Если ты полагаешь, что для меня будет лучше отправиться в Австралию вместе с миссис Мак Кромби, я готова.

– Вот и прекрасно! Конечно, тебе уже в ближайшее время надо будет встретиться с миссис Мак Кромби. Пусть она сама убедится, какая ты славная девушка. Ведь ты же у нас хорошая девушка, не правда ли, дорогая Катерина?

– Да, папа, – ответила Китти, чувствуя, что ей надо срочно покинуть эту комнату. Иначе она взорвется, и все эмоции, переполняющие ее, выплеснутся наружу. – Я могу идти? – холодно спросила она, поднимаясь со стула.

– Конечно, ступай.

– Спокойной ночи. – Китти сделала книксен и почти опрометью выскочила из кабинета отца. И сразу же помчалась к себе наверх.

Плотно прикрыв за собой дверь и заперев ее на ключ, Китти бросилась ничком на кровать.

– Мерзкий лицемер! Лжец! Обманщик! А моя бедная матушка, *твоя жена*, ведь она тоже ждет ребенка! – со злостью шептала Китти в подушку.

А потом залилась слезами отчаяния. Плакала долго, стараясь приглушить свои рыдания. Наконец встала с постели, переоделась в ночную сорочку, расчесала волосы, стоя перед зеркалом. В свете газовой лампы ее лицо было бледным как смерть.

«Ты понял, отец, что я тебя раскусила. Вот потому-то ты и отсылаешь меня прочь».

7

– Ваш батюшка, мисс Макбрайд, для меня истинный источник вдохновения. В общении с ним я черпаю свои духовные силы. Уверена, и вы тоже.

– Да, конечно, – солгала Китти и отпила глоток чая «Эрл Грей» из изящной чашечки тончайшего фарфора. Они сидели в огромной гостиной шикарного дома, расположенного на площади Сент-Эндрюс. Всем в Эдинбурге хорошо знаком этот богатый особняк. В комнате было чрезмерно жарко.

Вся гостиная до отказа забита разнообразными элегантными вещами, которые ранее Китти доводилось видеть разве что на витринах универмага мисс Андерсен, торгующего всякими модными товарами. У одной из стен стояла застекленная горка, уставленная фарфоровыми статуэтками херувимов, китайскими вазами и декоративными тарелками. Хрустальная люстра с многочисленными висящими подвесками заливала комнату мягким струящимся светом, который отражался на полированных поверхностях мебели из красного дерева. Все в этой комнате дышало богатством и роскошью. Судя по всему, миссис Мак Кромби не из тех, кто прячет свое благосостояние от посторонних глаз.

– Он так безмерно предан своей пастве, всецело посвятив себя священнической деятельности. Ради этой миссии он сознательно отказался от всех тех привилегий, которыми мог бы по праву воспользоваться, учитывая благородное происхождение своей жены, принадлежащей к одной из самых знатных фамилий Шотландии, – продолжала витийствовать хозяйка.

– Да, – согласно подтвердила Китти почти на автомате и глянула на подернутые пеленой глаза своей потенциальной работодателя. Почему-то в эту минуту уже немолодая женщина показалась Китти очень похожей на юную девчонку, влюбленную в кого-то без памяти. Бросился в глаза толстый слой пудры, которым было покрыто все ее лицо. Наверное, много пудры потребовалось, чтобы заштукатурить все

эти морщины, которые испещрили лицо миссис Мак Кромби, подумала про себя Китти. Ярко-пунцовые щеки и красный нос безошибочно выдавали пристрастие их обладательницы к виски. Пожалуй, и сегодня она уже успела не раз приложиться к графину.

– Мисс Макбрайд? – Китти поняла, что миссис Мак Кромби все еще что-то говорит ей.

– Прошу прощения. Вот засмотрелась на эту чудесную картину, – придумала Китти отговорку прямо на ходу, указав на полотно, выдержанное в грязноватых желто-коричневых тонах, на котором довольно неумело было изображено, как Иисус несет Свой крест на Голгофу.

– О, эту картину нарисовал мой дорогой сын Руперт. Господь да упокой душу его! Он закончил ее незадолго до того, как отправиться на войну с бурами. Там и окончил дни свои, предав себя в руки Господа. Гляжу на эту картину и думаю... Будто он все предвидел заранее. – Миссис Мак Кромби одарила Китти благожелательным взглядом. – А вы, как я посмотрю, совсем неплохо разбираетесь в искусстве.

– Мне действительно нравится созерцать красоту, – ответила Китти, в глубине души довольная тем, что угадала с выбором полотна.

– И это делает вам честь, милая. Особенно если учесть, что ваше детство прошло в обстановке, где вокруг было не так много красивых вещей. Ими тоже ваш дражайший батюшка пожертвовал во имя высших целей служения Госпо-

ду. Что ж, по крайней мере, скромный быт надлежащим образом подготовил вас к тому, что нас ждет в Аделаиде. Правда, моя сестра уверяет, что там есть все современные удобства, к которым я привыкла в Эдинбурге. Но лично я сильно сомневаюсь в том, что такая молодая страна может тягаться по степени комфорта со страной, культура которой насчитывает уже многие столетия.

– Мне уже не терпится увидеть Аделаиду своими глазами.

– А мне вот абсолютно не хочется туда ехать, – твердо отрезала миссис Мак Кромби. – Но я расцениваю поездку в Австралию как свой долг. Должна же я успеть до своей кончины навестить сестру и хотя бы раз в жизни взглянуть на племянников. Сами они, судя по всему, не горят особым желанием ехать сюда, вот и приходится мне самой тащиться в такую даль. – Миссис Мак Кромби тяжело вздохнула. Китти вежливо сделала еще один глоток из чашки. – Дорога туда на пароходе «Ориент» займет не меньше месяца. Правда, моя сестра Эдит обнадежила меня, что судно очень комфортабельное и там есть все для максимального удобства пассажиров. Однако...

– Да, миссис Мак Кромби?

– Если вы отправитесь в дорогу вместе со мной, то заранее предупреждаю: никаких заигрываний с молодыми людьми на борту парохода. Никаких вечеринок или танцулек, которые наверняка будут устраивать для пассажиров нижних палуб. Вас поселят в каюте с еще одной молодой леди. И вы

должны быть у меня под рукой в любое время. С этим все ясно?

– Да, разумеется.

– Сестра предупредила меня, что если у нас сейчас зима, то у них там уже лето. Я заказала своей портнихе несколько платьев из муслина и хлопка. Предлагаю и вам позаботиться соответствующим образом о своем гардеробе. В Австралии нас, скорее всего, встретит несусветная жара.

– Да, миссис Мак Кромби.

– Как я полагаю, вы, моя милая, вполне отдаете себе отчет в том, что очень хороши собой. Но, я надеюсь, вы не станете падать в обморок всякий раз, когда на вас глянет мужчина.

– Я никогда не считала себя красавицей, – честно призналась Китти, мысленно представив свою физиономию, сплошь усеянную веснушками. – Но обещаю вам, со мной ничего подобного не случится. В конце концов, мой отец – священник, и к скромности меня приучили с детства.

– Ваш отец рассказал мне, что вы умеете шить и чинить белье. А также умеете укладывать волосы. Это правда?

– Да. Я делаю прически и маме, и всем своим сестрам, – бодро солгала в ответ Китти, чувствуя себя в эту минуту таким ягненком, преданным на заклятие. Но разве это главное? Главное – это то, что она едет в Австралию.

– Часто болеете? – Миссис Мак Кромби поднесла к носу пенсне и обозрела Китти внимательным взглядом.

– Мама говорила мне, что в детстве я переболела дифте-

рией и корью. А простужаюсь я очень редко.

– Ну, в Австралии, думаю, простуды нам не грозят. Хотя, на всякий случай, я прихватчу с собой камфорное масло из своей аптечки. Что ж, пока у меня к вам больше нет вопросов. В следующий раз встречаемся тринадцатого ноября. – Миссис Мак Кромби поднялась со стула и протянула Китти руку для прощального рукопожатия. – Всего доброго, мисс Макбрайд. Вместе мы пересечем океан и отправимся навстречу приключениям.

– Да, миссис Мак Кромби. До свидания.

Оставшиеся две недели Китти занималась упаковкой своего скромного багажа. Отец специально купил ей для поездки небольшой чемоданчик. Сама мысль о том, что совсем скоро ей предстоит повторить путь Чарльза Дарвина, и это почти сразу же после того, как она познакомилась с его книгами, казалась Китти почти нереальной. Неужели такое в самом деле возможно? А может, ей стоит испугаться предстоящего путешествия? В конце концов, Дарвин в своих книгах довольно живо описывает нравы аборигенов Австралии. Пишет о том, что они крайне негостеприимны ко всем чуже-

земцам, особенно к белым. Даже сообщает о некоторых случаях каннибализма. Впрочем, едва ли миссис Мак Кромби рискнет отправиться в те места, где с ними может произойти нечто подобное. Хотя если бы какой-то абориген сварил миссис Мак Кромби в своем котле, то, пожалуй, еды бы хватило на всю его большую семью.

Вечерами, когда все укладывались спать, Китти садилась за швейную машинку и строчила до поздней ночи. Мастерила себе простые летние наряды, которые, как она надеялась, пригодятся в жарком климате. Вечная занятость имела свои плюсы, ибо гнала прочь невеселые мысли. У нее даже живот сводило от омерзения всякий раз, когда она вспоминала Энни и все то, что связывало девушку с ее отцом. Одно Китти знала точно: перед отъездом в Австралию ей еще необходимо закончить одно дело.

Утром в день своего отъезда Китти проснулась до восхода солнца и тут же незаметно выскользнула из дома, пока остальные домочадцы еще спали. Быстро зашагала по улочке, ведущей к порту, стараясь успокоить себя, вглядываясь в доки и прислушиваясь к знакомым звукам, которыми пол-

нился в эти ранние часы порт Лейт. Сегодня она видит порт в последний раз. Да и весь Лейт тоже. А ведь это, можно сказать, ее родной дом, единственное место, где она прожила все восемнадцать лет своей жизни. И вот впереди разлука. Бог знает, когда она снова окажется здесь.

Китти подошла к двери дома, в котором жила Энни, сделала глубокий вдох и тихонько постучала. Через какое-то время дверь распахнулась, и на пороге показалась Энни в каком-то старом линялом платье и фартуке. Она окинула Китти коротким взглядом и молча отступила в сторону, пропуская ее в дом.

В крохотной каморке почти не было мебели и стоял зверский холод. Неряшливый матрас, весь в пятнах, набитый конским волосом, валялся прямо на полу. Не очень приятная картина. Но, по крайней мере, пол был чисто подметен, а столешница грубого деревянного стола, стоявшего посреди комнаты, выскоблена до блеска.

– Вот... пришла посмотреть, как вы тут, – начала Китти, заметно нервничая.

Энни молча кивнула головой.

– Со мной все в порядке. И ребяенок мой тоже в порядке.

Китти невольно глянула на аккуратный животик Энни. Ведь она же носит под сердцем дитя, которое совсем скоро станет сводной сестрой или братом Китти.

– Говорю вам, я не гулящая какая! – хриплым голосом воскликнула Энни. Китти увидела, что в ее глазах блеснули

слезы. — Я только... я и была-то с благочинным только дважды. Правда! Верила в Господа... Верила в то, что ваш отец любит меня... Что он... Ральф... Станет моим наставником по жизни. Я...

Внезапно Энни замолчала, бросилась к комоду, стоявшему в углу, и стала лихорадочно искать что-то в одном из ящиков.

Когда она отвернулась, Китти увидела в ее руках очки. Она тотчас же узнала их. В таких очках отец обычно писал свои проповеди.

— Вот! Ральф забыл их у меня, когда приходил сюда в последний раз. Я пообещала ему, что сохраню все в тайне. Поклялась именем Господа. Отдайте ему очки. Не хочу, чтобы в этом доме что-то напоминало о нем.

Китти молча взяла протянутые ей очки. Она почувствовала непроизвольные позывы к рвоте и испугалась. Еще, чего доброго, ее сейчас стошнит прямо на пол.

— А вот это вам. — Китти протянула Энни небольшой мешочек.

Та открыла его, глянула внутрь и издала громкое восклицание.

— Но, мисс! Я не могу принять это от вас. Нет!

— Можете! — ответила Китти тоном, не терпящим возражений.

В течение двух последних недель она смогла утаить несколько монеток из тех пожертвований, которые приноси-

ли в церковь прихожане. А вчера ночью прокралась в отцовский кабинет и взяла из ящика стола, в котором отец хранил под замком более крупные купюры, пачку банкнот. По ее разумению, этой суммы должно вполне хватить на то, чтобы обеспечить более или менее сносное существование и самой Энни, и ее будущему младенцу. Во всяком случае, хотя бы до тех пор, пока она не сможет снова начать работать. К тому же, когда отец обнаружит пропажу, сама Китти будет уже далеко от дома, по пути на другой конец света.

– Тогда... тогда спасибо вам. – Энни извлекла из мешочка еще какую-то вещицу. Это оказался небольшой серебряный крестик на цепочке. Она нерешительно повертела крестик в руках.

– Этот крестик мне подарили мои дедушка и бабушка в тот день, когда меня крестили, – пояснила ей Китти. – А сейчас я хочу, чтобы вы сберегли его для... для своего ребенка.

– Как вы добры, мисс Макбрайд! Боже, как вы добры... Спасибо вам! – Глаза Энни снова наполнились слезами.

– Я сегодня отплываю в Австралию... Пробуду там несколько месяцев. Когда я вернусь, можно мне снова навестить вас? Посмотреть, как вы тут справляетесь...

– О, конечно, мисс! Приходите!

– Пока же я хочу оставить вам адрес того места, где я буду проживать в Австралии. Так, на всякий случай... Вдруг произойдет что-нибудь непредвиденное... – добавила Китти, протягивая Энни конверт и чувствуя себя немного нелов-

ко. Ведь она и понятия не имеет, умеет ли Энни читать или писать. Не говоря уже о том, знает ли она, как отправить письмо в другую страну. Но Энни лишь согласно кивнула и взяла протянутый ей конверт.

– Мы никогда не забудем вашей доброты, – сказала она, провожая Китти к дверям. – Счастливого пути, мисс. И да храни вас Господь.

Китти вышла на улицу и побрела к докам. Долго стояла на краю мола, наблюдая за тем, как чайки выются над мачтой судна, которое, дымя всеми своими трубами, медленно вползало в акваторию порта. Потом Китти достала из кармана очки, которые отдала ей Энни, и что есть силы швырнула их вниз, в свинцовые воды.

– Даже сатана может замаскироваться под ангела света, – пробормотала Китти про себя. – Боже, помоги моему отцу... И моей бедной, обманутой матери. Как же она заблуждается!

– Готова? – На пороге спальни Китти появилась Адель.
– Да, мамочка, – ответила Китти, застегивая замки на чемодане. Потом взяла в руки шляпку.
– Я буду очень-очень скучать по тебе, родная моя! – Адель

подошла к дочери и заключила ее в свои объятия.

– И я, мамочка, тоже. Буду переживать, как ты тут без меня станешь управляться, когда появится ребеночек, а его старшей сестренки не будет рядом. Пожалуйста, береги себя. Очень тебя прошу.

– Не волнуйся за меня, Китти. Ведь рядом со мной будет твой отец. И Эльза тоже, и твои сестры... Как только он или она появятся на свет, я тотчас же извещу тебя телеграммой. Сообщу о том, что новый человек пришел в этот мир. Пожалуйста, Китти, не плачь. Не надо! – Адель осторожно смахнула слезинку со щеки дочери. – Лучше подумай о том, сколько увлекательных историй ты расскажешь нам, когда вернешься домой. Ведь наша разлука продлится всего ничего, каких-то девять месяцев. Впрочем, ровно столько времени, сколько нужно женщине, чтобы выносить свое дитя.

– Прости меня, мамочка... Эти слезы... Просто я буду очень сильно скучать по тебе. – Китти всхлипнула, уткнувшись в родное плечо матери.

А вскоре она уже стояла на пороге дома. Чемодан погрузили в карету миссис Мак Кромби, а Китти принялась по очереди обнимать всех своих младших сестер. Мириам была безутешна, она плакала навзрыд.

– Моя дорогая Катерина! Как же мне будет не хватать тебя!

Последним Китти обнял отец. Она напряженно замерла в кольцо его рук.

– Не забывай каждый день читать молитвы. Господь с тобою, Катерина.

– До свидания, папа, – с трудом выдавила она из себя, стараясь не глядеть на него. И тут же вырвалась из его объятий.

Последний, прощальный взмах рукой, обращенный к любимым сестрам и матери. А уже в следующую минуту Китти скрывается внутри кареты, и кучер плотно захлопывает за ней дверцу.

Британский пассажирский лайнер «Ориент» дал сигнал отплытия и стал медленно удаляться в открытое море. Китти стояла на палубе вместе с другими пассажирами судна, выкрикивавшими последние прощальные слова своим родственникам, оставшимся на берегу. Вся гавань была битком забита доброжелательно настроенной публикой. Все размахивали государственными флагами «Юнион Джек». Изредка в толпе мелькали и австралийские флаги. Китти никто не провожал, в отличие от других пассажиров, стоявших рядом с ней. Но зато, в отличие от многих, она была уверена хотя бы в одном: рано или поздно она снова вернется к берегам Англии.

Но вот народ, толпившийся на пристани, стал уже практически неразличим. Пароход, извергая клубы пара, медленно миновал дельту Темзы. На палубе вдруг стало непривычно тихо, будто только что все собравшиеся наконец осознали, какое грандиозное предприятие они замыслили. Люди стали потихоньку расходиться. Китти услышала чей-то плач и подумала, что наверняка кто-то сейчас прикидывает, а суждено ли ему или ей снова свидеться с теми дорогими их сердцу близкими, кого они оставили на берегу.

Хотя ей не раз приходилось видеть большие океанские суда, стоявшие на приколе в порту Лейт, она все же невольно задалась вопросом: а сможет ли эта махина, несмотря на свои грандиозные размеры, доставить их благополучно на другой конец света, оставив позади себя столько морей и океанов? Правда, две огромные трубы впечатляли своими габаритами, как и высоченные мачты, удерживающие полотнища парусов.

Китти спустилась по узенькому трапу в коридор, в котором располагались каюты второго класса. В том числе и та, где предстояло поселиться ей. Все вокруг казалось каким-то странным сном. «Нет, – думала она, – это происходит не со мной, а с кем-то другим». Она открыла дверь в каюту. Интересно, сможет ли она спать под этот непрерывный гул мощных двигателей, расположенных, судя по всему, прямо под ними? Повернувшись вполоборота, Китти закрыла за собой дверь и огляделась. Крохотная комнатка, скорее такой ма-

ленький кубик микроскопических размеров, очень похожий по своему внешнему виду на коридор за тонкой стенкой. Две узенькие койки, скорее полки, смахивающие на два крохотных гробика, небольшой комод для вещей. В углу раковина для умывания. Китти обратила внимание на то, что и раковина, и все остальные причиндалы намертво привинчены болтами к полу.

– А, так вы будете моей соседкой по каюте? – С верхней полки через деревянные перила свесилась темноволосая кудрявая головка. На Китти уставилась пара живых карих глаз.

– Да.

– Здравствуйте, меня зовут Клара Дуган. А вас?

– Здравствуйте. А меня – Китти Макбрайд.

– Похоже, из Шотландии, да?

– Да.

– А я вот из Лондона, из Ист-Энда. Куда держите путь?

– В Аделаиду.

– Не слышала о таком городе. Сама я направляюсь в Сидней. У вас нарядное платье. Наверное, горничная у какой-нибудь леди?

– Нет. То есть, я хочу сказать... Я – компаньонка.

– А! Вот оно что! – сочувственно хмыкнула Клара. – Насколько я наслышана обо всех этих нетитулованных дворянах, то скажу так. Если дама, при которой вы состоите, не прихватила с собой еще и служанку, то придется вам делать всю эту работу вместо нее. Поноситесь еще туда-сюда спол-

на, прибирая всякую грязь. Особенно когда выйдем в открытое море и начнет штормить. Мой братец Алфи рассказывал мне, что в шторм все судно тут же провоняет блевотиной. Не продохнуть... Слава богу, он уже там, на месте. По его словам, строит себе в Сиднее нормальную, хорошую жизнь. Вот и мне посоветовал подсобрать денег на приличный билет до Австралии, чтобы не ютиться в самом трюме, в каютах третьего или четвертого класса. Многие ведь и не выдерживают такой поездки. Пятеро душ умерло на борту во время прошлого рейса, – добавила Клара для пущего устрашения. – Потому-то я и работала день и ночь как каторжная, чтобы накопить нужную сумму и оплатить себе место во втором классе. Если мы туда доберемся живыми, то все эти затраты оправдаются сполна, я думаю.

– Боже, сохрани и помилуй! – воскликнула перепуганная Китти. – Будем надеяться, что наше путешествие пройдет более гладко.

– Будем! Но все равно я счастлива, что плыву в Австралию. Там я стану кем захочу. Но главное – там я буду свободной! А что может быть лучше свободы? – В глазах Клары заплясали ликующие огоньки.

Вдруг кто-то постучал в дверь. Китти открыла. На пороге стоял молодой стюард и с улыбкой смотрел на нее.

– Вы мисс Макбрайд?

– Да.

– Миссис Мак Кромби просит вас подняться к ней в каю-

ту. Ей нужно помочь распаковать вещи.

– Конечно. Уже иду.

Китти послушно последовала за стюардом на выход. Клара откинулась на постель и невесело улыбнулась.

– По крайней мере, хоть *кто-то из нас* обретет там свободу, – крикнула Клара вдогонку Китти.

Первая ночь прошла ужасно. Китти металась на своей полке, переворачиваясь с одного бока на другой. На время забывалась коротким удушливым сном, похожим на полудрему, и ей снились шторма, кораблекрушения, дикие преследования аборигенов, готовых сожрать ее живьем, и все эти кошмары сопровождались громким храпом, доносившимся с верхней полки. Однако вскоре Китти привыкла к своему новому укладу жизни, и дни побежали один за другим. Китти просыпалась ровно в семь. Клара еще спала. Китти же поднималась с постели, умывалась, одевалась, причесывалась. Затем тихонько пробиралась по коридору и поднималась по трапу на верхнюю палубу, туда, где располагались каюты первого класса.

К своему вящему удивлению, почти сразу же после то-

го, как они вышли в открытое море, Китти обнаружила, что она практически не подвержена морской болезни и твердо сохраняет равновесие во время любой качки. В то время как Клара и миссис Мак Кромби немедленно падали в свои постели даже при самом слабом волнении моря, которое команда судна именovala всего лишь «легкой болтанкой». Зато Китти все нипочем! Ведет себя словно бывалый морской волк. Естественно, члены экипажа наперебой торопились лично выразить свое восхищение такой стойкостью юной пассажирки. Особенно старался Джордж, персональный стюард миссис Мак Кромби, который, по словам Клары, точно «положил глаз» на ее соседку.

В сравнении со скучным интерьером кают второго класса, каюты для пассажиров первого класса поражали своей избыточной роскошью. Полы застелены мягкими плюшевыми коврами, украшенными изысканными орнаментами Уильяма Морриса, медные ручки и прочие металлические украшения отполированы до блеска, стены упрятаны под красивыми резными панелями из дерева. Миссис Мак Кромби сразу же почувствовала себя в своей стихии и каждый вечер, готовясь к ужину, с удовольствием наряжалась в очередной экстравагантный туалет из того обширного гардероба, который она везла с собой.

По утрам Китти белкой крутилась вокруг миссис Мак Кромби, удовлетворяя все ее сиюминутные нужды и потребности. Попутно приходилось ремонтировать горы одежды.

Всякий раз Китти тяжело вздыхала, разглядывая разошедшиеся швы на корсетах и прилегающих лифах платьев, после чего принималась заново перешивать их. В конце концов она пришла к выводу, что ее патронесса сознательно вводила в заблуждение портних, явно занижая свои размеры и преуменьшая общие габариты. Скорее всего, из-за самого элементарного тщеславия. Обедали они вместе с Кларой в столовой для пассажиров второго класса. Китти не переставала удивляться тому, какой свежей и разнообразной была их пища и как ловко орудовали официанты, обслуживая их, носясь с подносами, уставленными всякими напитками и блюдами, и стойко удерживая равновесие, несмотря на случавшуюся иногда качку. Во второй половине дня Китти выходила подышать свежим воздухом на палубу для прогулок, а потом снова заглядывала в каюту к миссис Мак Кромби, и они принимались играть в карты – либо в безик, либо в криббидж.

Между тем их пароход уже почти преодолел Средиземное море, сделал короткую остановку в Неаполе и взял курс на Порт-Саид. Вскоре они миновали и Суэцкий канал. Чем дальше к югу, тем невыносимее становилась жара. Миссис Мак Кромби категорически отказывалась сходить на берег в тех портах, где они останавливались, чтобы пополнить запасы провизии и воды, аргументируя свой отказ тем, что, дескать, «тут легко можно подцепить заразу от кого-нибудь из местных». Но Китти, разглядывая с палубы непривычно

красивые, экзотические пейзажи чужих берегов, чувствовала, как постепенно ее охватывает радость от самого путешествия, сулящего столько открытий и приключений.

Впервые в своей жизни она пренебрегла строгими правилами этикета и отправилась на шумную вечеринку с танцами при свете газовых фонарей в дымном салуне на палубе третьего класса. В первый раз Клара затащила ее туда почти силком. Китти скромно стояла у стеночки, наблюдая за тем, как подруга отплясывает без устали под зажигательные кельтские ритмы в исполнении оркестра. Но потом Китти все-таки вытащили на танцпол, и она легко закружилась в танце, непринужденно переходя по кругу от партнера к партнеру. Впрочем, все молодые люди были безукоризненно вежливы и вели себя как истинные джентльмены.

Ее чувства к миссис Мак Кромби тоже претерпели некоторую метаморфозу в сторону существенного потепления. Та после очередной порции виски или трех коктейлей кряду вдруг неожиданно начинала демонстрировать довольно рискованный юмор, отпуская порой такие соленые шутки, от которых у отца Китти наверняка случился бы самый настоящий сердечный приступ. В один из вечеров миссис Мак Кромби даже поделилась в разговоре с Китти своими страхами и опасениями в преддверии встречи с сестрой.

– Я ведь не видела Эдит с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать, – разоткровенничалась миссис Мак Кромби. – Ей было столько же, сколько вам сейчас, моя дорогая. Она

как раз собралась ехать в Австралию, чтобы выйти там замуж за нашего дорогого Стефана. Эдит младше меня на целых пятнадцать лет. В свое время ее появление на свет стало настоящим потрясением для нашего папа. – Миссис Мак Кромби ухмыльнулась с немного глуповатым видом и негромко отрыгнула. – Впрочем, она на меня совершенно не похожа, – добавила она чистосердечно и сделала знак официанту, чтобы он снова наполнил ее стакан. – Кстати, надеюсь, вы в курсе, моя дорогая, что ваш батюшка в те годы, когда наша семья еще только-только познакомилась с ним, слыл самым настоящим дамским угодником?

– Правда? Вот никогда бы не подумала, – ответила Китти с деланным равнодушием, но на самом деле сгорая от любопытства, какие еще подробности миссис Мак Кромби добавит в свой рассказ. Увы-увы! Ее внимание уже переключилось на оркестрантов судового оркестра, которые появились на подиуме. Заиграла музыка, и разговор прервался сам собой.

На подступах к острову Цейлон их надежный пароход «Ориент» изрядно потрепало в Индийском океане. Китти держалась молодцом, безостановочно ухаживая и за миссис Мак Кромби, и за Кларой, которые обе позеленели от непрекращающейся болтанки и днями не поднимались со своих кроватей. А все же, размышляла Китти, морская болезнь уравнивает людей почище любых социальных реформ. Воистину, перед этой напастью все равны: нет ни богатых, ни бед-

ных. Пассажиры, обитающие в каютах самых разных классов, в равной степени оказались брошенными на милость разбушевавшейся стихии. Судовые стюарды сбивались с ног, разнося по каютам настойку имбиря, которая, по слухам, могла хоть как-то нормализовать состояние страдальцев и облегчить их проблемы с желудком. Что же до миссис Мак Кромби, то Китти с ужасом наблюдала за тем, как та то и дело сдабривала свои медицинские снадобья изрядными порциями виски, которое она вливала прямо в настойку, не переставая при этом повторять:

– Ничто не помогает снять эти кошмарные головокружения. Вот я подумала, моя дорогая. Пусть уж лучше голова кружится от виски, а не от какой морской заразы.

По мере того как их пароход все дальше и дальше углублялся в необъятные просторы Индийского океана, навстречу земле обетованной, какой представлялась Австралия пассажирам судна, жара лишь усиливалась. Китти даже не представляла себе, что может быть так жарко. Она сидела на верхней палубе для прогулок, это было единственное место на судне, где можно было почувствовать хоть какое-то дуновение ветерка. Китти разместилась рядом с миссис Мак Кромби, с неизменной книгой в руках, которую взяла в судовой библиотеке, и старалась понять, кто же она теперь есть. Уже не просто дочь преподобного мистера Макбрайда, а вполне самостоятельная молодая девушка, сильная, выносливая, крепкая. Вон даже стюард Джордж признался ей, что еще

никогда не видел женщины, которая бы так лихо держалась на ногах во время шторма. Вполне возможно, она сможет устоять на них и дальше, уже обходясь без помощи матери или отца.

Китти задирала голову и долго-долго вглядывалась в безоблачную синь. Чем дальше уплывали они от Шотландии, тем реже Китти преследовали весь тот ужас и омерзение, которые она испытала, узнав незадолго до отъезда всю правду об отце. Когда в один из дней миссис Мак Кромби сообщила ей, что плыть до места назначения осталось всего лишь неделю, Китти невольно почувствовала, как у нее свело желудок. И качка здесь была совсем ни при чем. Китти охватило волнение при мысли о том, что совсем скоро она своими глазами увидит землю Дарвина. Вот человек был! Не прятался за имя Господа, не боялся открыто объявить о своих взглядах, в которых главенствовал не Бог, а природа с ее огромной созидательной силой и мощью. Природа предстает перед всяким во всей ее наготе, со всем тем хорошим и плохим, что в ней есть, со всей ее красотой, дикостью, жестокостью. Она словно говорит людям: «Да, я вот такая, какая есть! Идите и смотрите». Природа не терпит лицемерия, в ней нет изуверского фанатизма и напыщенной лжи, она открыта и честна во всех своих проявлениях.

Пожалуй, если бы Китти понадобилась метафора для того, чтобы описать свое нынешнее состояние, она бы воспользовалась тугим корсетом миссис Мак Кромби. Представила

бы себе, как срывает с себя ненавистную вещицу из дамского гардероба и начинает дышать полной грудью.

В то утро, когда на горизонте замаячили первые очертания австралийского континента, почти все пассажиры парохода «Ориент» высыпали на палубу. Все с волнением и трепетом вглядывались в даль, вытягивали шеи, крутили головами, пытаясь разглядеть в туманной дымке то, что для многих из них очень скоро станет новым домом, началом новой жизни.

Но вот береговая линия стала уже вполне различима, и вдруг странная тишина повисла над палубой. Между лазурно-голубой гладью моря и такими же сияющими голубыми небесами перед всеми ними предстала узкая полоска красно-коричневой суши.

– Ровно все тут. Ни тебе гор, ни холмов, – разочарованно пожала плечами Клара. – Голая земля, и только.

– Да, – коротко согласилась с ней Китти, мечтательно вперив взор вдаль, все еще не в силах поверить в то, что вот сейчас, в эту самую минуту, она своими глазами видит тот самый континент, который раньше разглядывала лишь в ат-

ласе. И какой же недостижимой тогда казалась ей эта земля.

Лайнер вошел в бухту порта Фримантл и встал на якорь. С берега раздались радостные вопли встречающих. Китти показалось, что народу собралось даже больше, чем в Лондоне, когда они покидали родную гавань, взяв курс к берегам Австралии. Какое-то время Китти дивилась, как могут такие огромные пассажирские лайнеры и судна, перевозящие всяческие грузы, так искусно маневрировать в сравнительно небольшой бухте, а между тем на нижних палубах разноликая толпа уже суетилась и волновалась, с нетерпением ожидая того момента, когда начнется спуск на берег.

– Боже святой! – От переизбытка чувств Клара обхватила Китти руками за шею. – Вот мы и в Австралии наконец! Не могу поверить... И что нас тут ждет?

Китти молча наблюдала за тем, как пассажиры устремились по сходням на берег, прижимая к себе незамысловатые пожитки и детей. Кого-то встречали друзья или родственники, но таких было немного. Основная же масса прибывших сгрудилась на пристани. Люди выглядели сбитыми с толку и слегка заторможенными от всего происходящего, а сверху нещадно палило горячее австралийское солнце. Но вот к толпе подошел какой-то человек, судя по всему представитель местных властей, и повел людей за собой. Это же какое надо иметь мужество, невольно восхитилась Китти, глядя им вслед. Бросить все: родной дом, землю, на которой ты родился и вырос – и уехать на другой конец света, чтобы начать

там все с нуля. Построить новую жизнь с надеждой, что она будет лучше той, которую они оставили позади.

– Один сброд, насколько я могу судить, – прокомментировала увиденное миссис Мак Кромби за обедом в столовой, когда им подали телячью отбивную. – Впрочем, чему удивляться? Австралия ведь изначально заселялась исключительно одними отбросами общества, всякими разными каторжниками и преступниками всех мастей. Их сюда доставляли на кораблях из Англии. И они здесь повсюду, эти людишки. За исключением Аделаиды, разумеется. Этот город возвели специально для более... благородной публики, такой, как мы. Эдит писала мне в своих письмах, что Аделаида – это город, в котором чтут Господа. Красивый, по-настоящему христианский город. – Миссис Мак Кромби недовольно поморщилась, повернув голову к открытому окну, из которого с берега доносилась немного непривычная гортанная речь местных. И тут же принялась энергично обмахиваться веером. На лбу у миссис Мак Кромби уже выступили капельки пота. – Будем надеяться, что в Аделаиде не будет такого пекла, – обронила она и добавила: – Господи боже мой! Теперь мне понятно, почему все эти аборигены бегают тут голышом. Невыносимая жара!

После обеда миссис Мак Кромби вернулась к себе в каюту, чтобы немного вздремнуть, а Китти снова поднялась на палубу и стала наблюдать за тем, как сгружают на берег скот. Большинство животных выглядели напуганными, вид у всех

был истощенный. Они, спотыкаясь и путаясь друг у друга под ногами, неуверенно двигались по сходням.

– Бедные вы мои! – вздохнула про себя Китти. – Это ж в какую даль вас завезли. Навсегда оторвали от родных лугов и пастбищ.

На следующее утро лайнер снова двинулся в путь, взяв курс на Аделаиду. Оставшиеся два дня до момента прибытия в порт назначения ушли на то, что снова упаковать весь объемный багаж миссис Мак Кромби и разложить по чемоданам и баулам ее обширный гардероб.

– Может, приедешь навестить меня в Сиднее, когда я там обустроюсь, а? – поинтересовалась Клара у Китти, когда подруги в последний раз обедали вместе на борту судна. – Думаю, там не далеко. Во всяком случае, на карте эти города совсем рядом.

Вечером Китти спросила у стюарда Джорджа, возможна ли в принципе такая поездка.

– Ну, если по прямой, то расстояние между Аделаидой и Сиднеем где-то порядка семисот миль. Возможно, чуть больше... Но для такого путешествия придется углубиться в материковую часть континента. А там бегают племена этих чернокожих с копьями наперевес. А еще полно кенгуру, всяких змей и ядовитых пауков, от одного укуса которых можно помереть тут же, прямо на месте. Взгляните сами на карту, мисс Макбрайд. Как вы думаете, почему все австралийские города расположены вдоль береговой линии? Да потому что

белым не выжить в этой дикой глуши. Все эти территории практически не заселены людьми.

Укладываясь в последний раз на свою койку, Китти, как всегда, прочитала молитву на сон грядущий.

– Господи, прошу тебя! Ладно, змеи, кенгуру и даже ди-
кари... пусть себе будут. Но, пожалуйста, сделай так, чтобы
они не сварили меня живьем в котле!

Наконец «Ориент» прибыл в порт Аделаиды. Китти сердечно распрощалась с Кларой, которая в момент прощания не скрывала своих слез.

– Ну, что ж... Прощай тогда... Приятно мне было позна-
комиться с тобой. Честно, Китти. Обещай, что будешь пи-
сать мне, ладно?

Девушки крепко обняли друг друга.

– Обязательно напишу. Береги себя, Клара. Надеюсь, все
твои мечты исполнятся.

Помогая миссис Мак Кромби спускаться по сходням на
пристань, Китти чувствовала, что и сама на грани слез. Толь-
ко сейчас, сойдя на берег, она поняла, как ей будет недоста-
вать подруги, которую она неожиданно для себя приобрела

во время этого долгого плавания.

– Флоренс!

Китти увидела, как стройная, элегантно одетая женщина с копной огненно-рыжих волос на голове приветственно замахала им рукой и двинулась навстречу.

– Эдит!

Обе сестры дежурно клюнули друг друга в щеки.

Китти молча проследовала за ними. Кучер, облаченный в парадную ливрею, повел дам к карете. Китти украдкой оглядела наряд Эдит. Парчовое платье с глухой застежкой до самой шеи. Само собой, под ним корсет. Плюс еще и панталоны до колен. И как она только выносит эту жару в таком облачении, мелькнуло у Китти. Ей самой сейчас больше всего на свете хотелось сбросить с себя все и окунуться нагой в прохладные воды залива, плескавшиеся у пристани.

Когда они наконец добрались до кареты, какой-то чернокожий мальчуган, Китти еще никогда не видела негров с такой черной кожей, стал укладывать их чемоданы на козлы позади кареты.

– Ах, боже мой! – Миссис Мак Кромби резко повернулась в сторону Китти: – Так разволновалась, увидев тебя, дорогая сестра, что совсем забыла представить свою спутницу. Прощу любить и жаловать! Мисс Китти Макбрайд, старшая дочь одного из очень близких друзей нашей семьи, преподобного отца Макбрайда. Всю дорогу она была мне неоценимой помощницей. И моей спасительницей тоже! – добавила благо-

детельница, бросив на Китти ласковый взгляд.

— Рада познакомиться, — коротко отреагировала Эдит, окинув Китти холодным взглядом. — Добро пожаловать в Австралию. Надеюсь, вам понравится у нас в Аделаиде.

— Спасибо, миссис Мерсер.

Наблюдая за тем, как сестры усаживаются в карету, Китти почему-то подумала, что, скорее всего, гостеприимство Эдит будет таким же холодным, как и ее взгляд. Уж слишком неискренне прозвучали сейчас ее слова.

8

Карета тронулась по пыльной дороге, ведущей из порта. Стояла страшная духота. Вначале они миновали какие-то лагуны, скорее трупобой, такие жалкие домишки, прилепившиеся к самым докам, с крышами, крытыми ржавой жестью. Потом пошли уже улицы, застроенные бунгало, и наконец, они выехали на какой-то широкий проспект, по обе стороны которого выстроились в ряд красивые и роскошные особняки.

Особняк, принадлежавший семейству Мерсер, назывался Алисия-Холл, в честь свекрови Эдит. Он расположился на Виктория-авеню. Типичный шикарный дом в колониальном стиле, с белыми стенами, с прохладными, затененными верандами и террасами с изящными резными решетками, опоясывавшими дом со всех сторон. Все было предусмотрено

для того, чтобы, находясь внутри здания, можно было пере- сидеть любую жару. На закате раздавался дружный хор в исполнении насекомых, названия которых были еще не известны Китти. Самая настоящая какофония звуков.

Минуло три дня после их прибытия в Аделаиду. Миссис Мак Кромби, или Флоренс, как называла ее Эдит, либо отсыпалась целыми днями в своей комнате, восстанавливая силы после изнурительного путешествия, либо сидела на веранде с сестрой, коротая время за разговорами о жизни каждой.

На текущий момент в огромном доме обитали только они троем. Сам хозяин дома, мистер Стефан Мерсер, муж Эдит, уехал куда-то по делам. Отсутствовали и оба сына хозяев. Обменявшись короткими приветствиями с Китти за завтраком, обедом и ужином и пожелав ей хорошего дня, когда она поднималась из-за стола, дамы не снисходили до каких-либо дальнейших разговоров с ней, и она было всецело предоставлена сама себе, просиживая днями в своей просторной комнате со стенами, выкрашенными в пастельные тона. Комната располагалась на верхнем этаже дома. В ней было много света и воздуха.

Надо сказать, что Китти, привыкшую к одиночеству и даже в какой-то степени к затворничеству, такое времяпрепровождение ничуть не смущало. Она брала книжку в библиотеке, расположенной внизу, и с удовольствием погружалась в чтение, сидя на террасе, куда выходила ее спальня. Но шли дни, а распорядок дня оставался прежним. С приближением

Рождества Китти все чаще возвращалась мыслями к родному дому. В один из дней она уселась за просторное письмо своим родным. Писала и почти воочию представляла, что сейчас делается в их доме на Принсис-стрит. Наверняка холодно, как обычно. Ей даже казалось, что она осязает морозный, напитанный туманами воздух родного Лейта. Наверняка в доме уже установили рождественскую елку и украсили ее крохотными огоньками, весело пляшущими тысячами искорок при каждом порыве сквозняка.

– Как же я соскучилась по всем вам! – прошептала Китти, сворачивая письмо пополам, и глаза ее тут же наполнились слезами.

После завтрака она обычно направлялась на прогулку в сад, разбитый вокруг дома. Сад был огромным и радовал глаз своей пышной и сочной зеленью. Вся территория была поделена на отдельные участки. Аккуратные тропинки, вырезанные прямо в траве, вели к каждой секции. Кое-где встречались постройки, похожие на парники, густо обвитые глицинией. Темно-зеленые кусты фигурно подстрижены. Цветочные бордюры тоже поражали своей ухоженностью. На клумбах обилие самых разных ярких цветов, которых Китти никогда раньше не видела: огненно-розовые, оранжевые, с блестящими зелеными листьями, рядом – источающие медовый аромат растения с крупными пурпурными соцветиями, над которыми вьется множество бабочек, слетающих сюда для того, чтобы полакомиться сладким нек-

таром растений.

Со всех сторон по периметру сад окружен высоченными деревьями с необычной корой белого цвета, что делало их похожими на такие странные, даже немного причудливые привидения. Когда Китти вплотную подошла к дереву, тотчас же уловила разлитый в воздухе аромат свежих трав и зелени, который источала кора. Подхваченный легким порывом ветра, этот запах буквально окутывал Китти со всех сторон. Надо будет не забыть спросить у Эдит, что же это за деревья такие необычные, решила про себя Китти.

Да, все вокруг было очень красиво, но чем дальше, тем больше Алисия-Холл стал напоминать Китти роскошную, очень ухоженную и очень комфортную, но все же тюрьму. Еще никогда в своей жизни Китти не предавалась такой праздности, а бездействие поневоле угнетало. Однако вокруг обитателей дома хлопотала целая армия слуг, готовых удовлетворить любое желание своих хозяев. Между тем за садовой изгородью начиналась та самая Австралия, которая так манила Китти своей неизвестностью. А Китти вынуждена целыми днями торчать взаперти и томиться от безделья. Поневоле затоскуешь. Словом, чем дальше, тем больше австралийская жизнь начинала тяготить Китти.

Незадолго до Рождества она отправилась, по своему обыкновению, на утреннюю прогулку в сад. Уже на обратном пути Китти вдруг увидела какого-то постороннего мужчину, вошедшего во двор через заднюю калитку. Китти да-

же замерла на месте от неожиданности. Взлохмаченная копна волос неопределенного цвета, густо обсыпанных красной пылью, грязная одежда и такие же грязные бутсы на ногах. Первым порывом было немедленно бежать в дом и звать на помощь слуг. Сообщить им, что какой-то бродяга проник на территорию их имения и посягает на чужую собственность.

Китти спряталась за одной из колонн веранды и стала пристально наблюдать за тем, как незнакомец направляется к черному входу в дом.

– Добрый день, – поздоровался он, подходя ближе. Оставалось только удивляться, как же это он ее заметил. Ведь Китти так хорошо спряталась. – А я вижу вашу тень. Так что выходите! Почему вы прячетесь?

Китти понимала, что незнакомцу ничего не стоит схватить ее за шиворот, если она сделает попытку перебежать веранду, чтобы спрятаться в доме. Но Китти тут же постаралась взять себя в руки. Ведь ей приходилось оказываться и в худших ситуациях. Мало ли она перевидала пьяной матросни в порту у себя в Шотландии? Китти сделала глубокий вдох и выступила из-за колонны.

– Вовсе я не прячусь. Просто укрылась в тени от солнца.

– Да, солнце в эту пору года печет нещадно. Впрочем, здесь еще терпимо, по сравнению с тем, какая жара сейчас стоит на севере.

– Ничего не могу сказать. Я приехала сюда совсем недавно.

– Вот как? И откуда же вы приехали?

– Из Шотландии. У вас есть какое-то дело в доме? – строго поинтересовалась Китти у незнакомца.

Кажется, ее вопрос его изрядно позабавил.

– Можно сказать и так. Да, в этом доме у меня действительно есть кое-какие дела.

– Тогда я сообщу миссис Мерсер, когда она вернется, что к ней приходил посетитель.

– А что, в настоящий момент миссис Мерсер отсутствует?

– Это ненадолго. Она скоро вернется, – ответила Китти, досадуя, что допустила такой явный ляп. – К тому ж в доме полно слуг.

– Тогда, пожалуй, я пройду в дом и поговорю с ними о своих делах, – заявил незнакомец, решительным шагом направившись к черному входу, который вел прямым ходом на кухню. – Всего вам доброго.

Китти поспешно забежала в дом и, поднявшись по лестнице к себе в комнату, тотчас же вышла на террасу. Через пару минут у задней калитки появилась лошадка с впряженной в нее повозкой. Наверное, слуги уже решили с незнакомцем все его дела и отпустили восвояси, с облегчением вздохнула Китти. После чего рухнула на кровать и принялась интенсивно обмахивать себя веером.

Вечером Китти занялась приведением себя в порядок перед ужином. Ей по-прежнему казалось чудом, что на другом конце света, на континенте, по которому еще до сих пор бродят толпы дикарей, тем не менее имеется электричество, а в доме даже *есть ванная комната*, да и в самой ванне можно плескаться хоть каждый день. Китти с удовольствием освежилась, приняв ванну, потом уложила волосы, заколов их шпильками со всех сторон, попутно поругала свои веснушки, усыпавшие все лицо. После чего отправилась вниз по изящной лестнице с красивыми резными перилами. Но где-то на середине пути Китти вдруг замерла как вкопанная, ибо внизу ее взору предстало совершенно неожиданное, но такое изумительное по красоте зрелище: прекрасная рождественская ель, украшенная гирляндами и елочными игрушками, которые сверкали и переливались всеми цветами радуги в мягком свете хрустальной люстры, свисавшей с потолка. Знакомый запах хвои мгновенно напомнил Китти сочельник в родительском доме, который они обычно встречали всей семьей. И от этих щемящих воспоминаний глаза ее снова наполнились слезами.

— Господи, благослови вас всех, мои любимые, — прошеп-

тала Китти, продолжив спуск. Утешало лишь то, что уж в следующем году она точно вернется домой и будет встречать Рождество вместе с родными. Уже на самой нижней ступеньке она увидела мужчину, одетого в смокинг, как и положено к ужину в приличном доме. Мужчина занимался тем, что как раз прилаживал к ветке последнюю побрякушку.

– Добрый вечер, – поприветствовал Китти мужчина, просунув голову меж ветвей.

– Добрый вечер, – ответила Китти и, взглянув на мужчину, вдруг подумала, что тембр его голоса ей почему-то подозрительно знаком.

– Ну, как вам елка? – поинтересовался мужчина, подходя к ней ближе. И, скрестив руки, оглядел со стороны плоды своих усилий.

– Очень красивая.

– Это подарок моей... миссис Мерсер.

– Вот как? Как это мило с вашей стороны. Вы очень добры.

– Пожалуй.

Китти снова глянула на своего собеседника, на его темные волосы, такие блестящие в свете люстры. И тут до нее дошло...

– По-моему, мы уже с вами встречались, мисс...

– Макбрайд, – сконфуженно прошептала Китти, узнав наконец собеседника.

– А меня зовут Драммонд Мерсер. Я – сын миссис Мер-

сер. Если быть уж совсем точным, сын номер два, – добавил он с лукавой улыбкой.

– Но...

– Что?

– Вы...

Китти увидела, как в глазах молодого человека заплясали веселые чертики, и тут же покраснела от смущения.

– Простите. А я подумала...

– Что я какой-то бродяга, позарившийся на чужое добро?

– Да, что-то в этом роде. Прошу вас, примите, пожалуйста, мои извинения.

– А вы примите мои. Мне следовало сразу представиться вам. Я явился сюда из Алиса-Спрингс. Приехал на верблюде. Неудивительно, что мой внешний вид... как сказали бы французы, *дезабилье*.

– Вы ехали на верблюде? – удивилась Китти.

– Да, а что такого? У нас в Австралии тысячи этих животных. И не верьте тому, что станут рассказывать вам люди. Верблюды здесь самый надежный вид транспорта, особенно когда углубляешься в еще не освоенные и потому довольно опасные территории аутбэка.

– Понятно, – обронила Китти, стараясь запомнить все, что он только что сказал. – Поэтому-то вы и явились домой весь в грязи и пыли. То есть, я хочу сказать, ехать верхом через всю Австралию... А я вот прибыла сюда на пароходе. Мы плыли несколько недель и...

Китти почувствовала, что уже немного «заболталась», как обычно говорил в таких случаях отец.

— Я вас великодушно прощаю, мисс Макбрайд. Невероятно, но, глядя на меня, можно сказать, что даже самого грязного странника можно отмыть почти добела, правда? Я сразу же по возвращении домой взял пони с повозкой и отправился в порт за елкой для мамы. Мы каждый год заказываем рождественскую ель из Германии, но я хотел своими глазами убедиться в качестве товара. В прошлом году иглы с елки осыпались буквально на следующий день после того, как ее привезли домой. А не пройти ли нам в гостиную и не выпить что-нибудь прохладного? — Драммонд галантно предложил ей руку.

Китти выпрямилась во весь рост, расправила плечи и взяла протянутую руку.

— С удовольствием.

Присутствие молодого человека сразу же оживило общую атмосферу ужина. Драммонд все время подшучивал над Китти, рассказывал, как она приняла его за грабителя. Миссис Мак Кромби буквально умирала от смеха, слушая его и то и дело вытирая выступившие на глаза слезы. Лишь Эдит сидела, по своему обыкновению, молча и с весьма недовольным видом. Судя по выражению ее лица, она категорически не одобряла общее веселье, неожиданно воцарившееся за столом.

«Почему она так холодна ко мне?» — недоумевала Китти. —

Ведь я же не сделала ей ничего плохого...»

— Вы уже успели изучить наш славный маленький городок, мисс Макбрайд? — поинтересовался у нее Драммонд, когда им подали пудинг.

— Нет, я еще ни разу не выбиралась в город. Но очень бы хотела. К тому же мне надо купить рождественские подарочки для ваших близких, — ответила она шепотом.

— Что ж, тогда сообщаю вам, что завтра мне надо будет кое-куда съездить... по делам. Могу подбросить вас на своем пони до центра, если хотите.

— Я вам буду очень признательна, мистер Мерсер. Большое вам спасибо.

Несмотря на то что первая встреча с Драммондом прошла не вполне удачно, Китти была вынуждена признать, что его общество весьма приятно. Он отличный собеседник, и его непринужденная манера общения, без излишних церемоний и формальностей, тоже пришлась ей по душе. Не говоря уже о том, что еще никогда в своей жизни Китти не видела такого красивого молодого человека: высокий, широкоплечий, с ярко-голубыми глазами и копной каштановых кудрей на голове. Впрочем, что ей за дело до его внешности, размышляла она после ужина, уже укладываясь в постель. Такой красавец на нее и не взглянет. Кто она такая? Дочь бедного священника... Да еще вся в веснушках. К тому же сама мысль о том, что какой-то мужчина может приблизиться к ней, моментально вызывала у нее содрогание. С некоторых пор са-

мо понятие физической близости с представителями противоположного пола ассоциировалось у Китти исключительно с лицемерным поведением отца.

На следующее утро Драммонд помог ей взобраться на повозку, и Китти уселась рядом с ним.

– Нормально устроились? – спросил он.

– Да, спасибо, все отлично, – ответила она.

Лошадка, цокая копытами, миновала ворота и тронулась в путь по широкой авеню. Китти снова вдохнула полной грудью дивный и по-прежнему не знакомый ей запах, который источали деревья вокруг.

– Чем это так вкусно пахнет? – поинтересовалась она у Драммонда.

– О, это пахнут эвкалипты. Коалы их просто обожают. Бабушка рассказывала мне, что, когда они еще только-только приступили к строительству дома в 1860 году, здесь все вокруг кишело коалами. Они обитали на эвкалиптах целыми колониями.

– Надо же! Какое чудо! А я вот про коалу читала только в книжках.

– Очень забавные животные. Похожи на таких маленьких плюшевых мишек. Если я где увижу коалу, обязательно покажу ее вам. А вы, если по ночам услышите такие странные вопли за окном, похожие одновременно и на чей-то храп, и на чьи-то стоны, не пугайтесь. Знайте, это самец коала занят в саду сбором листьев. Или просто крадется за какой-нибудь самочкой.

– Понятно. – Китти уже стала понемногу привыкать к непривычному для нее акценту Драммонда, такая смесь чисто немецких интонаций с легкой шотландской картавостью при произношении отдельных слов. И все это сдобрено изрядной порцией местного австралийского говора. Солнце пекло, прожигая насквозь. Китти натянула шляпку на самый лоб, чтобы хоть как-то защитить лицо от этих палящих лучей.

– Сражаетесь с жарой, да?

– Пытаюсь по мере сил. У вас тут действительно очень жарко. И солнце так палит. Кожа сгорит в два счета.

– Со временем кожа загрубеет немного, и вы привыкнете к нашему солнцу. Должен заметить, ваши веснушки просто обворожительны.

Китти метнула на Драммонда короткий взгляд. Уж не подшучивает ли он над ней, как вчера за ужином? Но выражение лица Драммонда было бесстрастным. Он всецело сконцентрировал свое внимание на управлении пони, умело маневрируя среди другого транспорта, которого с каждой минутой

становилось все больше. Китти замолчала. Сидела и разглядывала все вокруг. Они уже въехали в центральную часть города. А улицы здесь гораздо шире, чем в Эдинбурге, подумала она. И здания все такие солидные и элегантные. По дорожкам прогуливались нарядно одетые пешеходы, женщины все с зонтиками, чтобы хоть как-то оградить себя от солнечных лучей.

– Ну, как вам наша Аделаида? – поинтересовался Драммонд.

– Пока я еще слишком мало видела, чтобы составить определенное мнение о городе.

– Что-то мне подсказывает, мисс Макбрайд, что вы вообще привыкли держать мысли при себе. Я прав?

– Пожалуй, да. Просто я сильно сомневаюсь, что кому-то может быть интересно все то, что я думаю.

– Как сказать! Вполне возможно, есть и такие, кому это будет интересно, – немедленно возразил Драммонд. – Словом, вы самая настоящая загадка, мисс Макбрайд, не так ли?

Китти промолчала, не зная, как расценить его слова. Что это? Compliment? Или же очередная насмешка?

– Я однажды был в Германии, – нарушил он очередную затянувшуюся паузу. – Это пока мое первое и единственное посещение Европы. Мне показалось, там холодно. Все время темно и довольно уныло. Конечно, у нас в Австралии полно проблем. Но здесь, по крайней мере, хоть солнце светит не жалея сил. Да и вообще, все здесь ярко, эффектно, за-

жигательно и волнующе. А как вы, мисс Макбрайд, относитесь к острым ощущениям? Вам под силу совладать с чем-то непривычным?

– Возможно. – Китти неопределенно пожала плечами в ответ.

– Тогда Австралия вам подойдет. Вы здесь будете чувствовать себя вполне в своей тарелке. Австралия, она ведь не для слабонервных или малодушных. Во всяком случае, если вы намереваетесь отправиться в глубинку и вырваться за пределы городов, – добавил Драммонд и, дернув за вожжи, остановил повозку. – Перед вами Кинг-Уильям-стрит. Ее так называли в честь короля Уильяма. – Он жестом показал на улицу, застроенную по обе стороны магазинами с фасадами, раскрашенными яркими разноцветными красками, с многочисленными сверкающими вывесками, рекламирующими самые разнообразные товары. – Вполне подходящее место, верно? Если не возражаете, я высажу вас здесь, возле Бихайв-Корнер, и ровно в час дня, то есть где-то через два часа, заберу вас с этого же самого места. Ну как, идет?

– О, все отлично! Большое спасибо.

Драммонд соскочил с козел и, подав Китти руку, помог ей спуститься на землю.

– Вот теперь можете с легким сердцем предаться любимому занятию всех дам – хождению по магазинам. А если вы будете девочкой-паинькой, то обещаю, что чуть позже свожу вас еще и на Рандл-стрит, покажу вам нашего Санта-Клауса.

Удачного дня! — Драммонд весело улыбнулся на прощание и снова запрыгнул в повозку.

Какое-то время Китти стояла на пыльной улице и смотрела на проезжающие мимо кареты, экипажи, повозки спряженными в них лошадьми и пони. В повозках сидели мужчины в широкополых шляпах. Глянув вверх, Китти тотчас же увидела место, которое Драммонд называл «Бихайв-Корнер», красивое здание из белого и красного кирпича, с крытыми галереями и украшенное поверху флеронами, их венчала искусно нарисованная пчела. Что ж, такое здание трудно не запомнить и не найти. Китти приободрилась и побрела вдоль улицы, заглядывая в витрины всех магазинов подряд. Чувствуя, что уже вся покрылась потом, она перешла на другую сторону улицы, заметив там магазинчик, торгующий галантерейными товарами, и тотчас же поспешила укрыться в нем. К своему удивлению, она обнаружила в магазине огромный ассортимент лент и всевозможных кружев. Впрочем, как оказалось, внутри было еще жарче, чем на улице. Чувствуя, как струйки пота скатываются по шее и по спине, Китти торопливо купила один ярд кружев для миссис Мак Кромби и миссис Мерсер, а также немного белого батиста на носовые платки для мужчин. Китти решила, что украсит платки собственноручной вышивкой. Вышьет в уголках цветы чертополоха, эмблему Шотландии.

Китти поспешно расплатилась за покупки, чувствуя, что еще немного, и она потеряет сознание и рухнет прямо посре-

ди торгового зала. Вышла на улицу, лихорадочно озираясь по сторонам в поисках затененного места, где можно было бы укрыться от солнца и выпить стакан холодной воды. Заплетающимися ногами Китти двинулась вперед и тут увидела вывеску: *Отель «Эдинбургский замок»*.

Не раздумывая, Китти распахнула дверь. Внутри было полно народу, сильно накурено, множество вентиляторов без устали гоняли спертый воздух. Кое-как Китти пробралась к стойке бара, даже не обратив внимания на то, что при ее появлении в помещении установилась гробовая тишина. Китти плюхнулась на высокий табурет и едва слышно прошептала, обращаясь к барменше:

– Пожалуйста, воды.

Девушка с недопустимо низким вырезом в корсаже (по всей вероятности, тоже один из способов защитить себя от испепеляющего зноя) молча кивнула в ответ и плеснула немного воды из кувшина в кружку. Китти схватила кружку и осушила ее залпом. Потом попросила налить еще. Выпив и вторую кружку, Китти немного пришла в себя. Подняла глаза и увидела, что на нее пялятся по крайней мере сорок пар мужских глаз.

– Спасибо! – пробормотала она барменше. И из последних сил, стараясь держаться с достоинством, сползла с табурета и направилась к дверям.

– Мисс Макбрайд! – Чья-то рука крепко схватила Китти в тот самый момент, когда она уже взялась за медную ручку

входной двери. – Какая приятная неожиданность встретить вас здесь!

Она подняла глаза и увидела перед собой Драммонда Мерсера. Глаза его искрились от смеха. Китти почувствовала, как снова краснеет.

– Я очень захотела пить, – начала она оправдываться. – На улице невыносимо жарко.

– Да, вы правы. Самое настоящее пекло. Пожалуй, больше я вас не оставлю на улице одну. По крайней мере, пока не пообвыкнетесь в нашем климате.

– Сейчас со мной все в порядке. Спасибо.

– Что ж, рад за вас. Купили, что хотели?

– Да, все купила. Господи, и как только можно ходить по магазинам в такое пекло? Уму непостижимо! – воскликнула Китти, энергично обмахиваясь рукой.

– Глоток виски, мисс? – услышала она у себя за спиной мужской голос.

– Но я...

– Исключительно в медицинских целях, – поддержал мужчину Драммонд. – Я составлю ей компанию, Лэчлан, – добавил он, и они снова повернули к стойке бара. – Между прочим, эта юная леди приплыла сюда из Эдинбурга.

– Даже так? Тогда все, что пожелает барышня, за счет заведения. Представляю, мисс, какое это для вас потрясение – оказаться здесь, да еще в разгар нашего лета, – продолжил Лэчлан, перемещаясь за стойку бара и откупоривая бутыл-

ку. – Вспоминаю себя, когда я только-только ступил на эту землю. Первая неделя мне показалась сущим адом. Я только и делал, что грезил о туманных и холодных ночах у нас в Шотландии в эту пору года. Вот! Примите это, и вам сразу же полегчает. Предлагаю выпить за нашу старую добрую родину. За Шотландию!

Китти еще ни разу в жизни не пробовала алкоголь. Но во время плавания на борту «Ориент» она достаточно насмотрелась на то, как лихо опрокидывала в себя миссис Мак Кромби изрядные порции виски, и так повторялось из вечера в вечер. Наверняка одна небольшая рюмочка сейчас точно не повредит, решила Китти про себя.

– За наш отчий край! – поднял свой стакан Лэчлан.

– За отчий край, – повторила вслед за ним Китти.

Мужчины залпом осушили свои бокалы. Она же предусмотрительно сделала вначале очень небольшой глоток. Проглотила и тотчас же почувствовала, как крепкая жидкость обожгла горло и покатилась вниз. Собравшиеся с интересом наблюдали за манипуляциями приезжей. Почувствовав приятное жжение в желудке, Китти снова пригубила рюмку и на сей раз осушила ее до дна. После чего громко стукнула рюмкой о столешницу, точь-в-точь повторив действия своих компаньонов.

– Bravo! Вот что значит настоящая шотландская девушка! – Лэчлан отвесил Китти шуточный поклон, а все остальные посетители бара выразили свое одобрение бурными ап-

лодисментами. – Еще по стаканчику для всех!

– А вы умеете удивлять, мисс Макбрайд! Честное слово! – воскликнул Драммонд, вручая Китти новый стакан. – Из вас может получиться настоящая Оззи... то есть, я хочу сказать, австралийка, но со временем...

– Во всяком случае, я точно не из слабонервных, мистер Мерсер. Сами могли только что убедиться в этом, – парировала она, лихо опрокидывая в себя вторую порцию виски. После чего с непринужденным видом уселась на высокий табурет, почувствовав себя и в самом деле гораздо лучше, чем пару минут тому назад.

– Да, я это вижу, – проницательно заметил Драммонд, кивнув в ответ.

– Предлагаю исполнить хором в честь этой милой барышни, тоскующей по нашей всеми любимой родине, застольную «Через море к небесам», – предложил Лэчлан.

Все присутствующие в баре дружно подхватили песню. Китти, всю свою жизнь неизменно солировавшая на всех выступлениях женского церковного хора, сразу же отметила про себя профессиональным ухом, что некоторые мужские голоса звучали совсем даже недурно. Сделав глоток виски, она с готовностью присоединилась к поющим, и все вместе они исполнили песню про озеро Лох-Ломонд. После чего ее подвели к одному из столиков и усадили между Драммондом и Лэчланом.

– Так где же вы жили в Шотландии, мисс?

– Порт Лейт в Эдинбурге.

– Есть такой! – Лэчлан что есть силы стукнул кулаком по столу и плеснул из бутылки немного виски в свой стакан. – А я вот родился на юге. Там у нас, правда, живет народец попроще. Однако хватит о том, что осталось в прошлом. Предлагаю выпить за нашу знаменитую шотландскую смелость! – Лэчлан подлил немного виски в стакан Китти и выразительно вскинул бровь, глянув на нее.

Не говоря ни слова, Китти поднесла стакан ко рту и осушила его до дна, не сводя глаз с Драммонда.

Где-то спустя час с небольшим, вдоволь наплясавшись народных шотландских танцев в паре с Лэчланом под ободряющие крики и аплодисменты завсегдатаев бара, она уже приготовилась сделать еще один глоток из стакана, но Драммонд предусмотрительно прикрыл стакан рукой:

– На сегодня хватит, мисс Макбрайд. Думаю, нам уже пора домой.

– Но как же... мои новые друзья... и потом...

– Обещаю обязательно привезти вас сюда снова. Пока же нам надо возвращаться домой. Иначе моя мать решит, что я вас похитил.

– Да будь я моложе, я бы и сам с радостью умыкнул такую красавицу! – подал голос Лэчлан. – А ведь Китти у нас настоящая красотка, правда? Не переживайте, милая. Все у вас получится в Австралии. Вот увидите!

Китти попыталась подняться из-за стола, но ноги не дер-

жали. Драммонд тут же подхватил ее и помог выпрямиться во весь рост. Лэчлан горячо расцеловал ее в обе щеки:

– С наступающим Рождеством вас! И помните: если у вас возникнут какие-то неприятности, Лэчлан всегда к вашим услугам.

Китти плохо помнила, как Драммонд дотащил ее до по-возки и что было потом. Единственное, что она запомнила, так это то, что всю дорогу домой Драммонд крепко держал ее рукой за талию. Наверное, Китти все же уснула. Потому что следующее, что она вспомнила, – это как он внес ее на руках в дом, потом поднял по лестнице на второй этаж и осторожно уложил на кровать.

– Я вам очень признательна, – пробормотала Китти пьяным голосом и громко икнула. – Вы так добры... так добры...

9

Китти проснулась в темноте, все еще в состоянии сильного опьянения. Чувствовала она себя так, будто в голове топчется целое стадо слонов. Она села на постели и непроизвольно поморщилась от боли. Слоны измолотили своими огромными ножищами ее мозги до такой степени, что содержимое желудка уже подступило к самому горлу...

Китти свесила голову вниз, и ее тут же вырвало прямо на пол. Издав протяжный стон, Китти схватила бутылку с во-

дой, стоявшую рядом с кроватью, и жадно выпила всю воду. После чего безвольно откинулась на подушки, стараясь привести хоть в какой-то порядок тот хаос, который царил в ее голове. Когда же, наконец, Китти вспомнила все, то тотчас же пожалела о том, что память не отнялась навсегда.

– Боже! Что я натворила! – прошептала Китти в ужасе, представив разгневанное лицо миссис Мак Кромби. Ясное дело, себе самой почтенная дама позволяла подобные поблажки в виде нескольких стопок виски. Но она ни за что не потерпит, чтобы ее «компаньонка» хлестала виски в барах, как заправский пьяница, а потом еще хором горланила вместе с остальными посетителями старинные шотландские баллады...

Ужасно! Все, что она натворила, можно было охарактеризовать именно этим словом. Ужасно! Китти закрыла глаза, решив, что самое лучшее сейчас – это снова забыться. И тут же отключилась.

Вторично она проснулась от чьих-то голосов. В комнате сильно воняло рвотными массажами.

Неужели она все еще на пароходе? Похоже, начался шторм.

Она снова села на постели. Одно облегчение. Слоны больше не топчутся в ее голове. Видно, подались на новые пастбища. В комнате царила кромешная тьма. Китти включила газовую лампу у себя над головой и тут же увидела на полу возле кровати огромную лужу.

– О боже! – в отчаянии прошептала Китти. Кое-как она сползла с кровати на ватных ногах. В глазах тут же все поплыло, как только Китти попыталась принять вертикальное положение. Но кое-как она доковыляла до раковины, взяла несколько муслиновых салфеток и эмалированный таз и, вернувшись к кровати, попыталась собрать всю рвоту в таз. Туда же она бросила и испачканные салфетки, не зная, что со всем этим делать дальше. Но вот скрипнула дверь, и Китти увидела на пороге Драммонда.

– Добрый вечер, мисс Макбрайд. Или мне лучше величать вас просто Китти? Китти, гордость всей Шотландии и в первую очередь звезда бара «Эдинбургский замок»?

– Пожалуйста, не надо...

– Всего лишь шутка, мисс Макбрайд. Такая вполне безобидная, невинная шутка. Как вы наверняка уже изволили заметить, мы здесь, в Австралии, привыкли принимать на грудь, не щадя себя. Как самочувствие?

– Неужто сами не видите? – Она посмотрела на собственную рвоту в тазу, который все еще стоял у нее на коленях.

– Тогда я остаюсь на пороге, и ни шагу вперед. Во-первых, запашок здесь у вас еще тот. Перед тем как спуститься вниз, предлагаю вам открыть дверь на террасу, чтобы выветрить этот запах. Не престоало, чтобы в спальне леди витали такие ароматы. Я уже предупредил свою мать и тетю, что исключительно по моей беспечности с вами случился солнечный удар. Оставил вас без присмотра, пока вы ходили по магази-

нам, и вот результат. Кстати, я сказал им, что вам все еще очень плохо и вы едва ли присоединитесь к нам за ужином.

Китти смущенно потупила очи.

– Спасибо вам. Большое спасибо.

– Вам не за что меня благодарить, Китти. На самом деле это я должен попросить у вас прощения. Я бы никогда не посмел предложить вам первую рюмку виски, не говоря уже о второй и тем более третьей, да еще в такую жару, если бы знал, что вы совершенно не переносите ни того ни другого.

– Я за всю свою жизнь не пригубила и капли спиртного, – едва слышно пробормотала Китти. – Мне страшно стыдно за свое поведение. Если бы родители увидели меня в таком состоянии...

– Но, к счастью, они не увидели. И никто и никогда не узнает о том, что с вами случилось. Обещаю, я буду нем как рыба. Но поверьте мне, Китти, на слово. Вдали от родных так приятно иногда почувствовать себя тем, кто ты есть на самом деле. Раскрепоститься и побыть самой собой. Вскоре к вам подойдет Агнес. Принесет бульон и уберет этот таз, который вы сейчас держите в руках, словно несчастная сиротка из какого-нибудь диккенсовского романа.

– Больше я в жизни не прикаснусь к спиртному! Ни за что на свете!

– Признаюсь, хотя я давно так не веселился, как сегодня, я несу полную ответственность за то ужасное состояние, в котором вы сейчас пребываете. Постарайтесь проглотить хо-

тя бы пару ложек бульона. Вам сразу же полегчает. Завтра ведь сочельник. Будет жаль, если вы не сумеете оправиться к завтрашнему вечеру. Доброй вам ночи.

Драммонд закрыл за собой дверь. Китти поставила таз, от которого страшно воняло, на пол. Она была полностью раздавлена, убита тем позором, который случился с ней сегодня.

Кажется, отец толковал им, как следует вести себя, если человек оказывается в подобной ситуации? Ну, скажем, не в такой *позорной*, как ее, скривилась Китти, но все же... Кажется, он всегда говорил, что если ты совершаешь ошибку или допускаешь какую-то оплошность, то нужно иметь мужество преодолеть все произошедшее с гордо поднятой головой. Извлечь, так сказать, урок из своей ошибки. Что ж, так тому и быть! Не станет она валяться в кровати. Пусть Драммонд не воображает, что она какое-то квелое домашнее растение. Нет! Она спустится вниз и поужинает вместе со всеми остальными.

«Пусть знает», – подумала Китти с некоторой мстительностью. Затем сделала глубокий вдох и поплелась к шифоньеру. К тому времени, когда Агнес постучала в дверь, Китти уже переделалась и даже кое-как причесала влажные от пота волосы, собрав их в аккуратный узел на затылке.

– Как вы себя чувствуете, мисс Макбрайд? – поинтересовалась у нее служанка, разговаривая с сильным ирландским акцентом. Совсем еще молоденькая девушка, пожалуй даже младше Китти.

– Немного лучше. Спасибо, Агнес. Когда спустишься вниз, пожалуйста, предупреди миссис Мерсер, что я тоже приду на ужин.

– Вы уверены в этом, мисс? Извините, что спрашиваю, но лицо у вас совсем зеленое. Нехорошо будет, если вас начнет тозить прямо за столом, – добавила Агнес и слегка поморщила носик, учуяв запах рвотных масс в тазу. После чего немедленно накрыла таз чистой муслиновой салфеткой.

– Нет, мне уже хорошо. Спасибо. И еще, прошу меня простить великодушно вот за это, – Китти показала на таз.

– О господи! Какие разговоры? Мне приходилось делать и более грязную работу, пока они не оборудовали уборную, – отмахнулась Агнес, слегка округлив глаза от удивления, что перед ней извиняются.

Минут через десять Китти неуверенной походкой вступила на лестницу, надеясь в глубине души, что она не совершила еще одну ужасную ошибку, отправившись на ужин. Ведь даже от одного запаха хвои ее тут же снова стало подташнивать. Драммонд стоял внизу и, скрестив руки на груди, восхищенно разглядывал нарядную елку.

– Добрый вечер, – поздоровалась Китти, преодолев наконец последнюю ступеньку. – Вот решила, что уже достаточно оправилась, чтобы поужинать вместе с вами.

– В самом деле? А кто же вы такая?

– Я... пожалуйста, перестаньте надо мной подшучивать! – взмолилась Китти. – Вы же прекрасно знаете, кто я.

– Уверяю вас, мы с вами еще официально не знакомы. Хотя я догадываюсь, кто вы. Вы – мисс Китти Макбрайд, компаньонка моей тети.

– Ах, прошу вас! Перестаньте же подшучивать надо мной! Или это наказание за мое неподобающее...

Китти оборвала себя на полуслове.

– Мисс Макбрайд! Какая приятная неожиданность! Вы уже вполне оправились от своего солнечного удара и даже решили поужинать вместе с нами?

Нет, она все же очень больна, мелькнуло у Китти в голове, когда она увидела еще одного Драммонда, выходящего из гостиной. Его глаза, по обыкновению, искрились от смеха.

– Позвольте мне представить вам своего брата Эндрю, – продолжил он. – Как вы уже, наверное, догадались, мы с ним близнецы. Впрочем, Эндрю появился на свет на целых два часа раньше меня.

– О! – только и нашлась Китти, мысленно поблагодарив Всевышнего за то, что Драммонд появился так вовремя. Иначе она бы обо всем проболталась его брату. – Простите меня, сэр, – обратилась она к Эндрю. – Я просто не поняла...

– О, не беспокойтесь, мисс Макбрайд. Уверяю, не вы первая путаете нас с братом. – Эндрю подошел к Китти и протянул ей руку: – Я очень рад познакомиться с вами. И вдвойне рад тому, что вы уже вполне оправились и готовы присоединиться к нам за ужином. Позвольте сопроводить вас в столовую. Мы должны познакомить вас с нашим отцом.

Китти с благодарностью ухватила за локоть Эндрю, по-прежнему не чувствуя под собой ног. В эту минуту она увидела, как Драммонд весело подмигнул ей, но сделала вид, что не заметила его взгляд, и поспешно отвернула голову в другую сторону.

Обеденный стол уже был украшен и сервирован по-праздничному: элегантные позолоченные держатели для салфеток, гирлянды хвои с нанизанными на них алыми елочными игрушками, которые сверкали и переливались в свете горящих на столе свечей. Китти с некоторым благоговением выслушала, как семейство Мерсер помолилось на немецком языке, после чего Эндрю зажег четвертую свечу, стоящую посреди стола в красивом венке из цветов и хвои.

Когда все заняли свои места за столом, Эндрю перехватил любопытствующий взгляд Китти.

– Это рождественская свеча, или Адвент-свеча, как ее еще называют, – пояснил ей Эндрю. – Мои родители проявили завидное терпение и дождались-таки моего возвращения домой, чтобы я мог самолично зажечь эту свечу. Я с детства очень люблю это делать. Зажигать последнюю свечу еще до наступления сочельника. Такова старинная традиция у немцев-лютеран, мисс Макбрайд, – добавил он.

На ужин подали отбивные. Китти тоже смогла проглотить несколько маленьких кусочков, тщательно пережевывая каждый. И одновременно она старалась незаметно разглядеть двух братьев-близнецов. Они действительно были очень

похожи, оба темноволосые, голубоглазые, но вот характеры, судя по всему, у них были разные. Эндрю производил впечатление более серьезного и рассудительного человека, чем Драммонд. Сидя рядом с ней, Эндрю вежливо расспрашивал ее о жизни в Эдинбурге.

– Должен принести вам свои извинения, в том числе и от имени своего брата. Уж кому-кому, а ему бы следовало знать, что полуденное солнце в наших местах – слишком сильное испытание для любой юной леди, тем более для той, которая лишь недавно вступила на австралийскую землю. – Эндрю бросил укоризненный взгляд на Драммонда, сидевшего напротив них. Но тот лишь беззаботно пожал плечами в ответ.

– Прости меня, дорогой братец. Но я тут ни при чем. Слава богу, мисс Макбрайд! Я искренне рад тому, что у вас появился наконец надежный защитник в лице моего брата Эндрю, – добавил Драммонд, обращаясь уже к Китти.

Во главе стола восседал Стефан Мерсер, отец близнецов и хозяин дома. Такой же голубоглазый, как и его сыновья, но более плотный и представительный по своему телосложению, с лысиной на макушке, покрытой веснушками. Он охотно принялся рассказывать Китти, при каких именно обстоятельствах его семья оказалась в Австралии семьдесят лет тому назад.

– Наверное, вы уже слышаны о том, что многие наши предки приехали сюда, в Аделаиду, потому что здесь им бы-

ло позволено исповедовать ту религию, которую они выбрали. Моя бабушка была немкой. Она поселилась в небольшом поселке под названием Хахндорф в горах Аделаиды. Мой дед прибыл из Англии, принадлежал к пресвитерианам. Здесь они встретились и полюбили друг друга. Австралия – страна, где поощряется свобода мысли, мисс Макбрайд. Лично я, к примеру, не придерживаюсь никакой конкретной религиозной доктрины из тех, что были придуманы людьми. Так, наша семья регулярно посещает церковные службы в англиканском кафедральном соборе. Вот и завтра мы собираемся туда на вечернюю рождественскую мессу. Очень надеюсь, что вы сможете составить нам компанию, если не возражаете.

– С огромным удовольствием, – совершенно искренне ответила Китти. Ее тронула деликатность Стефана. Наверняка он немного опасался, что у Китти могут возникнуть какие-то возражения, коль скоро речь идет о посещении не пресвитерианского храма.

Кое-как Китти проглотила пару ложек пудинга – вкуснейшего десерта, обильно политого сверху кремом. Попутно она вслушивалась в разговоры, которые вели за столом трое мужчин о своем семейном бизнесе. Насколько она могла судить, основная сфера деловых интересов семейства Мерсер связана с добычей из морских глубин чего-то, что они называли раковинами. Они обсуждали, сколько тонн этих раковин доставляют на берег команды небольших парусных су-

дов. Их они называли люгтерами. Драммонд еще рассказывал отцу о том, как прошла «проверка поголовья». Китти решила, что речь идет о поголовье скота. Драммонд сокрушенно сообщил, что бесследно пропал его лучший гуртовщик. И добавил на полном серьезе, что лично он предполагает худшее: туземцы поймали его, разрезали на куски и сварили на ужин.

Как странно, размышляла Китти. Вот она сидит за таким прекрасным столом в таком красивом и элегантном доме со всеми удобствами, а где-то совсем рядом, за пределами города, который, как и ее родной Лейт, выглядит очень цивилизованно, творятся такие бесчинства.

– Наверное, вас удивляют наши разговоры, – словно прочитал ее мысли Драммонд.

– Нет, я читала об этом в книге Дар... – Она запнулась на полуслове. А вдруг Драммонд не одобряет взгляды Дарвина? – В книге одного автора, который провел в Австралии достаточно времени, а потом поделился своими впечатлениями о том, что он здесь увидел. Неужели аборигены и сегодня охотятся за белыми?

– Увы, это так. – Драммонд немного понизил голос. – Думаю, частично такая агрессия со стороны местных объясняется тем, что их непрошенные завоеватели часто провоцируют аборигенов своим жестоким обращением с ними. Ведь здешние племена обитали на этих землях тысячи и тысячи лет. Вполне возможно, австралийские туземцы – это самый

древний народ на земле. И вот их силой лишили и их земель, и привычного уклада жизни. Можно сказать, увели все прямо у них из-под носа. Однако, – вдруг спохватился Драммонд, – пожалуй, нам лучше отложить эту тему до другого раза.

– Хорошо, – тут же согласилась Китти, внутренне немного подобрев к своему собеседнику. После чего переключила внимание на Эндрю: – А где вы живете?

– На северо-западном побережье, в небольшом городке под названием Брум. Я недавно возглавил промысел отца по добыче жемчуга. Брум... О, там очень интересные места, со своей долгой-долгой историей. Там даже можно увидеть следы динозавра. Они сохранились на одной из скал, и во время сильного отлива их можно хорошо разглядеть.

– Боже! Как бы я хотела взглянуть на них своими глазами. А Брум отсюда далеко? Быть может, я смогу добраться туда поездом?

– К сожалению, не сможете, мисс Макбрайд. – Эндрю с трудом подавил улыбку. – Если плыть туда морем, то это займет несколько дней. Ну а если отправиться в Брум на верблюдах, то это будет еще дольше.

– Конечно-конечно! – поспешила согласиться с ним Китти, испытывая неловкость от того, что она только что продемонстрировала полнейшее незнание географии. – Теоретически-то я представляю, как велика ваша страна, а вот когда касается практической стороны дела... Трудно даже пред-

ставить, каким долгим может оказаться путешествие по ее просторам. Но все же я надеюсь, что мне представится случай выбраться за пределы Аделаиды. Хочу хотя бы прикоснуться рукой к тем скалам, которые стоят здесь со времен сотворения мира. Я читала, что на них очень много наскальной живописи.

– Это правда. Хотя, если честно, эти места лучше знакомы моему брату. Особенно те, что вокруг Айерс-Рок. Там совсем рядом, по австралийским меркам разумеется, находится наше скотоводческое хозяйство, которым он управляет.

– С огромным удовольствием отправилась бы туда. Я много читала про эту скалу. Ведь Айерс-Рок – самая древняя в мире скала-монолит. Надеюсь, в один прекрасный день у меня получится попасть в эти места, – тут же загорелась Китти.

– Вижу, мисс Макбрайд, вы всерьез интересуетесь историей древнего мира и геологией. Я прав?

– Просто мне интересно узнать, как все мы... – Уже во второй раз Китти замолчала на полуслове, благоразумно решив не развивать тему Дарвина. – Прежде всего мне интересно, мистер Мерсер, как Господь заселил нашу землю людьми.

– Пожалуйста, зовите меня просто Эндрю. Да, согласен с вами. Это действительно захватывающе интересно. Знаете что? – Эндрю заговорил громче. – У меня идея. – Он повернулся к миссис Мак Кромби: – Что, если вы, тетя Флоренс, совершите небольшое путешествие на северо-западное

побережье? Само собой, в сопровождении мисс Макбрайд. Предлагаю отправиться туда где-нибудь в марте, когда уже окончится сезон дождей.

– Флоренс, дорогая, даже не думай! – тут же предупредительно подала голос Эдит. – Последний раз, когда я отправилась в Брум, разыгрался такой сильнейший циклон, что наше судно швыряло из стороны в сторону, словно щепку. А потом возле Олбани мы и вовсе сели на мель. Мой старший сын живет в совершенно неподобающих условиях. Место самое что ни на есть дикое. В Бруме полно черных, желтых и бог знает кого еще. Словом, всякий сброд, съехавшийся туда со всего света. Преимущественно жулики всех мастей, бродяги и воры. Помнится, я тогда дала себе слово, что больше в Брум ни ногой.

– Ты немного преувеличиваешь, дорогая. – Стефан Мерсер осторожно погладил руку жены. – К тому же мы не имеем права забывать о том, что мы – христиане, особенно сейчас, накануне Рождества. Да, согласен, Брум не вполне обычный городок, мисс Макбрайд. Лично мне он представляется таким плавильным котлом, в котором смешались люди самых разных вероисповеданий и представители всех рас. Но мне этот город всегда был интересен. Ведь я прожил там более десяти лет, пока налаживал свой бизнес по добыче жемчуга.

– Забытый богом уголок земли, вот что такое твой Брум! – снова возразила Эдит мужу. – Я уж не говорю о том, какие нравы царят в этом городе. Никакой морали! Все эти люди

движимы лишь жаждой наживы и денег!

– Но разве в других регионах Австралии творится не то же самое, мама? – резонно поинтересовался у матери Драммонд. – И разве мы, – он обвел столовую и сервированный стол широким взмахом руки, – не такие же? Или нам не нужны деньги?

– Но мы хоть ведем себя как культурные, цивилизованные люди, приверженные христианским ценностям, – бросила ему в ответ Эдит и снова повернулась к сестре: – Как знаешь, Флоренс, дорогая! Можешь отправляться в эту поездку, если уж так захочется. Но лично я сопровождать тебя туда категорически отказываюсь. А сейчас, дамы, предлагаю пройти в гостиную. Пусть тут мужчины покурят в своей компании и порассуждают о неприглядной стороне жизни в Австралии. Не возражаете?

Уже в холле, куда проследовали три женщины, Китти обратилась к Эдит и Флоренс:

– Пожалуйста, простите меня, но я все еще ощущаю страшную слабость. Если не возражаете, пойду к себе. Хочу привести себя в порядок к завтрашнему сочельнику.

– Конечно, мисс Макбрайд. Какие разговоры? Ступайте отдыхать. Спокойной вам ночи, – подчеркнуто вежливо ответила Эдит, но по ее лицу Китти поняла, что она даже обрадовалась такому повороту.

– Сладких тебе снов, моя дорогая Китти, – напутствовала ее миссис Мак Кромби, направляясь вслед за сестрой в

гостиную.

У себя в комнате Китти вышла на террасу и принялась разглядывать звездное небо, пытаясь отыскать на нем Вифлеемскую звезду, предвестницу рождения Иисуса. Помнится, дома они всегда с сестрами искали эту звезду накануне сочельника. Но, при всем старании, Китти так и не удалось обнаружить Вифлеемскую звезду в ночном небе Аделаиды. Что ж, ведь Китти сейчас в другом полушарии. Вон сколько часовых поясов отделяют ее от Эдинбурга.

Она вернулась в спальню, оставив дверь на террасу открытой, ибо в комнате все еще витали запахи спиртного и рвоты. Ночь была душной, и Китти решила обойтись без ночной сорочки, осторожно скользнув под простыню в одной только рубашечке.

На следующее утро Китти проснулась от яркого солнечного света. Села на кровати и сразу же вспомнила: сегодня сочельник. Она уже приготовилась прыгнуть с постели, как вдруг что-то большое и коричневое рухнуло на нее прямо с потолка и тут же проворно поползло по простыням. Китти издала громкий крик, увидев перед собой огромного мохна-

того паука. Она замерла на месте, а паук между тем уже уверенно направился к ее груди. Она снова закричала во весь голос, что есть сил, ничуть не заботясь о том, что может переполошить своими криками весь дом.

– Какого черта? Что здесь происходит? – В комнату вбежал Драммонд, глянул на Китти и тотчас же понял, в чем дело. Натренированным движением руки он схватил непрошеного гостя за одну из его многочисленных лапок, поднял извивающуюся тельце в воздух и направился на террасу, крепко придерживая паука двумя пальцами. Китти было видно, как Драммонд швырнул паука прямо через балюстраду куда-то в глубь сада. После чего снова вернулся в комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

– Вот что бывает, когда оставляешь двери на террасу открытыми, – попенял ей Драммонд, помахав пальцем для большей убедительности. Тем самым, которым он недавно держал паука.

– Но вы же сами велели мне открыть двери на террасу, чтобы хорошенько проветрить комнату! – обиженно воскликнула в ответ Китти, чувствуя, как ее голос срывается на визг.

– Говорил! Однако же я имел в виду открыть дверь на какое-то короткое время, а не на всю ночь. Это уж явный перебор! – Драммонд недовольно сверкнул на нее глазами. – И вот, по вашей милости, я просыпаюсь на рассвете от истошных воплей. И это в сочельник! Бегу сюда, помогаю юной

леди в ее несчастье. И что в ответ? Вместо благодарностей слышу в свой адрес одни упреки.

– А он... он ядовитый?

– Кто? Этот паук-охотник? Бог мой, конечно же нет! Правда, может слегка ущипнуть ненароком. Но в целом они весьма дружелюбные твари, эти пауки. И делают для нас, людей, много полезного. Помогают бороться с всякими вредными насекомыми, не дают им бесконтрольно размножаться. Так что ваш безобидный паучок – это ничто по сравнению со всякой нечистью, которой полно на северных землях, где я живу. Вот там поход в туалет, который, естественно, находится на улице, всегда сопряжен с опасностями. Там их, этих пауков, кишмя кишит, и некоторые из них действительно *очень опасны*. Мне приходилось, по крайней мере дважды, отсасывать яд из ран у своих гуртовщиков после того, как их покусали пауки. Особенно мерзкие твари – это пауки-кругопряды.

Китти, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди, все же обрела прежнее умение мыслить рационально, а потому тут же решила, что Драммонд просто запугивает ее. Видно, это доставляет ему удовольствие.

– За пределами Аделаиды жизнь совсем другая. Очень отличается от той, которой живут люди здесь, в городе, – добавил Драммонд, словно прочитав ее мысли. – В глубинке речь идет об элементарном выживании. И за право остаться в живых приходится бороться, да еще как!

– Догадываюсь, как все это сложно.

– Что ж, оставляю вас для продолжения сна. В конце концов, еще только половина шестого утра. – Он кивнул на прощание и направился к дверям. – Между прочим, мисс Макбрайд, могу я поинтересоваться, вы всегда спите в одной рубашке? Или как? Моя матушка пришла бы в несказанный ужас, узнай она о подобных вольностях.

Драммонд весело ухмыльнулся и с этими словами покинул спальню Китти.

Через три часа, уже за завтраком – вкуснейший свежееиспеченный хлеб с ароматным клубничным вареньем, – миссис Мак Кромби вручила Китти увесистый пакет.

– Это тебе, моя милая, – ласково улыбнулась благодетельница. – Твоя мать попросила меня придержать подарки от домашних вплоть до самого Рождества. Я знаю, как ты скучаешь по своей семье. Надеюсь, подарки от близких не только доставят тебе радость, но и смягчат хоть немного боль разлуки с Шотландией.

– Ой! – Китти взяла в руки тяжелый пакет. Слезы тут же брызнули из ее глаз, но она быстро смахнула их.

– Вскрой же пакет, дитя мое! Мне и самой не терпится узнать, что там внутри. Ведь этот пакет был вместе со мной в течение всего нашего долгого плавания.

– А может, нужно подождать до завтра? – нерешительно спросила Китти.

– У немцев существует несколько иная традиция, – подала голос Эдит. – Они вскрывают полученные подарки именно в сочельник. Правда, мы у себя дома делаем это уже ближе к вечеру, непосредственно перед застольем. Так что вперед, дорогая! Смело вскрывайте свой пакет.

Китти разорвала упаковочную бумагу, и оттуда посыпались всякие трогательные вещицы, тотчас же наполнившие ее душу радостью и умилением. Коробочка с маминым вкуснейшим песочным печеньем, разноцветные ленты от сестер, их рисунки и самодельные открытки. Отец передал в подарок молитвенник в красивом кожаном переплете. Подарок отца Китти тут же вернула в коробку, даже не удосужившись прочесть дарственную надпись.

Оставшуюся часть утра Китти посвятила домашним хлопотам. Сама предложила свои услуги. Стала учить чернокожую служанку на кухне, как надо правильно раскатывать тесто, затем принялась помогать кухарке начинять небольшие сдобные ракушки сахарной смесью из мелко нарубленного миндаля и изюма. Эту популярную в Шотландии начинку для пирогов миссис Мак Кромби специально привезла с собой из дома. А еще в сегодняшнем праздничном меню зна-

чился гусь плюс в прохладной кладовке своей очереди дожидалась индейка, которую нужно было приготовить уже завтра. Во второй половине дня, когда снова установилась нестерпимая жара, Китти поднялась к себе, мысленно поздравила с наступающим сочельником своих близких, которые еще только-только проснулись. Ведь у них в Шотландии сейчас раннее утро. Она представила себе, с каким нетерпением ее сестрички будут ждать наступления вечера и сколько еще радостей сулят им эти два праздничных дня. Вчерашнее алкогольное опьянение все еще давало о себе знать: чувствовалась слабость во всем теле. А потому Китти решила немного вздремнуть после обеда и очнулась от сна, только когда в дверь постучали.

– Входите! – отозвалась Китти сонным голосом. В комнату вошла Агнес, бережно неся на своих руках что-то струящееся и льющееся, из шелка нежного бирюзового цвета.

– Это вам от миссис Мак Кромби, мисс, – пояснила Агнес, обращаясь к Китти. – Ее рождественский подарок вам. Она сказала, чтобы вы обязательно надели платье к ужину.

Китти молча проследила за тем, как Агнес повесила платье на дверцу шифоньера. Еще никогда в своей жизни Китти не видела такого изысканно красивого платья. Пугало лишь одно. А вдруг она начнет потеть и тогда не сможет поднять руки? Иначе все за столом увидят пятна от пота.

Ровно в пять семейство Мерсер в полном составе собралось в гостиной. Китти представили знаменитой родоначаль-

нице всей семьи, самой бабушке Алисе. Округлое полное лицо старушки тут же расплылось в доброжелательной улыбке, мгновенно обозначив многочисленные морщинки. Ее синие глаза тоже искрились радостью. Ничего похожего на вечное осуждение, которое постоянно читалось во взгляде Эдит. Китти искренне пожалела о том, что не может поговорить с Алисой как следует, ибо старушка общалась преимущественно на немецком. Несмотря на долгие годы жизни в Аделаиде, разговаривать на английском она так и не научилась. Эндрю перевел Китти слова своей бабушки: она, дескать, извиняется перед ней за свое слабое знание английского языка. При этом Алиса тепло пожала Китти руку, и Китти тотчас же поняла, что Алиса Мерсер с радостью приветствует ее в доме, который изначально принадлежал ей.

Китти по-хорошему позавидовала обоим братьям Мерсер, которые с легкостью переключались с одного языка на другой, разговаривая с близкими то на немецком, то на английском. А еще ее очень тронуло, что семейство Мерсер не обошло рождественскими подарками и ее. Так, Эдит и Стефан подарили Китти гребень из слоновой кости, Эндрю – красивые сережки с крохотными жемчужинками, а Драммонд преподнес пакет с прикрепленной к нему запиской, написанной от руки.

Дорогая мисс Макбрайд!

Этой запиской я уведомляю Вас, что Ваш основной рождественский подарок дожидается Вас на дне

ишфоньера в Вашей комнате. Не волнуйтесь, это – не паук.

Драммонд

Прочитав записку, Китти взглянула на довольное лицо Драммонда, затем развернула пакет, достала оттуда небесно-голубую ленту и благодарно улыбнулась:

– Спасибо, Драммонд. Какой красивый цвет. Я обязательно украшу этой лентой волосы, когда буду собираться на ужин.

– Этот цвет точно в тон вашим глазам, – прошептал в ответ Драммонд, пока внимание всех остальных присутствующих обратилось на Стефана, вручившего подарок своей жене.

– Дорогая моя, поздравляю тебя с Рождеством! – Стефан нежно расцеловал супругу в обе щеки. – Надеюсь, тебе понравится мой подарок.

В бархатной коробочке лежала огромная жемчужина-кулон на изящной серебряной цепочке. Гладкая молочно-белая поверхность жемчужины переливалась всеми цветами радуги в последних лучах заходящего солнца.

– Господи! – воскликнула Эдит, пока сестра застегивала цепочку у нее на шее. – Снова жемчуг!

– Эта жемчужина совершенно необычная, дорогая. Наш самый лучший экземпляр из всего улова за минувший год. Не правда ли, Эндрю?

– Да, папа, ты абсолютно прав. О том, что она лучшая на-

ша находка, официально объявил сам Т. Б. Эллис, мама. В этом году в водах вокруг Брума ничего лучшего нам поймать не удалось.

Китти заворуженно наблюдала за тем, как мерцают и переливаются огоньки в жемчужном кулоне, который уютно расположился на пышной груди Эдит. Поражали не только размеры жемчужины. Удивило еще и то равнодушие, с которым Эдит приняла подарок мужа.

– А вам нравится жемчуг? – поинтересовался у Китти Эндрю, присаживаясь рядом с ней на обитую бархатом кушетку.

– О да! Очень! – чистосердечно призналась Китти. – Помню, в детстве я без устали открывала все ракушки с моллюсками, которые попадались мне на берегу моря в Лейте, в надежде найти в одной из них жемчужину, но, конечно, жемчужина мне так и не попала. Ни разу!

– Да вряд ли в ваших широтах поиски жемчуга обернулись бы удачей. Ведь для выращивания жемчуга нужен особый климат и особый сорт устриц. Не говоря уже о том, что весь процесс выращивания жемчужины может затянуться на долгие и долгие годы.

После того как состоялся обмен подарками, все обитатели дома разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться к ужину. А Китти воспользовалась моментом, чтобы посмотреть, какой же подарок к Рождеству ей приготовил Драммонд. Зная его страсть к розыгрышам, можно легко предпо-

ложить, что это бутылка виски. Или мертвый паук в рамочке... Коробочка оказалась такой крохотной, что Китти пришлось изрядно пошарить по днищу шифоньера, прежде чем она нашла подарок. Простая коробочка, перевязанная такой же простенькой лентой. Сгорая от любопытства, Китти открыла коробочку и обнаружила внутри небольшой серый камешек, совершенно невзрачный на вид.

Китти взяла камешек в руку, мгновенно почувствовав горячей ладонью его прохладу. Интересно, что бы все это значило, подумала Китти в полнейшем недоумении. Да таких камешков полно на побережье в их Лейте. Просто обычная галька синевато-серого цвета безо всяких вкраплений и жилок. Китти поднесла камень к свету. Ничего! Даже никаких полосок не видно.

Она перевернула камень на другую сторону и увидела там полуистершуюся от времени гравировку. Китти принялась с любопытством разглядывать ее, водя пальцем по канавкам, бороздкам и выступающим краям, которые уже стерлись за столько лет, пройдя, судя по всему, через множество рук. Однако, несмотря на все свои усилия, она так и не смогла прочесть надпись или разобрать рисунок гравировки.

Китти положила камешек в горку, стоявшую рядом с ее кроватью, чувствуя некоторые угрызения совести по поводу своих предположений о коварных замыслах Драммонда подшутить над ней в очередной раз. После чего позвала Агнес, чтобы та помогла ей облачиться в новое платье и застег-

нуть на спине крохотные перламутровые пуговички, которые простирались до самой шеи. Китти тут же стало невыразимо душно, и она показалась сама себе похожей на того рождественского индюка, которого туго спеленали, связали ему ножки и крылышки, прежде чем сунуть в духовку. Собственное отражение в зеркале подтвердило эти ассоциации. Однако бирюзовый цвет платья как нельзя лучше гармонировал с цветом глаз, которые тут же засверкали бирюзовыми красками. Агнес закрепила на ее кудрях ленту, подаренную Драммондом, Китти нанесла немного румян на щеки, после чего поднялась из-за туалетного столика и направилась вниз, к остальным гостям.

– Ну, мисс Макбрайд, сегодня вы чудо как хороши! – прокомментировала ее появление в холле миссис Мак Кромби голосом довольной мамыши-наседки. – Я с самого начала знала, что этот цвет великолепно подойдет тебе, дитя мое.

– Большое вам спасибо, миссис Мак Кромби. Я еще никогда не получала такого красивого рождественского подарка. Это самый лучший подарок! – торопливо поблагодарила ее Китти.

В эту минуту в парадную дверь снова позвонили: прибыла очередная порция гостей к праздничному ужину. Женщины прошли в гостиную, где уже собрались те, кто приехал пораньше.

– Так говорите, самый лучший подарок? – насмешливо поинтересовался у Китти Драммонд, возникнув за ее спи-

ной. – Полностью обворожил вас, да? – В своем парадном вечернем костюме он выглядел просто потрясающе.

– Я просто пыталась быть вежливой, только и всего. И еще раз спасибо за ленту... и за камешек тоже. Хотя, если честно, я и понятия не имею, что он обозначает.

– О, моя дорогая мисс Макбрайд! Это от камешек – очень редкая, можно сказать уникальная, вещь. Его еще называют священным камнем. Когда-то эта сакральная реликвия принадлежала какому-то аборигену, представителю племени аррернте. Он получил ее в дар в день своего совершеннолетия как символ его новых обязанностей.

– Вот это да! – восхищенно воскликнула Китти, но тут же сверкнула глазами в сторону Драммонда. – Но вы, надеюсь, не украли этот камень?

– За кого вы меня принимаете, Китти? Или я, по-вашему, бродяга с большой дороги? Если уж хотите знать, то я нашел этот камешек несколько недель тому назад, когда возвращался домой со своего скотоводческого ранчо.

– Хочу верить, что человек, которому изначально принадлежал столь драгоценный амулет, не потерял его случайно?

– Думаю, этого человека уже давным-давно нет в живых. Так что вряд ли он предъявит нам свои претензии. А сейчас, мисс Макбрайд, – Драммонд снял с подноса, который проносили мимо них, два бокала, – могу я предложить вам бокал шерри?

Веселые чертики снова запрыгали в его глазах, но Китти

решительно отказалась:

– Нет, спасибо. Я не хочу.

– Должен отметить, что вы сегодня начистили свои перышки по полной. Хорошо выглядите! – Драммонд залпом осушил небольшое количество шерри в своем бокале, а затем проделал то же самое и с бокалом, который изначально предназначался для Китти. – Поздравляю вас с Рождеством, Китти, – задумчиво добавил Драммонд. – Могу сказать, что знакомство с вами стало для меня поистине... самым настоящим приключением.

– Мисс Макбрайд...

Китти повернулась на голос и увидела перед собой Эндрю. А все-таки, подумала она, наличие в одном доме двух абсолютно похожих друг на друга близнецов порой изрядно нервирует. Такое чувство, будто у тебя все время двоится перед глазами.

– Добрый вечер, Эндрю. Еще раз большое вам спасибо за такие красивые сережки. Как видите, я их сегодня надела.

– Рад отметить, что они прекрасно дополняют ваше нарядное платье. Предлагаю поднять небольшой бокал шерри в честь наступающего Рождества.

– О, мисс Макбрайд у нас исключительная трезвенница. Ни капли в рот, не так ли, мисс Макбрайд? – промурлыкал Драммонд у нее над ухом.

Глядя, как он вальяжной походкой удаляется от них, Китти задалась вопросом, когда же она, наконец, соберется с ду-

хом и влепит хорошую пощечину по его самодовольной физиономии, чтобы раз и навсегда стереть с нее эту издевательскую ухмылку. Гости между тем уже собрались в столовой, где их поджидал обильный праздничный ужин: запеченный гусь, традиционный картофель, тоже запеченный в духовке, и даже хаггис, национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов, порубленных с луком. Миссис Мак Кромби специально привезла его с собой из Эдинбурга, тщательно сохраняя деликатес в морозильной камере на судне в течение всего их долго плавания. Глядя на наряды гостей и обилие драгоценностей на дамах, Китти поняла, что встречает сочельник вместе со *сливками общества* Аделаиды. Справа от нее сидел приятный немец, беседовавший с ней на безукоризненном английском языке. Он пространно рассказывал о своем пивоваренном бизнесе и о своих виноградниках, которым, судя по его рассказам, местный климат в горах Аделаиды пришелся по душе.

– Здесь климат точь-в-точь как на юге Франции, виноград созревает превосходно. Помяните мое слово, через несколько лет весь мир будет охотиться за австралийскими винами. Вот это, – немец поднял одну из бутылок, стоявших на столе, – как раз уже наше вино. Могу я предложить вам отведать глоток?

– Нет, благодарю вас, мой господин, – поспешила отказаться Китти. Еще одного издевательского взгляда Драммонда, сидевшего как раз напротив нее, она просто не вынесет.

После ужина гости сгрудились вокруг рояля и хором пропели на немецком *Stille Nacht*, популярный рождественский гимн «Тихая ночь, святая ночь». Потом с таким же воодушевлением исполнили и несколько английских рождественских хоралов. Аккомпанировала Эдит, которая оказалась весьма талантливой пианисткой. Вот она повернулась к своему старшему сыну и сказала:

– Эндрю, а ты не споешь нам?

Гости дружными аплодисментами проводили его к роялю.

– Прошу простить меня, леди и джентльмены. Но я сегодня явно не в голосе. Как вы догадываетесь, в Бруме у меня было мало возможностей попрактиковаться в занятиях вокалом, – обратился Эндрю к собравшимся. – Если не возражаете, я сейчас спою для вас отрывок из оратории Генделя «Мессия» под названием *«Каждая долина будет возвышена...»*

– А я постараюсь наилучшим образом подыграть ему, – добавила Эдит.

– Боже мой! Какой прекрасный голос! – растроганно прошептал винодел, сосед Китти по застолью, когда Эндрю закончил петь и комната взорвалась бурными аплодисментами. – Наверняка он мог бы стать выдающимся оперным певцом. Но жизнь распорядилась иначе... И у отца его другие планы на сына. Вот такова наша Австралия на самом деле, – добавил винодел со вздохом. – Отары овец, стада коров, богатство, часто полученное сомнительным путем... А вот по

части культуры мы еще сильно отстаем. Но ничего! В один прекрасный день все изменится и наша страна станет совсем другой, помяните мое слово!

Около одиннадцати вечера гости в сопровождении своих грумов разошлись по каретам и направились в центр Аделаиды на полуночную мессу.

Собор Святого Петра впечатлял своей архитектурой: резные готические шпили, казалось, пронизывали небеса, ровное пламя свечей, горящих внутри, выплескивалось наружу, отражаясь в разноцветных витражах. Эдит и миссис Мак Кромби в сопровождении Драммонда направились к собору. Эндрю помог Китти вылезти из кареты.

– У вас такой красивый голос, – сказала ему Китти.

– Спасибо. Мне все так говорят. Впрочем, я отношусь к этому спокойно. Знаете, человек никогда не ценит то, что ему достается легко. К тому же мне мой голос здесь совсем без надобности. Разве только затем, чтобы развлекать родителей и их гостей по большим праздникам, – добавил Эндрю, когда они присоединились к толпе других прихожан, поднимавшихся по ступенькам к центральному входу в собор.

Внутри церковь тоже поражала своими размерами и пышным убранством. Высокие сводчатые арки обрамляли с двух сторон скамьи для прихожан. Служба уже началась. Пожалуй, отец назвал бы разворачивающееся действо официозом. Воздух был насыщен ароматами ладана, духовенство облачилось в пышные, расшитые золотом ризы. Ральфу это все

точно не понравилось бы. Китти подошла за Святым причащением, преклонив колени перед алтарем, заняв место между Драммондом и Эндрю. Здесь хотя бы ноги не мерзнут, подумала она, вспомнив, какой зверский холод обычно царит в церкви ее отца в Лейте во время рождественской службы.

– Ну, как вам понравилась служба? – поинтересовался у нее уже позднее Эндрю, когда они направлялись к выходу. – Знаю, вы привыкли к несколько иным богослужениям.

– Думаю, Господь не имеет ничего против того, как именно ты молишься Ему и как долго восславляешь Его имя, – тактично ответила Китти.

– Если этот Бог вообще существует. В чем я лично сильно сомневаюсь, – услышала она из темноты голос Драммонда.

Позднее, уже у себя в спальне, еще раз проверив на сон грядущий, плотно ли она закрыла дверь, ведущую на террасу, а потом внимательно обзрев потолок в поисках непрошенных гостей в виде мохнатых пауков, которые потом снова вознамерятся запрыгнуть к ней на постель, Китти, размышляя о событиях минувшего дня, пришла к выводу, что день получился необыкновенно насыщенным и чрезвычайно интересным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.